

ЕВГЕНИЙ АНТАШКЕВИЧ

р о м а н

ХАРБИН

Евгений Анташкевич

Харбин

«Центрполиграф»

2012

Анташкевич Е. М.

Харбин / Е. М. Анташкевич — «Центрполиграф», 2012

К концу 1922 года в Маньчжурию из охваченной войной России пришли почти 300 тысяч беженцев. Харбин, город на северо-востоке Китая, казалось бы, стал спасением. На самом деле именно через него на четверть века пролегал фронт русской смуты. Главный герой романа «Харбин» оказался в тисках между «золотой казной» Российской империи и замыслами советской и японской разведок. В повествовании не фигурируют в качестве героев Сталин, Чан Кайши или Микадо, но художественно и исторически достоверно показана жизнь города, задуманного и построенного как столица российско-китайской железнодорожной магистрали, и его жителей, ставших жертвами грандиозных потрясений первой половины XX века. Герои романа «Харбин» были участниками этих событий.

© Анташкевич Е. М., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

ОТ АВТОРА	5
КНИГА ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	12
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	46
Глава 9	47
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	62
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	68
Глава 1	68
Глава 2	69
Глава 3	76
Глава 4	77
Глава 5	81
Глава 6	88
Глава 7	91
Глава 8	96
Глава 9	97
Глава 10	98
Глава 11	100
Глава 12	105
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	109
Глава 1	109
Глава 2	111
Глава 3	115
Глава 4	117
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Евгений Анташкевич

Харбин

*Я думала, Россия – это книжки.
Всё то, что мы учили наизусть.
А также борщи, блины, пирог, коврижки
И тихих песен ласковая грусть.
И купола. И тёмные иконы.
И светлой Пасхи колокольный звон.
И эти потускневшие погоны,
Что мой отец припрятал у икон.
Всё дальше в быль, в туман со стариками.
Под стук часов и траурных колёс.
Россия – вздох.
Россия – в горле камень.
Россия – горечь безутешных слёз.*

Харбинская поэтесса Ларисса Андерсон

*Если укреплять своё сердце решимостью каждое утро и каждый
вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже принадлежит
Вечности, Путь будет для него свободен.
Ямамото Цунэтомо (Кодекс Бусидо)*

*...Так души смотрят с высоты
На ими брошенное тело!..*

Ф.И. Тютчев

ОТ АВТОРА

*Под стук часов и траурных колёс.
Россия – вздох.
Россия – в горле камень.
Россия – горечь безутешных слёз.*

Изложенное в романе «Харбин», который в большей степени похож на легенду-биографию, основывается на реальных событиях, которые происходили начиная с конца XIX и практически до конца XX века в Маньчжурии и в России.

Легенда-биография – это специфический термин специальных служб, который обозначает совокупность сведений о человеке или людях, выполняющих секретное задание непосредственно в стране противника. Легенда-биография включает в себя правдивые сведения о человеке, а также специально составленные, для того чтобы противник ничего не заподозрил.

В легенде-биографии «Харбин» придуманными являются лишь некоторые персонажи, но и то не полностью, поскольку в их историях использованы фрагменты жизни многих реальных людей, описавших события тех лет в мемуарах; а также тех – и это сделано с их ведома и согласия, – кто родился и вырос в Маньчжурии, в Харбине и ныне здравствует в Москве, в России и не только.

КНИГА ПЕРВАЯ

Степан Фёдорович Соловьёв поднялся на ступеньки и протянул прапорщику паспорт. Стоявший на расслабленных ногах прапорщик взял его, порылся в бумажках на столе, потом зацепился взглядом за широкую, в две ладони, орденскую колодку Соловьёва и распрямился:

– Проходите, пожалуйста! – Он козырнул. – А что в такую рань, товарищ полковник, не спится?

– Бывший полковник... Знаете ли, старая привычка, я уже много лет подряд рано встаю... И акклиматизация... семь часов разница во времени...

– А бывших у нас не бывает, товарищ полковник! А по поводу акклиматизации... – сказал прапорщик и заулыбался, – конечно, знаю, сам летал, а потом мучился!..

Степан Фёдорович посмотрел на него, поблагодарил и пошёл через большой холл налево к лифту: «Разговорчивый! Застоялся! Небось за всю ночь ни с кем словом не перекинулся!»

Вчера вечером полковник Соловьёв прилетел из Москвы по приглашению Совета ветеранов на празднование семидесятилетия Хабаровского краевого управления КГБ. У самого трапа его торжественно, с цветами встретили молодые сотрудники. В гостиничном номере, куда его привезли из аэропорта, Степан Фёдорович только-только успел разложить немногочисленные вещи и ополоснуть лицо, как зазвонил телефон.

«Литерный, что ли? – Он усмехнулся. – Да нет! Меня-то чего слушать, тем более одного?»

Он снял трубку:

– Алло!

– Степан Фёдорович, извините за беспокойство, я подумал, что минут пятнадцати – двадцати вам хватит, чтобы распаковаться и привести себя в порядок. Вы потом могли уйти в город, вы же местный, хабаровский, поэтому я решился вас побеспокоить! – Голос в трубке был молодой и очень громкий.

– Хорошо, хорошо, – Степан Фёдорович немного отодвинул трубку от уха, – беспокойте! Только представьтесь!

– Ой, извините, это я только что встречал вас в аэропорту, я Евгений Мальцев, лысеватенький такой...

Степан Фёдорович вспомнил, что среди встречавших был один такой – разговорчивый и весёлый.

– Слушаю, Евгений... как вас по отчеству?

– Да можно просто Женя!

– Слушаю вас, просто Женя! – Соловьёву стал нравиться задорный голос позвонившего.

– Степан Фёдорович, вы меня извините, когда мы ехали в машине и вы узнали, что я из Москвы, как-то разговор невольно перешёл на меня, и не очень удобно было...

– Помню, мне, хабаровчанину, любопытно стало, как ты, москвич, сюда забрался?

– Да! Так вот, мне неудобно было вас перебивать, а вы просили кое-что по архивам. Мы нашли. Так что, если вы не особенно устали, можно было бы посмотреть...

– Ты имеешь в виду прямо сейчас?

– Нет, сейчас, – в трубке замялись, – вы, наверное, захотите отдохнуть или прогуляться по городу...

Соловьёв не дал ему договорить:

– Да, Женя, ты правильно рассуждаешь, давай завтра! Я действительно немного устал, поэтому сегодня – мэй ёу фанцзы! Хорошо?

– Что-что? Что вы сказали?

Соловьёв на секунду задумался.

– Нет, нет, ничего! Давай завтра!

– Ну конечно, Степан Фёдорович! Тогда до завтра! Отдыхайте! Я вас утром побеспокою! Соловьёв попрощался, положил трубку и повернулся к окну.

Окно его одноместного гостиничного номера выходило на площадь Ленина, он её помнил с детства, когда она была ещё немощёной. С четвёртого этажа было хорошо видно, как, теснясь около плескавшегося струями нарядного фонтана, в мареве сгустившейся за день жары медленно гуляли, будто плавали, горожане с детьми. Там же, рядом с большими стендами, увешанными фотографиями, сидели ленивые, разморённые солнцем фотографы с громадными аппаратами, свисавшими к коленям толстыми объективами.

Номер был тесный и душный, но Соловьёв не стал открывать форточку, чтобы не налетели комары, а ещё хуже мошка, которая летом – в Хабаровске так было всегда – не даст дышать. Только что был тяжёлый перелет, целых восемь часов... и возраст – уже далеко за семьдесят... Стало побаливать сердце; Степан Фёдорович вынул из пакетика таблетки, которые положила ему жена, и не глядя сунул одну под язык.

Утром он проснулся рано, на часах было около пяти, он понял, что больше не заснёт, оделся и вышел.

Город ещё только розовел в рассветных лучах, солнце поднималось из-за гостиницы, из-за спины, поэтому дома напротив, через площадь: Высшая партийная школа и недавно построенная, облицованная белым мрамором городская больница – стояли наполовину закрытые тенью. Степан Фёдорович любил эти ранние часы – эту нежную, без озноба прохладу только что ушедшей ночи и это небо, которое сверху светилось синим, такое прозрачное, что смотреть в него можно было долго, потому что оно было бесконечное.

Он оглянулся, от гостиницы, на ступеньках которой он стоял, налево и направо расходилась похожая на коромысло, рассечённая площадью надвое, улица Пушкина: налево она спускалась на Уссурийский бульвар, когда-то там тонким ручейком протекала речка Плюснинка и на её берегу стоял его дом; направо она тоже спускалась, уже к Амурскому бульвару, там тоже когда-то протекала тоненькая речка под названием Чердымовка.

Степан Фёдорович посмотрел налево и увидел свой дом – кирпичный, красно-коричневый, крепкий. Было видно, что его не перестроили, не стало только деревянной лестницы, по которой он когда-то бегал. К нему можно было подойти, но изнутри что-то подсказывало: «Не надо! Там уже всё чужое!»

Он постоял ещё секунду и пошёл через площадь.

Перед самым вылетом из Москвы Степан Фёдорович вдруг подумал – узнает он город или не узнает: «Может – узнаю, а может, и нет! А может быть, город меня не узнает! Мэй ёу фанцзы! Их-ху мать!»

«Узнаю или не узнаю?! – думал он на ходу. – А сколько я тут был? Родился, крестился, учился... потом в Москву, в начале тридцатых! Потом снова сюда – в сорок пятом. А потом? А потом Китай, Харбин! А потом нас оттуда попёрли, то ли в пятьдесят седьмом, то ли в пятьдесят восьмом? Когда нас из Харбина-то попёрли?.. – Он на секунду остановился около фонтана, в котором в это раннее время ещё не включили воду. – Вот, кажется, в пятьдесят восьмом и попёрли. После этого год здесь сидел – отписывался!»

Большая асфальтированная площадка перед управлением была пустая, стояли три дежурные машины: светло-серая «Волга» ГУВД, узик Управления Особых отделов с чёрными военными номерами и чёрная «Волга» УКГБ. Прапорщик, несмотря на раннее время, впустил и даже не стал звонить и спрашивать разрешения у дежурного.

Старый железный лифт с узорчатой дверью одиноко прогромыхал на пятый этаж по всей вертикали пустого и тихого управления; Соловьёв вышел из кабины, забыл придержать тяжё-

лую дверь, и та оглушительно бабахнула: «Чёрт бы тебя побрал, старый хрен, сейчас ещё дежурного разбудишь! Потом будет жаловаться!»

По скрипящему паркету пустого, гулкого коридора он прошёл в левое крыло, туда, где находился кабинет сотрудника разведподразделения Хабаровского управления Евгения Мальцева; посмотрел на старую эмалированную дощечку на двери «555» и вытащил из-за верхней притолоки ключ.

В узком высоком кабинете, куда он вошёл, стояли три рабочих стола и три сейфа; он огляделся и увидел слева на стене большую, даже огромную, от потолка и до пола, от двери и до самого окна карту, на которой под верхним обрезом была надпись:

«СССР и прилегающие территории».

«Ты смотри какая!.. – Соловьёв подошёл к ней и задрал голову. – От Северного полюса и до Бомбея и Калькутты. – Потом он посмотрел справа налево и слева направо. – От Англии и до Японии!..»

Карта была красивая: на ней яркими красками рельефно были нарисованы горы, реки, озёра и леса и тонкими, почти незаметными красными линиями только-только обозначены государственные границы. Степан Фёдорович был приятно удивлён и несколько минут стоял и любовался ею. Ему нравилось, что границы на карте были едва заметные и не мешали и можно было, как бы не нарушая их, перемещаться по всей Европе и Азии, куда хочешь, в любом направлении, хоть целыми племенами и народами.

«И название правильное: «Эс-Эс-Эс-Эр и прилегающие территории!» – с улыбкой подумал он, повернулся и на противоположной стене увидел ещё одну карту; на ней в правом верхнем углу было написано:

«Карта Северной Маньчжурии.

**Издана Экономическим бюро КВЖД
1926 год».**

Она была меньше, но тоже большая и не цветная – Соловьёв подошёл к ней, – но и не чёрно-белая: бумага, на которой чёрной тушью были нарисованы города, дороги, водные пути, телеграфные линии и многое другое, уже утратила белизну; от старости она приобрела мягкий оттенок слоновой кости и поэтому больше напоминала древний, пропитанный временем пергамент.

Степан Фёдорович смотрел на неё, и ему стало казаться, что она ему знакома, что он её когда-то уже видел. Он был в кабинете один, но на всякий случай оглянулся, потом вытащил кнопку, крепившую её нижний край к стене, и заглянул на обратную сторону. Нет, он не мог её видеть, – на обороте, на старой, уже ставшей ломкой марле, на которую карта была наклеена, стоял выцветший фиолетовый прямоугольный штамп «УНКВД ДВК» с регистрационным номером за 1946 год. Значит, эта карта попала в управление с трофеями, а в 46 году он уже работал с китайскими коммунистами там, в Харбине, и к трофеям не имел никакого касательства. Чуть выше штампа он обнаружил резолюцию «Уничтожить», написанную толстым синим карандашом, и рядом с резолюцией неразборчивую, витиеватую закорючку подписи.

Да, в сорок шестом он точно работал в Харбине и не мог её видеть, но что-то от неё такое исходило...

– Степан Фёдорович! Вы уже здесь?

Соловьёв вздрогнул и обернулся, в дверях стоял запыхавшийся Евгений Мальцев.

Степан Фёдорович посторонился, уступая ему место в узких проходах между столами:

– Да, Женечка! Спасибо тебе! Ключ я нашёл, как договорились. А ты что же так рано? Почему не дома?

– Да вот, Степан Фёдорович, я сейчас с дочкой один кукую, жена в больнице на сохранении. – Вошедший молодой человек небольшого роста, с улыбочивым круглым лицом и ранней лысиной переводил дыхание. – Бегал за питанием в молочную кухню.

– А сколько дочке? – поинтересовался Степан Фёдорович.

– Годик с небольшим. Замотался я с ней, надо кормить, поить, спасибо соседке, что помогает.

– Молодая соседка? – поинтересовался Соловьёв.

– Да! – удивлённо ответил Мальцев.

– Так, беги домой! Корми и пои, а то ей, бедняжке, и пописать будет нечем, я имею в виду дочку!

Мальцев прыснул:

– Хорошо, спасибо, Степан Фёдорович! Если вы всё нашли, тогда я побежал! – сказал он и повернулся к дверям.

– Постой! – остановил его Соловьёв. – Откуда это? – спросил он, показывая на карту Маньчжурии.

– А-а-а! Я знал, что вам понравится, а есть ещё одна – карта Харбина тридцать восьмого года издания, на русском языке, со всеми русскими названиями, эмигрантская, – хотите, покажу? – Слово «Харбина» Мальцев произнес с ударением на последний слог.

– Да? А где ты их добыл?

– Архивные, точнее, – трофейные! Эта, – он показал на карту Маньчжурии, – досталась мне от моих предшественников, старших коллег, а харбинскую я сам откопал.

– Вот как? – удивился Степан Фёдорович. – Ну давай, показывай!

Мальцев полез в нижний ящик стола и вытащил оттуда сложенную в несколько раз карту; он начал её разворачивать, но Степан Фёдорович остановил его:

– Вот что, молодой человек! Эдак ты дочь-то голодом заморишь, мы тут до вечера не закончим. Я вижу, ты ко всему этому тоже с интересом!

Мальцев согласно пожал плечами.

– Ты мне её оставь, а сам беги, потом обсудим, а то и соседке, сам понимаешь... – Степан Фёдорович многозначительно сдвинул брови, – будет нечем! Мэй ёу фанцзы!

Мальцев снова прыснул:

– Как вы сказали – «мэй ёу фанцзы»? Что это?

– Потом объясню, беги!

Соловьёв видел, что Женю Мальцева что-то удерживает и он хочет что-то спросить, но он махнул ему рукой, Мальцев на секунду задержался, взял ключ и вышел из кабинета.

«Оперок! Хороший оперок. Были когда-то и мы!..» Соловьёв взялся за стул, сел, сдвинул на край чёрную, на гнутой ноге настольную лампу и начал разворачивать эмигрантскую карту Харбина: «Харбина! Правильно! Ударение на последний слог!» Он стал её рассматривать, водил пальцем по линиям улиц, читая знакомые названия: «...Артиллерийская, Казачья, Диагональная, Виадук, а вот Больничная, на ней была миссия, Большой проспект...», и снова, как бы в подтверждение, почувствовал, что обе – и та, что висит у него за спиной, и эта – на столе, – в руках у него уже были.

«Ладно, это карты, а что нам приготовили ещё?»

На столе стопкой лежали две папки: он взял верхнюю, тонкую, когда-то она была нежно-голубой, но выцвела и от множества фиолетовых штампов приобрела архивный вид, на ней от руки печатными буквами было выведено:

УНКВД СССР по Хабаровскому краю.

Спецотряд № 16.

Контрольно-наблюдательное дело

«Императорская японская военная миссия»

**г. Харбин. Маньчжурия.
Сотрудники.
Капитан Коити Кэндзи.
Том № 38.
1946 г.**

Он отложил её и взял другую, толстую, увесистую, бурого цвета, на её лицевой стороне тоже была надпись фиолетовыми чернилами:

**Дело
оперативной разработки
«Патрон».
Том № 1.**

**Начато: 1922 г.
Окончено: 1946 г.**

«Патрон»! Вот это да!» Степан Фёдорович развязал тесёмки, открыл обложку, и из-под неё на стол выпорхнул небольшой листок; он чуть было не слетел со стола, и Степан Фёдорович прихлопнул его ладонью. Листок был из настольного календаря со следами двух оборванных дырочек; Соловьёв взял его в руки и прочитал:

**1938 год.
23 февраля.
Среда.
День Рабоче-крестьянской
Красной армии
и флота.
20-я годовщина.**

Ниже мелким шрифтом было напечатано: «Восход солнца в... заход в... продолжительность дня...» – и так далее. Соловьёв с удивлением перевел взгляд на папку – на ней значился год – 1946-й.

«Откуда же ты такой вылетел? Из тридцать восьмого!»

Он положил листок на стол, снова посмотрел на папку и медленно откинулся на спинку стула.

«Патрон»! Вот так так!»

Соловьёв почувствовал, что у него в груди что-то шевельнулось, что-то тяжёлое, ему стало трудно дышать, он удивился и подумал: «Ах, этот чёртов перелёт!» Его лоб и щёки покрыла холодная испарина, во вспотевшей ладони оказалась гильза с нитроглицерином; он положил таблетку под язык и начал её рассасывать; через несколько секунд по телу прошла горячая волна, она немного замутила голову и сошла; для верности он посидел ещё несколько минут, потом встал и вышел из кабинета. Медленно, давая возможность успокоиться сердцу, он пошёл в самый конец коридора, к лестничной площадке с большим окном и боковым лифтом, который он помнил и который почему-то, как ему казалось, никогда не работал. Через окно был виден кусочек синего утреннего Амура и в белёсой дымке – дальние сопки Хехцира.

«Патрон»! Не ожидал! – подумал он. – Александр Петрович! Барон фон Адельберг! Как же долго вы, Александр Петрович, пылились в архиве...»

Он постоял, подождал, пока успокоится сердце, и вернулся в кабинет.

За первыми ветхими страницами: «Опись документов» и «Постановление о заведении дела» – была подшита «Анкета»:

«Патрон

Фон Адельберг Александр Петрович, барон.

Год рождения – 1885-й.

Место рождения – г. Митава.

Происхождение – потомственный остзейский дворянин...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Паровоз окутался дымом и паром, завыл тормозами и загремел сцепками; короткий, из нескольких вагонов, эшелон вздрогнул и остановился. На перроне, с винтовками наперевес, стояла плотная шеренга солдат чешского легиона.

– Что это может быть, Михаил Капитонович?

– Точно не знаю, Александр Петрович, но, судя по всему... прикажете выяснить?

– Нет, поручик, я сам. Распорядитесь по составу «В ружьё!».

С подножки вагона с красным крестом на борту соскочил офицер в полковничьих погонах русской императорской армии и, придерживая рукою саблю, быстрым шагом пошёл к группе стоявших у входа в здание заиндевело-го деревянного вокзала чешских офицеров.

– Литерный эшелон Верховного! Почему остановили? – закричал он. – Кто старший?

Один из офицеров вышел к нему навстречу и взял под козырек.

– Поручик Ганка! – с лёгким акцентом представился он, потом потупился и тихим голосом добавил: – Приказ начальник 3-й чешский дивизия полковник Прхал, пане полковник! Вам приказ отдать паровоз и эшелон для конфискации под моя охрана и сдать оружие.

– Как приказ? Какой приказ? Я полковник барон фон Адельберг! Повторяю, поручик, это литерный эшелон Верховного! – Он схватился за саблю, но в этот момент чехи загрохотали затворами и стало ясно, что сопротивляться бесполезно. Полковник бросил саблю и револьвер на настил перрона и, сопровождаемый двумя легионерами, вошёл в здание вокзала. Когда он проходил мимо чешских офицеров, то за их спинами с удивлением увидел смуглое, скуластое, раскосое лицо, почти полностью зарытое мехом огромной шапки.

«И эти здесь!»

Утром третьего дня арестованный чехами полковник Адельберг обнаружил, что ему не просунули баланду и замок с внешней стороны двери сбит; он пнул её ногой и вышел. Ката-лажка оказалась самодеятельной: под неё было приспособлено пустое помещение, примыкав-шее к залу ожидания и имевшее свой вход. Полковник вышел на свет и оказался на деревянном перроне. Первые пути, нечётные, как и позавчера, когда чехи остановили его эшелон, были пустыми. На чётных стоял и подпускал под себя струи пара защищенный большими брони-рованными листами паровоз с двумя платформами. К ним с тяжёлыми мешками шли чеш-ские солдаты и укладывали их вдоль бортов. Между мешками были бойницы, и на ближней к паровозу платформе уже устанавливали пулемёт системы «Максим». Над бортами платформы мелькали головы, а толстый ствол пулемёта водил тупым рылом: правее, левее, вверх, вниз.

«Просматривают зону обстрела, союзнички!» – подумал Адельберг.

– Эй, пане-господине! – услышал он насмешливый голос. – Не надо шевелиться, я на тебя буду прицел брать!

С платформы послышался смех; солдаты с мешками остановились и стали искать при-чину возникшего веселья. В это время тихо и поэтому неожиданно по нечётному пути к пер-рону приблизился другой паровоз, который тащил ещё две платформы, а за ним стал виден ещё один, за которым тащились теплушки. Паровоз, тащивший платформы, поравнялся с бро-нированным и дал свисток, тот ответил ему, и паровоз покати-л платформы дальше.

«Маневровый! Ещё платформы к бронепоезду!»

После нескольких суток заточения глаза Адельберга начали привыкать к тому, что что-то двигается и есть солнечный свет.

Из первой теплушки подошедшего за маневровым паровозом эшелона выскочил маленький офицер с длинной саблей; поскользнулся на наледи, устоял и на чешском языке заорал вдоль теплушек, насколько Адельберг смог разобрать, чтобы никто не выходил и что через несколько минут «влак» пойдёт дальше.

Крик чешского офицера ударил ему в уши.

«Чёрт возьми! Чего я стою? Или мало общался с чехами? Надо сматывать удочки, пока не поздно; за два дня не расстреляли, так сейчас быстро навестают! – Он оглянулся и увидел в нескольких шагах от себя дверь, которая вела в помещение станции. – Но прежде надо найти телеграф!» В этот момент дверь открылась, и из неё вышел мужчина в фуражке и шинели железнодорожного служащего, Адельберг шагнул к нему, но тот оглянулся, свернул за угол и исчез, как будто бы убегал от него или от приехавших в теплушках чехов. Адельберг удивился, но окликнуть его не успел и вошёл в маленькую залу. Слева располагалась конторка кассы: через довольно чистое стекло было видно, что конторка пуста и в ней на столе у окна стоит телеграфный аппарат с большими бобинами, с которых ленивыми гирляндами свисала узкая бумажная лента: бобины не вращались, аппарат не издавал привычного стука, и бумажная лента не вздрагивала.

«Не работает! Выключен! Оборвана связь!» – пробежало в голове, и он понял, что с этой станции он не сможет связаться со ставкой Верховного.

«Железнодорожник, – подумал он, – тот, что сейчас вышел, наверное, и есть и кассир, и начальник, и телеграфист!»

Он обвёл залу взглядом и увидел в углу справа рядом с высокой, от пола до потолка, чёрной чугунной печкой, обогревавшей зал и его недавнюю тюрьму, большой железный бак, на котором на цепи болтался блестящий водой резной деревянный черпак. От бака, из темноты угла, к нему шагнул высокий плотный мужик в чёрном и, как показалось Адельбергу, странном тулупе – коротком и без рукавов; мужик утёр раскрытой ладонью губы и спросил:

– Своих шукаешь?

«Ничего себе?» – подумал Адельберг, шагнул назад и невольно потянулся рукой к кобуре.

– Не хапай, ваше благородие, – мужик махнул рукой, – пустая она! Твою пистолю чехи прихватили и сабельку выкинули, так я её подобрал.

Мужик появился из темноты как чёрт из табакерки, всё произошло в несколько секунд: пустой зал ожидания и конторка кассира, неработающий телеграфный аппарат и этот...

– Своих шукаешь, ваше благородие? – снова спросил мужик.

– Что? – Адельберг прокашлялся, голос ему изменил: почти двое суток в каталажке он молчал и сейчас почувствовал, что его голос как будто бы и не его.

– Ты, ваше благородие, пытай, чего пожелаешь, я на энтой станции уже три дни! – Мужик остановился и приосанился. – А можа, есть чем на чё поменяться? А я хлебушком ссужу али рыбкой сушёной! С Байкала я! – Его предложение прозвучало неожиданно. – Сюды прибега мануфактурой разжиться али ишо чем, городским, дык вот, застрял...

– Чем же ты можешь у меня разжиться, мил-человек? – прокашлявшись, спросил Александр Петрович. – У меня и есть только то, что на мне!

– А и то хорошо, что на тебе! – Мужик сдвинул шапку на затылок и погладил смоляную, без единого седого волоса бороду. – Эвон кака шинелишка – добрая, царского сукнеца. Вот только совет тебе дам, ты погоны-то да кокарду сыми, чехи тебе уже не тронут, а красные не сёдни к вечеру, так завтра к утру будут туточа. Как ты вышел из каталажки, так снова туды и угодишь, а то и того дале!

Мужик говорил просто и уверенно.

– А ты знаешь, что я был в каталажке?

– Так об том на станции все знают! Ты ж казну перевозил, даром что чехи её забрали, нужда у них была в паровозе, ихний-то красные повзорвали, а получили и паровоз, и казну...

«Однако быстро тут новости распространяются!» – подумал Адельберг.

– ...А как власти здесь окажутся, особенно ежели красные, так сразу к тебе с расспросами, уж точно, что про казну! Придётся ответ держать!

Это было похоже на правду: здесь, между Нижнеудинском и Иркутском, никакой власти, судя по всему, пока не было, но уже не загадка, какая будет. Стало понятно, почему от него убежал железнодорожник, который наверняка и был и телеграфистом, и начальником станции.

«Да, значит, здесь я телеграфом не воспользуюсь! А вот я спрошу...»

– Если ты про меня знаешь, так, может быть, и про моих людей знаешь?

– Как не знать? Подались все на восход, на Иркутск, а можа, и дале, энтого знать не могу!

– С ними офицер был!

– Усатенький такой! Был! Сорокиным, по-моему, кличут, иль не Сорокиным, птичья кака-то хвамилия, точно не упомянул, белобрысый, как не быть? И росту моего. Он было по первости за сабельку-т схватился и даже замахнулся на кого-то, когда тебе руки-то заломали, дак его хотели в расход пустить, а послая отпустили... и солдат твоих, а чего отпустили, не знаю, я ихних разговоров не слышал.

«Правильно – Сорокин, и «росту» действительно твоего!»

– Отпустили Сорокина?

– Отпустили!.. – Мужик хотел добавить что-то ещё, но Адельберг неожиданно перебил его:

– А кожушок на тебе странного фасона или не по размеру пришёлся?

– Да нет! – Мужик, сбившись, хмыкнул, опустил голову и стал переминаться с ноги на ногу.

«Украл, наверное, и сейчас будет оправдываться!» – подумал Адельберг, ему почему-то захотелось именно сбить этого странного мужика с того уверенного тона, который тот задал с первого своего слова.

– Ночью ещё был и по размеру, и по хвасону... Дак вот, пока ты спал, ночью-то, обоз тут шёл, с вашими, городскими, антелигенцией, а он и щас идёт, так шибко помороженные были, и робятишки меж имя. Такая жаль! Вот рукава-то и полы и пообрезал да на завертки отдал, чтоб на руки да на ноги робятишкам намотали...

Александр Петрович понял, что был не прав, и пришедшая ему в голову мысль была несправедлива; он даже захотел извиниться, но вовремя спохватился, потому что это была только мысль, и вслух он ничего не сказал.

– ...А нам не привыкать, и дома у меня этих кожушков хватит. И на твою бы стать нашлось.

Адельберг удивился.

– Дома? Ты местный? – спросил он.

– Никак нет, ваше благородие. – Мужик поднял глаза и стал смотреть уверенно, как прежде. – Я ж гуторю, я байкальский, отседа до моей деревни через Байкал надоть... Это никак не меньше как три дни... Но энто ладно, энто не ваша чугунка, нету угля или там дров, или, к примеру, чехи всё позабিরали, так и стой! Мы по энтому тракту уж скока бегаем; нам ваша железка, только одне хлопоты.

После этих несколько сбивчивых слов Александр Петрович снова подумал, что его случайная мысль «об украденном кожушке» была несправедлива.

– А как зовут тебя, мил-человек?

– Крестили Мишкой, кличут Лопыгой али гураном, кому как способнее! А ты?.. Ты из каковских?

Адельберг не понял.

– Из каковских ты? – повторил мужик.

– Как «из каковских»?

– Я пытаю – артиллерия, или кавалерия, али пехота какая?

– Ах вот ты о чём, я из егерей!

– А-а-а, из егерей, знаем мы егерей! – протянул мужик, он стал топтаться и обшаривать себя по поясу. – А табачку-т у тебе, случаем, нет?

– Нет, Михаил, табачку у меня нет, весь выкурил в каталажке.

– Ну, тады слухай меня, ваше благородие! – Он перестал перетаптываться, глянул на конторку и тряхнул мешком, удобно устраивая на плечах верёвочные лямки. – Дело оно, конечно, хозяйское, однако ж, как я кумекаю, оставаться тебе туточа резону нету! Всё одно порешат! Поэтому я о чём гутарю... ежели хочешь жить, да с пользой дела, айда со мной!

Предложение мужика было неожиданным.

– Мне нечего тебе дать и нечем заплатить, какая же тебе от меня польза?

– А никакой! С мёртвого с тебя шинель снять да погоны с кокардой внучкам на чечи отдать, пущай играют... дак ведь не дадут. Тебя разденут до исподнего, а потом уж порешат, потому предлагаю, ваше благородие, езжай со мной. Остаться тебе тута всё одно резону нету, – повторил он, – потому как по тайге кругом партизаны. Вывезу тебя на тракт, ваши там ешшо телепаются, к ним и пристанешь, а тама, глядишь... – Мишка не договорил.

Адельберг глянул мужику в глаза, и, если бы в этот момент он уловил хотя бы тень подвоха, он бы знал, что делать, но Мишка смотрел на него просто и открыто.

«И сабля моя у него!..» – почему-то вспомнил его слова Адельберг.

– А что, если тебя партизаны арестуют, со мной, офицером? Не боишься?

– А мне чё бояться? Ежли схватят, покуда до тракта не добежим, тебя опять же стукнут, твою саблю у меня отымут, а шинель так и снять не дадут, а потом ещо агитировать станут... а в обозе ты уже свой! – резонно сказал Мишка. – И мне по пути!

В это время открылась дверь, с улицы донеслись гулкие шаги солдатских башмаков по деревянному перрону, и в клубах пара в зал вошёл человек в форме железнодорожника, тот самый, которого Александр Петрович уже видел.

Мишка примолк и подождал, пока железнодорожник, который пристально посмотрел на них, скроется в дверях конторки.

– Тикать тебе надобно, ваше благородие, энтот вот, самый у них красный, даром что чехи уже всё позабирали!..

«Это правда, а до обоза ещё надо дойти!» – подумал Адельберг, и вдруг ему показалось, что мужик по имени Мишка не зря появился у него на пути.

– Ну как, ваше благородие, полезай в кошёвку, туто-ка она, за углом! Али здесь останешься, судьбину пытаться?

Кривыми окраинными улицами они выбрались на Сибирский тракт. Стоя на коленях и постукивая кнутовищем по оглобле, Мишка погонял лошадь и по дороге рассказывал, что «незадолго до Крещения сам Верховный и ашалоны с золотой казной были взяты под охрану чехами и двинулись в сторону Иркутска; а перед Рождеством в Нижнеудинске стоял больной и обмороженный Каплин-инерал, и там же соединились две армии...»

«Каплин! Каппель! Обмороженный! Это плохо!»

– ...А всего-то несколько дён, как ваши отогнали отседа красных, и сейчас, надо думать, – уже под Иркутском.

Александр Петрович вздохнул: «Значит, это здесь был бой, за день до моего ареста. Опять я не успел!»

Они отъехали от станции и уже несколько вёрст как втянулись в обоз, а на выезде из деревни, на околице, перед самым трактом им показалось, что из-за заборов и плетней за ними кто-то следит или крадется. Мишка занукал и «заревел» на лошадь во весь голос, правда, потом оказалось, что «ревел» он совсем не на лошадь:

– А нешто им, красным! Оне тожа пужливые, чисто медведи, – ему ревёшь, а он тикает...

По тракту шли бесконечные конные упряжки. Александр Петрович обустроился в кошёвке, подоткнул под себя мешки, набитые чем-то мягким, и огляделся. От Омска до станции Тайга он ехал по железной дороге в хвосте штаба Верховного. На станции Тайга полтора месяца назад по приказу Колчака вместе с полуротой охраны и несколькими офицерами принял и сопровождал, до того как его арестовали чехи, небольшой эшелон с отцепившимся и отставшим вагоном с несколькими ящиками с золотом и ещё какими-то ценностями. По всей дороге запасные пути на станциях и отводные нитки были забиты холодными паровозами, теплушками и классными вагонами, пустыми и полными трупов замерзших раненых и тифозных. Недалеко от железной дороги, иногда пересекаясь, иногда расходясь, тянулся Сибирский тракт, по которому двигались две белые армии, остатки отбившихся воинских частей и бесконечный обоз с беженцами.

Впереди и позади Мишкиных саней ехали такие же сани, их было много, их чёрная муравьиная вереница была хорошо видна, особенно на равнине или когда тракт длинными тягунами поднимался вверх, и казалось, что обоз не имел ни начала, ни конца. Иногда, когда обоз вытягивался в нитку, они с Мишкой обгоняли другие сани; маштачок, маленькая лошадка сибирской породы, тащившая их и доходившая вознице всего лишь под грудь, бежала бодро; тогда Александр Петрович видел измождённых, закутанных с головой людей – мужчин и женщин, среди которых сидели дети, у детей были серые лица стариков, и старики с запавшими лицами мёртвых. Из тайги, осёдланной с обеих сторон отрядами партизан или бандитов, иногда раздавались винтовочные выстрелы и пулемётные очереди. Но в открытую партизаны не нападали, наверное, потому, что невдалеке, параллельно проходила железная дорога, по которой с той же скоростью, что и обоз, двигались эшелоны с чешскими, польскими и сербскими legionерами.

Когда Адельберг угнезвился в кошёвке: укрыл ноги, засунул в рукава шинели руки и начал согреваться, – он вдруг услышал, что, несмотря на громадное стечение народу, на тракте было тихо. Тихо было в тайге, тихо скользили по наезженному снегу сани, тихо храпели лошади, и даже сбруя звенела тихо, если передние сани вдруг останавливались или начинали съезжать на задние. От этой тишины появилось ощущение спокойствия и равновесия, но его опытный ум понимал, что всё это хрупкое и может сломаться от одного какого-нибудь непредвиденного случая.

– А что чехи? – спросил Александр Петрович.

– А хто их знает! Но видать, у них с красными согласие имеется, шоб особо не баловали ни те ни энти! Без того мы бы с тобой и трех вёрст не пробежали, да ещё в твоей шинелишке, да и не с руки им!

– Что ж так?

– А то! Мы, да все остальные, своими ногами плетёмся, голодные и холодные. Бона! – И Мишка указал кнутовищем на обоз впереди и сзади. – В тайге партизаны как у себе дома! А они, чехи, по две перьсоны на один вагон, а больше не поместится! Каждый вагон барахлом да пианинами забит под самую завязку, одних глаз нету! Ворохнися тут! Особливо против красных!

Да и против белых! Далеко ли они доедут? А? Я спрашиваю! Потому они, то есть чехи, как в заднице... промежду энтими!.. – Он сверху вниз округло развёл руками и незаслуженно огладил маштака кнутом. – Эх! Када тока и подотрёмси?

– Нейтральная зона, несколько верст! – тихо подтвердил Адельберг. – Союзники!

– Натуральная, как есть! – Мишка обернулся, и Адельберг увидел, что его глаза блестят злостью. – Союзники! Каки ж они союзники, мать их? Они – пленные наши! То бишь ваши. Сказал тоже, союзники! Таперя у вас союзники – японцы, косоглазые! Можа, и ты их на станции видал! Вот! Они хотя бы тут-о-ка – за ближним морем, а остальные, разные там хранцузы с агличанами, так они за дальним морем. Тута им чё надо? Отсель, что ли, немца воевать? Дак

и немца уж нет! Замирился Ленин с немцем. А мы всё воюем! – Мишка коротко сплюнул. – Ты вона чё, поройся-ка, – он ткнул кнутовищем в правый борт саней, – достань снизу шапку. Она с ушами, да натяни поглубже, а то свои-т познабишь.

Адельберг нашёл под мешками большой барсучий малахай, натянул его на самый лоб и подумал, что Мишка оказался дважды прав: прав в том, что чехи, как хозяева положения, заняли всю железную дорогу, и в том, что на таком морозе и правда несложно уши «познабить».

Через несколько минут он почувствовал, что всё его тело смертельно хочет спать. Обочины тракта ни медленно, ни быстро проплывали мимо; среди кустарников то тут, то там виднелись припорошенные снегом большие бугры, это были трупы брошенных лошадей. Вверх торчали распряжённые санные дышла: если конь слабел, сани распрягали и бросали; стояли артиллерийские орудия с забитыми замками и снятыми панорамами. Попадались припорошенные бугры поменьше, это были люди, умершие от голода или тифа, начавшего свирепствовать по всему тракту ещё от Новониколаевска. В одном месте тел было сразу несколько, уложенных рядом, ногами к дороге, у них в головах, у среднего, стоял связанный верёвками берёзовый крест.

«Белые, красные, беженцы?» – задался вопросом Александр Петрович, и сон будто смазало.

А Мишка говорил. Говорил, почти не умолкая, рассказывал о разном: о том, что видел, о том, что слышал от других, а когда они проезжали мимо этого креста, перекрестился и замолчал. Александр Петрович тоже перекрестился, однако ему не хотелось, чтобы Мишка молчал; сон прошёл, всё, что происходило на тракте и по обе стороны от него, было тягостно: и белый снег, и тишина, которая воспринималась тоже как белая, холодная и неживая, а Мишкин разговор как-то всё это скрашивал. Адельберг подумал, что, наверное, не стоит нарушать его молчание, но не удержался и спросил:

– Сколько, ты говоришь, вы по этому тракту «бегаєте»?

– Дак! Всю жизнь и бегаем. Я и себя не помню, а всё бегаем. Ишо и до меня... уж какую сотню лет! Да вот, слышь? – Мишка глянул на него через плечо, и Александр Петрович услышал в его словах ухмылку. – Ваши тут, из Рассей, после реформы, када земельку-то у них свою отняли, а нашу дали, царь энтот...

– Александр Второй!

– Во, он самый! Я не помню, я ишо не родился, када ваши безземельные туто-ка всё шли и шли и нашей деревеньки за Байкал-морем не миновали. Один тожеть, как ты, егерем был. Нас двое сразу родилося – двойнята, значит, я да сестрёнка-близняха, дак он мамку с сестрёнкой скрал, а меня отцу оставил, адали перепутал. А отец-то чё, гураным молоком меня и выкормил. А мамка пропала и сеструха... незнамо где. Вот нас, кто по ту сторону Байкала живёт, гуранами и кличут. То есть от козы мы, от дикой. – Мишка хохотнул. – Так-то!

– Да-а! – Александр Петрович тоже усмехнулся. – Интересная история, а посмотри, тракт старый, а верстовых столбов не видно!

Однако Мишка, видимо, не расслышал вопроса, ударил кнутовищем по оглобле, и маштачок взялся бодрее.

– Я вот что! – спросил он. – Ты Красноярский город када проходил?

– Больше месяца назад.

– Больше месяца назад! Так вот, Каплин-инерал...

«Капель!» – мысленно поправил его Адельберг.

– ...промашку дал, от Красноярска вниз пошёл по Енисею. Это я всё про ваших, значит, из Рассей! А потомача на Канречку свернул, а тама... – Мишка аж присвистнул, – тамо-ка, ваше благородие, не приведи господь!

– А что там?

– Ключей там много, тёплых, вода текёт поверх льда, не замерзая, лёд местами тонюсенький, хруп – и ты в воде, по пояс, а то и выша! А на снег вылезешь, и весь льдом, адали куражком, покрываешься. И такой весь Кан. Берега высоко-о-okie, чисто столбы, сосны, кедрач. Немудрено поморозиться. Немного оттёда вышло, а каки и вышли, так... И глушь... И Кан – глушь, и вся энта тайга – глушь. На сотни верст ни тебе жилья, ни вехи.

– Бывал там?

– Бывал раз! Боле хватит! Зимой снегу лошади по подбрюшицу, летом – гнус, сваво носа не увидеть. Только и времени, что в мае, покель нечисть не повылазит; да осенью, до снегов, до Покрова! Тама, говорят, энтот Каплин ноги и познобил. А ты, часом, не знал его?

– Знал! – с грустью сказал Александр Петрович. – В Германскую кампанию вместе воевали.

– Бравый был ахвицер?

– Бравый!

– Ну дак и нет его таперь, бравого! Не уберегли!

Какое-то время они ехали в тишине, слышно было только, как шевелится мороз и посвистывают полозья саней, тех, что спереди, и тех, что сзади, и крики возниц: «Понужай!», «Понужай!».

Мишка прижал ко рту руку в вязаной вареге и отогревал её дыханием.

– Каво ревут «понужай»? И так нюх в нюх идём. Не околел ещё, ваше благородие?

– Нет!

– Ну ин ладно! Это я про это – инерал он и есть инерал, даром что немец, Каплин твой! А царя-то пошто не уберегли? Зачем обидели его, да так, что он аж отрёкси? Это ж каку ссору надо было сотворить в столицах, чтоб так царя досадить. Тышу лет он правил, а тут отрёкси! А?

Пока Александр Петрович думал, что ответить, они нагнали другие сани.

– Ты спросил меня, почему кожух мой не по хвасону, глянь на энти сани, что сейчас обгоним...

Александр Петрович посмотрел, в санях сидела закутанная баба, а с ней пять или шесть детей.

– Семеро! – сказал Мишка. – Самый младший, поскрёбыш-то, у ней на грудях замотанный. Хотя ежели по правде, то шестеро, он у ней уж помер, но не отпускает она его. Дай-ка ей рыбки вяленой, вона из энтото мешка, да только брось, в руки не давай, и в zenки прямиком не гляди, а то кидается.

Александр Петрович порылся и из зашитого суровой ниткой мешка вытащил за хвост стоячую колом вяленую рыбину. Мишка оглянулся, увидел её и согласно кивнул, нукнул лошадке, дал вожжей и поравнялся с соседними санями. На санях за бабой-возницей спинами друг к другу сидели дети, один из них, по виду мальчик, смотрел прямо на Александра Петровича и держал руки, как в муфте, в отрезанном от овчинного тулупа рукаве.

«От Мишкиного кожуха?» – подумал Адельберг, протянул рыбину, но мальчик не пошевелился и не моргнул, а может быть, в сумерках этого было не разглядеть, да и по самые глаза мальчик был поверх шапки повязан большим пуховым платком.

«Пять! – подумал Александр Петрович. – Уже, наверное, только пять».

Мальчик сидел зажатый своими братьями и сестрами, видимая часть его лица, нос и щеки были восковые, полупрозрачные и неподвижные. Адельберг приноровился и кинул рыбину так, чтобы она упала, задев спину возницы, но та тоже не пошевелилась. Мишка громче нукнул и снова щёлкнул кнутовищем.

– Попадья! – сказал он. – Вот только батюшку еёшнова злые люди на кресте его же церкви и распяли. И как взобрались?

– Большевики?

Мишка оглянулся и неопределённо пожал плечами:

– А кто его знает? Большевики али меньшевики. Вишь, как у них всё запроста – большой, значит, большевик, меньшей, значит, меньшевик, а средний как? Чё ли средневик?

Мишкины сани обгоняли сани попадьи, Адельберг посмотрел ей в лицо и не разобрал, жива ли она.

– ...Разе в том дело?... Медведь на колокольню не утянет, а ежели и утянет, так верёвками не привяжет и гвоздями не прибьёт. Али я не прав? Люди это сделали! Твари божьи. Никто не родится большевиком али меньшевиком, у него и имя-то нет, када мамка его тока-тока на свет выпростает: Мишка он али Сашка. И не всяк ещё до имени своего доживёт! А ты про верстовые столбы пытаешь! На кой ляд они ей? Ей уже всё равно, скока она проехала и куда. Она уже тамо-ка! – И он ткнул кнутовищем в небо. – Только зря рыбу перевели, дак, это ничево, ещо наловим, Байкал большой, чё даст, всё твое. Царствие ей небесное! И робятишкам еёшным! – Он порылся под полой и вытащил круглый, плотно набитый кисет.

«Забыл, наверное, что у меня просил табак!» – усмехнулся про себя Адельберг.

– На вот! Закури, что ли! Дак ведь у тебя небось и завёртки-то нет. – Он открыл кисет и вытащил оттуда аккуратно разорванные газетные листки.

Александр Петрович, душа которого стала холодеть, то ли от мороза, то ли от того, что он только что увидел, был благодарен Мишке за табак, за то, что он говорит, за то, что едет, и мало ли ещё за что?

– А у нас поп сбежал сам, к красным, к партизанам! – сказал Мишка. – Удиви-и-ил, вот те крест! Причащайт он их там, что ли? Так вот детишки наши, у меня три внучки, уж год как неучами растут, грамоте не разумеют, а энт не дело.

– Так и что? – удивился Александр Петрович, о таком он слышал впервые.

– Ну а как – што? К примеру, ты человек столичный, видать, да из егерей, а можа, и гвардея какая, так, стало быть, надо думать, и царя-батюшку видал?

– Видел!

– Значить, образованный!

Адельберг замялся.

– Вижу, что образованный. Как жеть! Быть в столицах, да при царе, и необразованным! А, к примеру, заморскими языками владеишь?

– Какие тебя интересуют? – спросил Александр Петрович, ему стало любопытно. – Может, тебя монгольский интересуе? Граница рядом.

Мишка махнул рукой и досадливо поморщился.

– С бурятами? – По-сибирски он сделал ударение на последний слог. – Не, с энтими я и сам, слава тебе господи. Даром, что ли, бок о бок трёмся. Какой-нибудь позаковыристей!

– Китайский, французский, английский, немецкий! Какой?

Мишка оглянулся с широко открытыми глазами:

– О! Энтим, немчуры который! Скоро всем на Руси жиды да немчура заправлять будут!

– Это с чего же ты взял?

– Как так с чего? – Он изумился. – В Иркутске что не лавка, то немец. Скобяное – немец, мануфактура – немец, наряд какой дочке или внучкам купить али струмент – снова немец. Ты сам-то кто? Случаем, не немец?

– Немец! – рассмеялся Александр Петрович. – Да только матушка моя русская.

– То-то и оно! Батька твой немец, а на русской женился, стало быть, и она немка, и не была, так стала! Вот я и говорю, коли кругом немцы, так, знать-видать, его и надобно учить. А тут и русскому – некому, коли свой поп-грамотей сбёг.

В разговорах они ехали до самой темноты. Мишка рассказал, что его жена умерла при родах и оставила дочь, а та вышла замуж и родила ему трёх внучек, погодок, младшей исполнилось шесть лет, а муж оказался хворый и в верхнеудинской больнице умер.

Вот для них на «промысел-добывание» он и поехал, да ещё за городскими новостями.

Далеко впереди показались огни.

– А тебя как по батюшке кличут? – спросил Мишка и оглянулся.

– Александром Петровичем!

– Дак вот, Петрович! Глянь, во-она вдаль, по леву руку! Вишь, огни?

– Вижу, а что там?

– А ты не понужай! Это Черемховские копи, угольные. Самые что ни на есть красные. Тут тракт от них боком проходит, а вёрст через тридцать дорогу-т пересекает, а дале ужо Иркутск, тожеть красный! Мне туды надоть, в городе дело есть, но там я с тобой, даже ежели ты шинелишку скинешь, не проеду. Так-то! Тама ваши третьего дни красным сильно навалили, да не остались, ушли...

Александр Петровичу вдруг стало досадно: «Чёрт бы тебя побрал! Ехали-ехали!..»

– На другие сани тебя пересадить – не возьмут, все полнёхоньки, сам видишь. К чехам тебе надоть – красные к ним в вагоны не суются! Ты же немец, по-ихнему талдычить умеешь?

– Умею!

– Подъедем, ты и договорись. Прикинься только не ахвицером, а так, городским каким, мол, жену с робятишками догоняешь, кумекаешь? А там что Бог даст, а я тебе рыбки для них подкину, полмешка, и бекешу дам, каку получше, городскую, даром, что ли, выменял?

– Хорошо, Михаил! – сказал Александр Петрович и замолчал. – Ты выручаешь меня, а я не знаю даже, смогу ли я тебя отблагодарить...

– На Бога надейся! Бог приведёт – тада и отблаговаришь!

Часа через два тракт упёрся в переезд через железную дорогу, по которой вплотную медленно катились составы. Лошадь встала за чьими-то стоящими впереди санями, и Мишка съехал на обочину.

– Ну вот! Сейчас я ему сенца подкину, всё одно стоять незнамо сколь, а ты прощай, а можа, ещё и свидимся.

Мишка вытащил из-под Адельберга мешок с овсом и пошёл подвешивать его.

– Иди, Петрович! Долгие проводы – горькие слёзы.

Адельберг слез с кошевы, закинул мешок с рыбой за плечо, зашагал по утопанному тракту к переезду и вдруг из-за спины услышал Мишкин тихий голос, так близко, как будто бы Мишка шёл за ним и шептал прямо в ухо: «А Колчака тваво, абмирала, краснюки то ль вчера, то ль позавчера расстреляли да в Ангару и скинули, прямиком под лёд, так что, Петрович, будь настороже!» Александр Петрович вздрогнул и оглянулся: справа от него стояла вереница саней, на которых сидели люди и почти не шевелились. Мишки близко не было. «Неужели слышалось?» Он постоял и двинулся дальше. «Расстреляли!» – снова услышал Адельберг Мишкин голос. «Да нет, ерунда! Как это может быть и откуда ему знать?» Он поддёрнул лямки мешка и обтопал с сапог снег.

Впереди в темноте, на фоне медленно катящихся без огней вагонов угадывалась полосатая будка и чернел дом путевого обходчика, он подошёл к будке: та была пуста, шлагбаум открыт, и он увидел, что в доме обходчика все окна и двери заколочены досками. «Мертвечина!» – мелькнуло в его голове. Он снял мешок, развязал его, вытащил оттуда рыбину хвостом наружу и снова завязал в расчёте на то, что, если увидят рыбий хвост, можно будет завязать разговор и напроситься в вагон, и пошёл вдоль железнодорожного полотна.

Глава 2

Адельберг шёл рядом с медленно катившимися, наглухо закрытыми вагонами. Он думал о германской войне, когда солдаты австро-венгерской армии, чехи и словаки, в Галиции, на Юго-Западном фронте, сдавались в плен и сами выдавали русским «братьям-славянам» расположение своих частей, рассказывали о желании освободиться от австрийского императора и

построить свою свободную Чехию, просились в строй... Вспомнилась их ненависть к австрийцам, немцам, а особенно к мадьярам.

«Нет! Тут Мишка дал мне неверный совет. Немцем представиться мне никак нельзя!» Он полез в нагрудный карман френча и нащупал там справку на имя тверского губернского статистика Александра Петровича Кожина: «Вот это будет лучше!»

Адельберг посмотрел вперёд и увидел, что в следующем вагоне из приоткрытой двери на снег падает и мелькает узкая полоска света, и вдруг из неё в черноту ночи, кувыркаясь и сверкая искрой, вылетел окурок.

«Сейчас закроют, и уже будет не достучаться», – подумал он и увидел, как полоска света стала сужаться, видимо, в вагоне уже докурили и стали закрывать дверь.

Он побежал, догнал вагон, грохнул кулаком в стенку и громко закричал:

– Эй, брате, есть рыба, если «Бехеровки» глоток нальёте, отдам полмешка!

Дверь поехала обратно, и в светлом проёме показались две головы:

– Откуда пан знает про «Бэхэровка»? Я за глоток «Бэхэровка» сам полвагона отдам!

Надо было быстро что-то сообщать.

– А водки или самогона? Замёрз, уже ног под собой не чувствую!

– А откуда у пана рыба?

– На тракте на серебряный портсигар выменял. Рыба, сказали, байкальская, хорошая.

– Рыба – это, пан, добре, но краше было б, чтоб портсигар остался у пана. – И дверь снова поехала.

– Постойте, брате, пустите хотя бы отогреться, я вашим братьям много в Галиции помогал.

– Когда, пан?

– В июле шестнадцатого и позже тоже. – Адельберг старался говорить быстро, при этом он так же быстро шёл и уже начал задыхаться.

– А где?

– В Галиче, Станиславе, Надворне!..

– И что пан там делал?

В этот момент вагоны загремели, задрожали и резко остановились. Раздвижная, на роликах, тяжёлая дверь дрогнула и покатилась, полностью открыв проём: на пороге стояли двое мужчин в белом исподнем, в австрийских каскетках и в валенках.

– Пан, прыгай и мешок не потеряй!

Адельберг ухватился за порог вагона и почувствовал, как руки сверху ухватили его за плечи бекеш и мешок, и испугался.

«Сейчас сорвут с меня всё и вытолкают вон!»

– Не бойся, пан, нам ни рыба, ни шуба твоя не нужно, прыгай швидче! Мороз!

Адельберг сильно оттолкнулся от земли и закатился на деревянный пол теплушки, передохнув, сел, поправил на коленях полы бекеш, поддёргнул веревочные лямки мешка и поднял глаза.

«Пусть делают что хотят! Не уйду!»

– Как пана по имени?

Над ним стояли двое рослых мужчин и глядели в упор.

Адельберг набрался духу и громко выпалил:

– Кожин Александр Петрович! Начальник штаба 1-й Заамурской бригады Юго-Западного фронта, подполковник. На статской службе...

– Пану не надо так кричать! – сказал один из них. – Пусть пан встанет и... – И он показал на роскошное ампирное, обитое розовым шёлком, с подлокотниками кресло, которое стояло рядом с дверью, – сядет тут! Вон здесь! – И подал руку.

Адельберг встал:

– Мне неудобно, чистое кресло, а я в санях сидел...

– Это ничего, пан Божин, запачкаем, выкинем, у нас ещё есть!

Адельберг огляделся, он слышал, что чехи везут с собой много всякого добра, но в этом вагоне!..

– Садитесь, пан Божин! Вацлав, ты слышал, какая у пана фамилия, Божин! Какая красивая фамилия! Это от слова «Бог»?

Адельберг понял, что оказался обязанным ошибке их слуха, и решил – раз Божин, значит, Божин.

– Да, брате!

– А как пан Александр оказался в этот медведь-угол?

– Пробиваюсь к своим.

Чех насторожился:

– К своим, в бригада?

– Нет, к своим – это к семье.

– А где у пана семья?

– Семья у меня в Верхнеудинске, год назад я отправил их из Москвы, у моей жены отец – верхнеудинский рыбопромышленник.

– Тут рыба, там рыба, пан так любит рыба?

Первый чех с хитрецей подмигнул второму, которого назвал Вацлавом.

Адельберг тоже улыбнулся:

– Здесь всё держится на рыбе. Да на золоте.

Чехи переглянулись.

– Так, может, у пана Александра есть тут родственник золото... как это... промышленник?

Адельберг понял, что сказал лишнее, в это время оба чеха, Вацлав, который был помощником, и второй, имени которого Адельберг ещё не знал, подошли к нему вплотную. Стоя рядом с креслом, недалеко от двери, он прикинул, кого бить первым и как быстрее оказаться у дверного проёма, но в этот момент вагон снова сильно дёрнуло, и чехи почти повалились на него. У двери стволами к стене стояли два бельгийских пятизарядных маузера с примкнутыми штыками, до них можно было дотянуться, но от толчка они тоже повалились. Адельберг воспользовался замешательством и быстро вынул из мешка торчавшую рыбину.

– Золотом мои родственники не промышляли, а рыба – вот она.

Чехи, ещё пошатываясь после толчка и держась друг за друга, неловко улыбнулись и представились:

– Ефрейтор другой драгунский полк Войтех Лебеда.

– Рядовой саперный команда 5-й пехотный полк Вацлав Коллар.

Адельберг подал им руку:

– Та война закончилась, брате, сейчас другая война, и мы все – просто солдаты! Были!

– Ано, пан подполковник, ано! Были! – И они закивали.

– Так, может, разделите трапезу с солдатом?

– Можно, пан Александр!

Войтех и Вацлав пододвинули к креслу ломберный столик орехового дерева и рядом поставили ампирные стулья, обитые таким же розовым шёлком.

«А гарнитур, видимо, из одного имения или, по крайней мере, от одного мастера!» – подумал Адельберг.

– Пан Александр – добрый пан, за рыба спасибо, но мы его угостим из наших запасов. – И чехи стали протискиваться в глубь теплушки, между тесно поставленными ящиками, свёртками, мешками и мебелью.

В вагоне было тепло, Адельберг снял бекешу, накинул её на спинку кресла и с ужасом заметил, что на его френче остались полковничьи погоны, но чехи были заняты и на него не смотрели, он их быстро отстегнул и растолкал по карманам.

Теперь он мог оглядеться.

Вагон-теплушка освещался двумя керосиновыми лампами, висевшими на противоположной от двери стене. Они горели ярко, достаточно, чтобы можно было разглядеть, что в углах вагона диаметрально друг к другу расположились два прикрытых плотными холстинами рояля, под ними стояли снарядные ящики; рядом с роялями вплотную к стенам были того же орехового дерева, как и ломберный столик, застеленные шёлковыми одеялами кровати с шёлковыми же подушками; друг на друге ножками вверх нагромоздились стулья; на роялях, в некотором порядке, красовались бронзовые и мраморные настольные лампы, каминные часы и много других дорогих безделиц, которым или не хватило места в снарядных ящиках, или они были поставлены на виду, как в городской гостиной, чтобы радовать глаз своим новым хозяевам.

Вацлав и Войтех порылись в больших плетёных бельевых корзинах и вытащили из них несколько свёртков, каждый – свой. Через несколько минут столик был накрыт английскими мясными консервами, головкой сыра, берестяным туеском с морожеными ягодами и чем-то ещё в промасленной газете, пока не развёрнутой, но от чего хорошо пахло копчёным мясом или колбасой. Поставив всё это так, что уже не хватало места, Войтех и Вацлав снова отправились к своим корзинам и вынули оттуда, приятно звякнув, высокие хрустальные гранёные стаканы и серебряные приборы в наборе, потом Войтех спросил Вацлава:

– Сегодня, чей очерэдъ?

Вацлав сказал:

– Моя! – и вытащил четверть, заткнутую настоящей пробкой.

– Это, пан Александр, конечно, не «Бэхэровка», но пить можно!

Всё это они делали медленно, размеренными, уверенными движениями людей, давно обживших своё жилище на колёсах. В четверти была прозрачная жидкость красноватого оттенка, и на поверхности плавали тёмно-красные ягоды.

– Мы, пан Александр, дома это не пьём. Это чистый спирт, с ромашкой...

– Морошкой, наверное, – предположил Адельберг.

– Ано, пан Александр, – то есть правда! С морошкой. Нас тут научили!

– А правильно пить научили? Чистый спирт!

– Думаю, что научили, но, може, пан умеет это делать краще?

– А вода есть?

– Конечно! Мы растаем снег, – сказал Войтех и указал на стоявшую на кирпичках, закреплённую в центре теплушки буржуйку.

«Как всё домовито! – невольно подумал Адельберг. – Всё есть и всё на своём месте!»

– Но вода должна быть холодной!

– Ано, пан Александр, ано, есть и холодный вода.

– Ну тогда будем делать гидратацию спирта.

Адельберг взял пустой стакан, Войтех вытащил из четверти пробку и передал бутылъ, Адельберг налил в стакан немного спирта, долил туда столько же воды и плотно накрыл стакан ладонью.

– Что то будет, пан Александр?

– Чистый спирт сжег, – он поискал подходящее слово, – убил ягоду, которую вы бросили в него.

Чехи переглянулись.

– Сейчас вода её немного разбудит, и у нас получится что-то вроде ягодной настойки. А ладонью я накрыл для того, чтобы быстрее прошла температурная реакция. – Он поднял стакан и дал потрогать его Вацлаву.

– Ано, пан, правда, стакан тёплый. И так надо делать каждый раз?

Адельберг улыбнулся:

– Если есть пустая бутылка, можно развести сразу целую и на небольшое время оставить её на морозе.

– Пан химик?

– Нет, но на фронте чему не научишься. У меня был вольноопределяющийся, учитель химии, он научил. Теперь можно разливать.

Войтех развернул газету, там действительно оказалось копченое мясо, поднял с пола маузер, отстегнул штык и открыл банку с консервами.

– Я люблю, когда человек умеет делать что-то своими руками, я делаю мебель, а Вацлав работал в типография. – Он посмотрел на своего товарища: – Вацлав, давай выпьем за такое приятное и неожиданное знакомство с паном Александром Божин, и за его жену пани Божинову, и его дети. У пана есть дети?

– Да, сын!

– Наздар! За ваша семья и за ваш сын!

Они подняли стаканы, чокнулись, потом вдохнули полные лёгкие воздуха, зажали пальцами носы, выпили и шумно выдохнули.

– Это уже не спирт, это водка, настойка, – с улыбкой сказал Адельберг и выпил свой стакан без предосторожностей.

Чехи задумчиво глядели на свои пустые стаканы и чмокали губами.

– Одлично! Водка! Правда, водка, и приятно пахнет ромашкой!

– Морошкой, – с улыбкой поправил Адельберг.

В это время впереди по ходу поезда раздалась ружейная и пулеметная стрельба; чехи переглянулись, Адельберг переломил пополам галету, хрустнул ею и сказал:

– Трехлинейка и «гочкис», наверное, впереди Черемховские копи...

– У нас информация, пан Александр, в том посёлке много красных рабочих, а дальше Иркутск, – сказал Войтех; чехи утёрли ладонями губы и стали выбирать, чем закусить.

В теплушке было покойно и тепло, поезд шёл медленно и ровно, без толчков; случайная стрельба, которая иногда звучала извне, им, людям, прошедшим войну, была привычна. Адельберг успел присмотреться к Войтеху и Вацлаву; видя, как они мирно выпили и закусывают, он вдруг ощутил сильное желание спросить про Колчака, про обстановку вообще и про всё, что он пропустил, пока плёлся со своим эшелоном в хвосте событий и сидел в каталажке, но что-то его удерживало. Он подавил в себе это желание и, только чтобы поддержать разговор, задал вопрос:

– Разве у вас с красными нет договоренности?

– Как – нет? Конечно есть! Но иногда они хотят нас немного грабить! Им не хватает огнеприпасов...

– Снаряд и патроны... – пояснил Вацлав.

– ...чтобы окончательно разбить ваши белая армии, – продолжал Войтех.

– У них на восток нет армия, есть только рабочие отряды и партизаны, – снова пояснил Вацлав.

– ...Потому между наши влаки есть бронепоезд, для безопасность.

– А большевики проверяют ваши вагоны?

– Попытка делают, но мы не позволяй!

– А если силой?

– У нас тоже есть сила! Пан опасается?

– Я хочу встретить семью и не хочу, чтобы этому что-то помешало.

– Пусть пан Александр ничего не опасается, пан наш гость, и мы его в обиду не дадим. Но у пана Александра нет другой вопрос? Пан не хочет знать про Колчак?

Вопрос был неожиданный, буквально минуту назад он сам хотел его задать; он хотел ответить «Хочу!», но только кивнул.

– Колчак арестовали большевики, он сейчас в Иркутск, а генерал Каппель умер от... – Войтех постучал себя кулаком по груди, – инфлюэнца и... – и показал на свои ноги около ступней, – мороз ноги!

Адельберг посмотрел на Войтеха, потом на Вацлава, тот согласно кивнул и тоже провёл по воздуху около своих ног ниже колен ребром ладони. Адельберг перестал жевать.

«Господи, неужели же это был... я слышал... голос Мишки? Но он сказал, что Колчака расстреляли! – пронеслось у него. – А как же?..» Он хотел спросить Войтеха, но тот его перебил:

– Мы ничего другой не знаем, мы простой вояку! Но... – Войтех горько усмехнулся, – Россия велика страна, и у неё есть ещё много храбрых генералов. Пусть пан делает ещё одну гидру... спирт, мы вспомним ваших генералов! Потому что они были и есть – поэтому мы сейчас едем домой!

Адельберг не заметил, как Вацлав подоткнул ему под край тарелки пачку сигарет, но почувствовал запах табака; Вацлав забрал её и снова подоткнул уже открытой. Адельберг закурил и стал разводить спирт, чехи смотрели на него, когда всё было готово, они взяли стаканы и не чокаясь выпили. Пока закусывали, тоже молчали и что-то подкладывали в тарелку Адельбергу, он этого почти не замечал, ломал пальцами галету, потом вздрогнул, выпил и обвёл взглядом обоих. У него внутри что-то всколыхнулось, он продолжал грызть галету и вдруг спросил:

– А почему вы не с красными, вы ведь тоже рабочие?

Войтех с Вацлавом переглянулись, Войтех взял бутылку и налил всем по половине стакана:

– Потому что у них своя революция. Руссове панство ничего нам не сделало плохо, а со своим панством мы едем разбираться.

– Вы тоже будете делать революцию? – спросил Адельберг.

– Нет! Германская империя и Австрийская империя терпели поражение, и мы будем делать новую, свободную Чехию. Так нам говорит наш Национальный комитет. С красными много венгры, мадьяр, нам с ними не по пути.

Войтех сказал это медленно, тихо, без интонаций и чокнулся с Вацлавом.

«Наверное, я веду себя неосторожно!» – подумал Адельберг, но всё же спросил:

– А вы думаете, вам удастся это сделать без революции?

– У пана Александра больная душа! – Войтех посмотрел на своего товарища, и Вацлав ответил ему таким же взглядом:

– Мы видим, что в России происходит! Как много нарушений!

– Разрушений! – поправил Адельберг.

– Ано, пан Александр, ано, разрушений! – Войтех говорил медленно и иногда помогал себе такими же медленными жестами. – Но наша страна очень маленькая и очень красивая, и мы так не хотим. Каждая страна должен быть свой хозяин. Пусть пан делает ещё одна гидра... – он посмотрел на Адельберга, – революция.

– Гидратация! – Адельберг почувствовал, как напряжение стало спадать: «В самом деле, чего я к ним? Они простые «вояку», надо сказать им спасибо за то, что они пустили меня, да ещё и кормят, и угощают, и рассказывают что-то!»

Он налил воды, накрыл стакан ладонью и почувствовал, как её всасывает внутрь.

– Руссове народ – хороший народ, славяне, братья, – сказал Войтех, он вёл себя в теплушке как старший, по-хозяйски, но на равных, и Вацлав, который был моложе Войтеха, с достоинством ему подчинялся. – Отличная гидратация! Я догадался, чем пан занимался на фронте, – сказал Войтех, обращаясь к Вацлаву. – Пан Александр делал сортировку из нас военнопленных. Поэтому, Вацлав, мы сейчас живые и отступаем домой. Поэтому пану Божиному – наздар!

– Если так будем отступать, летом будем дома! – сказал молчавший до тех пор Вацлав, и оба засмеялись.

– Благодарю вас! – сказал Адельберг, он вдруг почувствовал голод, и его рука потянулась к большому куску толсто нарезанной копчёной говядины.

– Пану надо много покушать. – Войтех встал со стула, достал из своей корзины красивую, с перламутром десертную тарелку и вывалил в неё из банки тушёнку. – Отлично! Выпьем эту рюмку за нашего «Бэхэровка».

Вдруг Адельберг оторвался от еды, он не поверил своим ушам, когда откуда-то до него донёлся женский смех, он посмотрел на чехов и понял, что с ума он не сошёл.

– У нас весёлые молодые соседи...

– И соседки, – сказал Вацлав, и оба снова рассмеялись.

Поезд катился медленно, рывками, то ускоряясь, то притормаживая, то останавливаясь совсем. Во время одной из таких остановок за дверями снаружи, сначала издали, а потом всё ближе и ближе, слышались голоса. Они приближались, уже можно было различить слова, и вдруг в стенку чем-то ударили, как понял Адельберг, прикладом винтовки.

– Знов проверка, – сказал Войтех, – сейчас начнут кричать.

И правда, из-за двери быстрой скороговоркой что-то закричали по-чешски, Адельберг разобрал только одно слово «Позор!», он знал, что по-чешски это означает «Внимание», и посмотрел на своих соседей.

– Пан Александр можно не беспокоиться, пан – гость.

«Гость! – подумал он. – И ведь правда гость, напрасно я на них вспылал».

Вацлав встал, взял маузер, загнал патрон, в это время Войтех с револьвером немного приоткрыл дверь, несколько рук с той стороны ухватились за край и сильно потянули её, двое в австрийских шинелях с погонами на плечах и в меховых шапках мигом заскочили в вагон.

Чехи опустили оружие.

– Свои, – сказал Войтех.

Вошедшие были офицерами, они быстро говорили, перебивая друг друга, Войтех налил обоим по стакану спирта, но они отказались. Из их речи Адельберг смог разобрать несколько слов: «Колчак», «чрвэны», «позор», «большевик», «Иркутск». На него они не обратили внимания, и только перед тем, как прыгнуть, один из них, старший, ткнул в его сторону пальцем и сказал: «Иркутск». Через четыре или пять минут в теплушке снова остались только они трое, как будто никто не заходил, только удалялись вдоль вагонов голоса и всё глуше слышались удары прикладом в двери. Однако после появления чешских офицеров настроение изменилось: Войтех, Вацлав и Адельберг с ними выпили чистого спирта, и Войтех предложил: «На покой».

– Пан устал, и мы пана будем дожить спать!

Александру Петровичу была предложена раскладная походная кровать, пара чистого шёлкового белья: «Чтобы вошки не было!», потом Войтех добавил: «Отлично!» – и все улеглись.

«Как там Мишка?» – почему-то подумалось ему, и сразу представилась холодная, до костей, темень, накрывшая всё на многие сотни и тысячи вёрст вокруг.

Адельбергу показалось, что он сразу заснул, а когда проснулся, понял, что это был не сон, а провал, на короткое время, потому что чехи ещё переговаривались, потягивались и зевали.

В теплушке было душно, хотелось приоткрыть дверь, но сделать это было нельзя, хозяева теплушки ехали так каждую ночь и, скорее всего, уже привыкли спать в духоте.

«Вот тут у них непорядок – в тепле должны быть ноги, а голова – в холоде!»

Через короткое время из переднего угла вагона стал доноситься храп, это был Войтех. Он храпел мощно, перемежая густые басы подсвистом и губным хлюпаньем, так храпят русские, когда упыются прямо за столом и там же и заснут, отвалившись на спинку стула или съехав на бок в глубоком кресле.

«Ну, теперь до утра!»

Вагоны трясло, они то ехали, то стояли. На остановках за стенкой были слышны шаги пробегающих людей, выкрики, по-русски и по-чешски, иногда отдалённо грохали винтовочные выстрелы и короткие пулемётные очереди.

«А вот этот из берданки!»

Адельберг снова вспомнил про Мишку.

«Интересно, а на какой бы он оказался стороне? – подумал он и тут же готов был хлопнуть себя по лбу. – Вот так, Александр Петрович! Ты уже совсем перестал соображать! На какой бы он оказался стороне? Ни на какой! Он на своей стороне!»

В заднем углу вагона послышался сдавленный кашель.

«Вацлав, что ли, не спит?»

Вагоны, до этого только лениво толкавшиеся, вдруг зацепились друг за друга, от головы к хвосту пулемётной очередью прозвенели сцепками, сначала приближаясь, а потом удаляясь; состав как струна натянулся и начал медленно набирать скорость. Адельберг почувствовал, как по теплушке повеяло прохладой, он подобрал откиннутое одеяло, тело перестало ощущать липкую мерзость духоты, и шум колёс начал заглушать храп Войтеха. Захотелось повернуться на бок и уже ни о чём не думать, но тут в голову снова пришла мысль о Мишке, она ещё не успела развиться, как в углу, где был Вацлав, снова раздался кашель. Адельберг услышал, как тот сел на кровати, ударил себя кулаком в грудь и попытался глубоко вдохнуть, вместо этого получилось сипение, и снова послышался свистящий, выдавленный кашель. Адельберг встал и в полной темноте начал пробираться между ящиками. Вацлав, в светлом исподнем, на фоне белого постельного белья, выделялся в темноте, он сидел с опущенными на пол босыми ногами и обеими руками разрывал на груди рубашку.

«Что это – тиф или инфлюэнца? – с ужасом подумал Адельберг. – Надо будить Войтеха!» И обернулся, но тот уже сам пробирался к Вацлаву, и Александр Петрович услышал, как спички чиркают о коробок. Наконец зажёгся слабый свет, это Войтех добрался до лампы на стене. Вацлав сидел, держал обеими руками разорванные края рубахи и смотрел в одну точку немигающими мутными глазами.

– Так уже было?

– Нет! Я не знаю. Надо звать врач!

Глава 3

Мишка, как только «их благородие» соскочил с кошевы, подвесил лошади мешок с овсом и хотел сказать своему попутчику о том, что слышал новость, но не знает, насколько она верна, что адмирала Колчака расстреляли. Однако он только увидел на фоне белого снега удаляющуюся быстрыми шагами фигуру в чёрной бекеше и махнул рукой: «Сам дознается и будет настороже. Не дитя малое».

Уже несколько часов обоз стоял, упёршись в железнодорожный переезд. Мишка было попытался заснуть, пристраиваясь и так и так, но сон не шёл. Тогда он подумал, что есть время переложить поклажу, и стал развязывать ближний мешок, тот был с рыбой, и в стоячем морозном воздухе здорово пахло копчёным.

«Надо завязать, нечего народ дражнить!» – подумал он и почувствовал, что кто-то ухватил и сильно потянул его за плечо.

– Где разжился, дядечка? – Голос сзади был хриплый и густо пропитанный махорочным духом.

Мишка успел зацепиться левой рукой за борт кошевы, правой выхватил уложенную под ним берданку и не оглядываясь двинул прикладом назад. Голос сдавленно охнул, рука отпустила плечо, но тут Мишка почувствовал сильный удар в поясницу и повалился в кошеву. Падая, он развернулся и не целясь выстрелил в стоящую за спиной фигуру.

Нападавших оказалось двое, оба лежали на снегу, один пытался разогнуться и отползал от Мишкиных саней, другой корчился на месте, заряд попал ему ниже подбородка, и человек, хрипя, но молча, отплёвывался большими чёрными брызгами.

«Ща порвут!» – подумал Мишка, однако в стоявших рядом санях никто не пошевелился. В это время эшелон, перегородивший переезд, дёрнулся и, тихо набирая скорость, пошёл в сторону Иркутска, потом, вплотную к первому, прошёл ещё один и ещё, потом переезд на несколько минут освободился, и со стороны железной дороги, откуда-то издалека, от Черемховских копей, донеслось несколько винтовочных выстрелов и пулемётная очередь.

Обоз зашевелился и тронулся, сани перемешались на дороге, все спешили вперёд. Так же неожиданно, как пошли составы, началась метель, Мишка вскочил в сани и сильно ударил вожжами. Напавшие на него – один отполз, другой затих и так и остался на обочине, но Мишка в их сторону больше не смотрел.

Глава 4

Состав шёл быстро. Адельберг понял, что уже вот-вот Иркутск; было понятно и то, что оставаться с легионерами больше нельзя, так сказали проверявшие состав офицеры. В свете керосинки Войтех тёр полотенцем грудь своего товарища, остро пахло уксусом.

– Войтех, спасибо вам за всё, но от меня пользы не будет, поэтому дальше я постараюсь добираться сам.

Поезд стал замедлять ход.

– Ано, пан Кожин! То есть правда ваши слова! Я не желал вас огорчить, но ваш Колчак расстреляли. – Войтех сказал это, не переставая тереть грудь Вацлава. – Вперёд через четыре вагона есть санитарный вагон, если мы будем стоять, скажите, что нужен врач.

Адельберг, уже одетый, с закинутым за плечо мешком, успел немного откатить дверь, в слабой полоске света он не увидел ни шпал, ни земли, мимо горизонтально летел снег и норovil залететь в вагон; он задержался на секунду и хотел переспросить, правда ли, что Колчака... но услышал злой голос Войтеха:

– Закрывайте дверь, скорее прыгайте, пан полковник Кожин!

Он прыгнул.

Земля оказалась близко. Адельберг коснулся её ногами и покатился, стараясь удержать на плече мешок; через секунду он осмотрелся и удивился, что не ударился и ничего себе не сломал. Он встал и почувствовал, как уплотнённый снегом ветер подхватил его со спины и начал толкать вперёд в том же направлении, куда двигался начавший набирать скорость состав.

Он шёл уже час и думал, почему Войтех, который, как оказалось, правильно расслышал его фамилию и разглядел погоны, называл его не Кожин, а Божин: «Наверное, за полгода пути они успели надоесть друг другу, и им захотелось обновить компанию!» – это был единственный ответ, который пришёл ему в голову.

Идти было тяжело. Сильная метель меняла направление и дула то в спину, то подхватывалась откуда-то сбоку, то хлестала по лицу и не давала открыть глаза. Мимо, разогнавшись,

мчались почти без промежутков состав за составом, и он с сожалением думал о том, что не смог догнать четвёртый вагон и сообщить врачам о заболевшем Вацлаве.

Изредка освещаемый летящим светом вагонных фонарей, он шёл, с трудом переставляя ноги, улучив момент, когда между эшелонами появился просвет, перешёл на другую сторону, пытаясь под прикрытием вагонов проскочить городской вокзал, и оказался на окраине какого-то посёлка, потом снова перешёл на эту сторону, пустынную, незастроенную и поэтому, как ему казалось, более безопасную. Снег, уже не важно, с какой стороны, летел, слепил глаза, лез за воротник, набивался в шерсть отворотов бекеши, соприкасался там с кожей и противно таял; мороз, по ощущениям, стоял под тридцать, но Адельберг шёл уже долго, разогрелся, был сыт и старался не обращать внимания на эти мелкие неудобства. В его голове сидела мысль о том, что после того злополучного случая на станции Тайга, когда ему поручили сопровождать вагон с золотом, всё пошло не так; это всё и предопределило: и то, что он сейчас один, и эту непроглядную метель, и ещё черт его знает что, и эти новости, которые он услышал сначала от Мишки, а потом в вагоне от чехов. Под сапогами скрипел снег, а под ним гравий насыпи; стуча на рельсовых стыках, рядом шли эшелоны, звуки, рождаемые окружающим миром, попадали в ритм с подвывающим из-под колёс ветром и ритмом его шагов, и от этого в голове пульсировало: «Колчака расстреляли! Колчака расстреляли! Каппель умер! Каппель умер! Да здравствует Каппель! Господи, что я несу, какой-то бред! Но Каппель действительно умер, а Колчака расстреляли, если верить... Мишке... и чехам! А как не верить? Идиотизм! И его так много! Только ты не успеваешь об этом подумать!» Полтора месяца назад или около того, когда проходили Новониколаевск, на здании вокзала и в городе на стенах домов он увидел расклеенные плакаты с приказом главнокомандующего белыми войсками генерала Сахарова о «героическом поступке» генерала Войцеховского, застрелившего за неисполнение приказа генерала Гривина. Текст приказа главкома и без того был разослан телеграфом по всем штабам, но зачем было вывешивать его в городе и забивать этим головы тех, кто и так не знал, куда деваться: оставаться под нож красных или лезть под пулю белых. «Вот это действительно идиотизм!» Потом самого Сахарова отдали под суд за «идиотскую», любимое словечко в войсках, сдачу Омска, набитого продуктами, тёплой одеждой, военным снаряжением и всем тем, чего стало так не хватать...

Ветер, видимо соединив свои усилия с набравшими скорость вагонами, так сильно толкнул его в спину, что он чуть не упал и вовремя отдернул руку, которая по привычке потянулась к вагонам ухватиться за что-то прочное; он припал на колено и упёрся руками в чёрные, под тонким слоем сметаемого снега, камни гравия железнодорожной насыпи.

«Чёрт побереи!» Он сбился с мысли.

А Омск, несмотря на наступающих красных, до середины ноября жил спокойной жизнью, уверенный в том, что его никогда не сдадут. Волноваться начали только тогда, когда канонада была уже слышна, а Иртыш ещё не встал. И надо же было случиться такому чуду, что он замёрз за одну ночь, за момент до того, когда думать об отступлении было бы поздно. Отправляя штабной состав на восток, Адельберг проезжал мимо начавшихся переправ по ещё опасливому льду и почувствовал болезненную жалость к тем, кто оказался в этой ситуации вот так – вдруг. А теперь чехи, молодцы, правильно сделали, что воспользовались моментом и заняли всю железную дорогу до самого Владивостока. Белое Омское правительство борется за власть с белым Самарским правительством, хотя надо вместе бороться против большевиков! Три армии возглавляют трое главнокомандующих, хотя нужен один! Владимир Оскарович Каппель рекомендует Александру Васильевичу Колчаку не отделяться от своих войск, а Колчак отвечает на это, что, мол, «не стоит беспокоиться, голубчик, меня изрядно охраняют союзники!».

«Вот тебе и союзники, прав был Мишка, он только слова, наверное, этого не знает – «идиотизм»!»

Мысли, отгороженные от внешнего мира плотной метелью, пульсировали в голове в такт с шагами, он даже не заметил, как пересёк по льду какую-то речку, какой-то приток Ангары, только услышал, как замороженные железные колеса над его головой прогрохотали по замороженному железному мосту. Поднявшись на невысокий берег, он вдруг краем глаза увидел сквозь метель слева огни – ошибиться было трудно: «Иркутск! Неужели!»

Внезапно возникший город отвлек: «Почему только сейчас? Он должен был остаться у меня позади!» Он прошагал ещё сколько-то вперёд – вроде всё правильно: справа железная дорога, слева берег Ангары и ещё дальше – через реку другой её берег, городской, но он должен был остаться за спиной.

«Неужели я ещё не миновал вокзал? Тогда беда!»

Адельберг остановился и попытался понять, где он находится; он повернул назад и вышел на берег притока, через который только что перешёл, и понял, что это был не просто приток, а Иркут, который впадал в Ангару ниже по течению; и сейчас он стоит, наверное, в самом опасном месте, где только мог оказаться, – впереди был вокзал, где наверняка на каждом углу – красные караулы, значит, вперёд нельзя.

Он остановился.

«Как они будут отрываться от красных? Как пойдут? По тракту или вдоль железной дороги, напрямиком на Байкал? А как же ещё? – Он немного постоял и решил: – Надо перейти Ангару и выйти на юго-восточную окраину города!»

Александр Петрович почувствовал усталость, он догнал и уцепился за поручни никем не охраняемой площадки проходившего мимо тёмного, казавшегося мёртвым вагона; он увидел, что метель шла низом, огни города стали ближе, он постоял на летящей площадке несколько минут и соскочил.

* * *

Ангара оказалась неожиданно узкой. Адельберг быстро её пересёк и начал подниматься на городской берег, заросший чёрными, оголёнными ветром кустами. По левую руку сквозь плотные заряды снега он разглядел вмёрзшую в лёд пристань.

«Рыбная, что ли?» Он решил проверить догадку и пошёл к ней. Это оказалась действительно городская Рыбная пристань, он её узнал, значит, он отвернул от железной дороги всё же слишком рано.

«Может, удастся пройти через город? На льду я буду слишком заметен!»

Он по льду миновал пристань, поднялся на берег и оказался у дровяных складов, на которые из города выходила улица.

«Как же её? Дегтярная? Нет, не Дегтярная! – вертелось в голове. – Дёгтевская!» – вспомнил он.

Впервые он оказался в Иркутске в конце девятьсот четвёртого года, когда ехал в Харбин в Маньчжурскую армию на Японскую кампанию, потом бывал здесь много раз.

Он пошёл по улице вдоль чёрных деревянных заборов и сразу наткнулся на намороженную поперёк ледяную стенку, за ней саженей через пятнадцать угадывалась следующая, точно такая же, во всю ширину улицы и высотой в человеческий рост. Одна прилегала своим правым плечом вплотную к заборам и оставляла узкий проход слева, следующая прилегала к заборам своим левым плечом и оставляла узкий проход справа.

«Наморозили баррикады! Изобретательные!»

Он прошёл совсем немного и вдруг услышал крик: «Стой! Стрелять буду!»

Со стороны города доносились приглушаемые метелью выстрелы.

– Стой, сволочь, стрелять буду!!! – донеслось до него совсем близко.

«Нет, через город не пройти!» На его спасение, метель навалилась густо, справа он разглядел проход между заборами и какие-то закоулки, он свернул и по задам снова вышел на берег Ангары.

«Хлопнут ни за понюх табака! И Адельберг будет убит!»

Дальше по дороге вдоль берега он пошёл на юг, его никто не окликал, прибрежные кусты и метель прикрывали его. Пробиваясь через бледную летящую выюгу, впереди, совсем недалеко, он вдруг увидел что-то высокое, в несколько человеческих ростов, большое, острокопечное и чёрное; он подошёл ближе. «Памятник Александру Третьему!» – узнал Адельберг и вспомнил, как он стоял на Никольской улице со всем своим кадетским корпусом и провожал похоронную процессию – в Москву для отпевания перевезли останки царя. Тогда за огромным катафалком шли военные, духовные и светские в чёрном трауре и золоте: султаны, плюмажи; жара, колокольный звон, единым низким дыханием накрывший всю Москву. И падающие в обморок, которых уносили полицейские.

«Не дожили вы, ваше величество! И слава богу!»

Дорога поворачивала налево, в город, Александр Петрович спустился к реке, в снежных заметях он разминутся с памятником, как будто бы император сам прошагал мимо него, и увидел впереди чернеющее во льду пятно прямоугольной формы: «Полынья или прорубь? Если полынья – придется обходить!» – но, судя по ровным краям и отвалам ледяных глыб, это была прорубь.

«Нашли время рыбу ловить! – почему-то подумал он. – Рыбу! Рыба! – застряла мысль. – Однако всё правильно, наверняка в городе нечего есть! Что за власть, куда ни пришла, везде голод и холод!» Так было в Питере, в Москве и везде, где он был, где красные взяли власть.

Он обошёл прорубь и пошёл дальше. «Рыба, рыба! Прорубь, прорубь!» – отстукивало в мозгу; он отошёл шагов двадцать или больше, и вдруг как будто кто-то ухватил его за воротник и резко остановил.

«Рыба! Какая к черту рыба? Колчака расстреляли и сбросили в прорубь, в Ангару!» Он вспомнил слова Мишки, и тут же они всплыли в памяти дословно: «А Колчака тваво, абмирала, краснюки толь вчера, толь позавчера, расстреляли да в Ангару скинули, прямиком под лёд...»

Адельберг выругался и побежал обратно, его ноги стали скользить, он несколько раз падал, поднимался и снова падал. От берега прорубь находилась в десятке или чуть более саженьей, у её обращенного к берегу края, под свеженаметённым снегом ещё угадывались следы ног. Адельберг забыл про занятый красными Иркутск и смотрел на следы. Он умел их читать, научился у своих егерей; по ним, уже еле видимым, рядом, чтобы не затоптать, он прошёл от проруби до берега и вернулся. Что-то определить было уже трудно, но он всё же различил след каблука. Тот был отчётливо вдавлен, и снег из него выдувала метель; носок сапога был обращен к берегу, а каблук отпечатался на самой кромке проруби.

«Спиной к проруби рыбу не ловят! Неужели здесь? – Теперь, как ему показалось, всё стало понятно. – Неужели судьба водила меня, водила и привела именно сюда?»

Он сел на торчащую большую ледяную глыбину и завыл в голос. А может быть, это не он завыл, а метель как-то по-особенному отражалась переливным протяжным звуком от мертвенного льда Ангары. Какое-то время он сидел неподвижно и по-крестьянски вытирал рукавом вонючей бекеши мокрое от слёз, или не от слёз – а от таявшего снега, – лицо.

Силы, которые были в нём всю ночь, пока он двигался к цели, начали оставлять его, он остро почувствовал голод, но не дербанить же Мишкину рыбину прямо тут. Адельберг зачерпнул снег и тут же с отвращением выкинул его. Они топтались здесь, на этом снегу...

Александр Петрович тяжело встал, ноги были ватные и вялые, и он понимал, что если сейчас сядет, то встать ещё раз сил может уже не хватить.

Метель, смазывая подсвеченную восходящим солнцем кромку горизонта, стихала и уходила на юго-восток к Байкалу. Он с трудом добрался под бекешей до луковицы хронометра

на толстой золотой цепочке, холодными пальцами нажал заводную головку и открыл крышку – было семь часов пятьдесят минут. Адельберг огляделся и увидел, что находится на окраине города; ещё несколько вёрст, и он выйдет на зимник, который выведет его к Байкалу. И вдруг снова закипела мысль: «Почему я один, почему не со всеми? Умер Володя Каппель, убит Колчак, но живы же Войцеховский, треклятый Сахаров, Вержбицкий, Молчанов. Почему я не с ними?» Он пнул сапогом глыбину, на которой сидел, та неожиданно легко оторвалась, перескочила через другие, поменьше, ударилась о чёрный свежий ледок, пробила его и закачалась на воде. Не думая, Адельберг подошёл к краю, зачерпнул ладонью воды и умыл лицо.

«Вперёд!»

На берег, между дровяным складом и памятником ненавистному царю Александру Третьему, вышли трое мужчин с красными повязками на рукавах.

Первый остановился на спуске, потопал сапогами, утрамбовывая под собой снег и мелкие осколки льда, и посмотрел на юго-восток вдоль берега Ангары:

– О, товарищи, глянь-ка, кто-то на льду телепается! Рыбачок, што ли?

– Ща глянем, что это за рыбачок, – сказал другой, он поравнялся с первым и снял с плеча короткий кавалерийский карабин.

– Не, милай, коротковат будет твой винторез, дай-ка я со своей старушенции попробую, – сказал третий, шедший последним.

– Стоя, с колена, али брюхо морозить будешь? – спросил хозяин карабина и сдвинул на затылок серую солдатскую папаху.

– Пуцай пластуны брюхи морозят, стоя тоже не с руки, вона кака позёмка ветрит. Я с колена попробую! – ответил третий, верзила в чёрной казачьей папахе, и потянул с плеча за ремень трёхлинейку.

– А можа, не стоит, можа, рыбачок? А, товарищи! – снова спросил первый.

– Тоже мне рыбачок! Помолчал бы, Серёга! Эт небось сам Каппель на крючок Колчака ловит! Рыбачок к нам побежит, а ежели не рыбачок, то от нас, – загородясь от ветра и прикуривая сигарку, приглушённым голосом, с паузами сказал второй. – Давай, Петрович, вонзи ему пониже хлястика.

– Хлястик? Откель ты углядел хлястик, Кешка? Я не вижу! Он же в тулупчике, – удивился Петрович.

– Вот! Посерёдке тулупчика, только пониже малость, и дай, шоб сядился и долго свою рыбалку на нашей майне поминал.

Все трое засмеялись, верзила присел на колено, загнал папаху на затылок и, прицеливаясь, затих.

– Тока, смотри, против солнца целишь, да все бело кругом, дистанцию скрадывает, – выдохнул с дымом хозяин карабина, которого Петрович называл Кешкой.

– Хорош трепаться! – сказал верзила. – За торосами он пропал, не видать его. – Он встал, отряхнул снег, качнувшись, закинул трёхлинейку за спину и скривил губы в шутливо-презрительной усмешке: – Тоже мне грамотей: «Дистанцию!» Ты, Кешка, нешто антилирист, или как?

Не обращая внимания на подначку верзилы, Кешка отдал сигарку Серёге и сказал:

– А я всё ж стрельну. – Он скинул карабин и, стоя, недолго целясь, выстрелил.

Чёрная фигура, которая сажень в ста была видна между торосами, исчезла.

Кешка молча забрал сигарку, затаился и сплюнул.

– И вся рыбалка! Пойдем, братцы, доложим, что одним контриком меньше стало!

– А можа, всё же рыбачок?

– Вот по весне шука с налимом и разберутся!

Острая длинная пуля в медной оболочке скользнула по гладкому ангарскому льду, разбила в мокрую пыль небольшой торос, потеряла силу, закувыркалась и, тупо ударив и пробив заплечный мешок, зарылась в густую шерсть бекеша. Адельберг почувствовал, как обожгло правый бок, охнул и через секунду услышал выстрел. Он осел на колени под высокую, торчком замёрзшую льдину, спустил лямки мешка и расстегнул бекешу. На лёд выпала пуля, она лежала в маленькой лужице подтаявшей и уже успевшей замёрзнуть под ней воды. Не поднимаясь, он поддел её носком сапога, пуля отскочила, Адельберг её поднял, положил в карман и, не оглядываясь, только чувствуя, как под мышкой стало тепло и липко, встал и пошёл дальше.

Он шёл на юг, куда сама Ангара вела его своими берегами. В том, как отступали колонны белых армий, он уже не сомневался, конечно, напрямик на Байкал, конечно, обошли город с юга и где-то, в какой-то точке, вышли на лёд Ангары.

«Надо только добраться до этой точки».

Он вновь почувствовал острый голод, дёрнул плечами, скидывая веревочные лямки мешка, снова зануло и стало липко под мышкой.

«Черт, надо же! – Он плотно прижал локоть. – Ничего, не размямливайся! Подумаешь, царапина! Скользнула и упала под сапог! Надо что-то съесть!» Трясущимися пальцами он развязал замёрзший, тугой верёвочный узел, вытащил за хвост большого, с локоть, омуля, хрястнул его об колено и вонзился зубами в копчёное светло-розовое мясо, от которого слегка отдавало гнильцой.

«С душком!» – вспомнил он особенный байкальский засол. Мелкая чешуя забила рот, но он даже не подумал о том, чтобы рыбу очистить, отдирая зубами от остяка балык и глотал его, почти не жуя. Через минуту в животе заурчало и во рту стало сладко-солono. «Сейчас бы хлеба или хотя бы стакан холодной воды! – От солёной рыбы пересохло в горле. – Воды, воды, господи, вот же вода!» Он зачерпнул снег, крепко стиснул его в кулаке и почувствовал, как тот превратился в ледышку и между пальцами стало мокро. Талая вода смочила горло, стало легче, руки перестали дрожать, прошла предательская слабость в ногах; Адельберг встал, отшвырнул наполовину ободранный рыбий скелет и добрым словом помянул Мишку.

Глава 5

По запруженному санями, военными упряжками, одиночными конниками и целыми подразделениями тракту Мишка с шага на полшага еле-еле двигался и пытался вырваться из тисков плотно зажавшего его обоза.

Станцию Иннокентьевская, почти не замеченную в продолжавшейся метели, прошёл только к утру.

«Заехать в город! Каки тама новости! Энто едино, кака тама у них власть! Я им не белый и не красный. Я им, – он глянул на свой тулуп, – бурый!»

Перед Глазковским предместьем Мишка съехал на лёд Иркут и свернул влево. Он проехал под железнодорожным мостом и, оглушённый грохотом проходивших по нему эшелонов, быстро выкатил на лёд Ангары и доехал до того места, где летом с левого на правый берег перекидывали понтонный мост. Вырвавшись из обоза, он сократил путь, а его маштаку было всё равно: шлёпать своими широкими и мохнатыми копытами по накатанному тракту, по льду или по разбитым кривым улочкам Глазковского предместья.

Вся Ангара между Иркутским железнодорожным вокзалом на левом берегу и дровяными складами на городской набережной на правом была укатана санями вдоль и поперёк.

«Ране такого порядка за нет, не было, шоб по Ангаре, да во все стороны! Лихое время, совсем всё поперепуталось. Эхма!»

Понужая лошадь, Мишка пересёк реку, подъехал к Рыбной пристани и въехал на невысокий берег, на замётённую снегом дорогу к дровяным складам.

– Стой, хто идёт!

От угла ближнего дровяника отделились две тёмные фигуры с торчащими вверх штыками.

– Хто идёт, хто идёт! Спроси лучше, хто едет! – недовольно ответил Мишка.

– Ну, хто едет, тожа стой! – И одна из фигур сняла с плеча карабин.

Мишка тряхнул вожжами:

– И чё? Твою мать! Стрельнешь?

– А чё? – громко прокричала фигура. – И стрельну, впервой, што ль?

– И чё будит, коли стрельнешь?

– Чё будит? Ищо один жмур будит! Не веришь?

Мишка не стал препираться, чуть осаживая лошадь, но, не останавливаясь совсем, он медленно приближался к двум караульным с красными повязками.

– Кешка, ты, что ль? – узнал он одного из них.

– Мишка! – Кричавший опустил ствол.

Мишка соскочил с саней и зашагал к тому, кого назвал Кешкой.

– Как-эт ты к карабину штык-то примайстрячил?

– Как? Как? Тебя не спросил! Он тут на месте, а против белой контры штык не только к карабину примайстрячишь.

Они рассмеялись.

– Ну и чё ты здесь сопли морозишь? Бона борода вся в сосульках.

– Опять чё? Да ничё! Не знаешь, што ли, колода таёжная, што энтой ночью мимо нас беляки на Байкал убежали?

– А мне зачем?

– Как – зачем? Ты с нами али с ими?

– С медведями я! Да с омулем. Ладно молоть, давай-ка – завёртка твоя, а табак мой!

Пойдет така контрибуция?

– Анекция, ещё скажи, грамотей гуранский. Пойдет!

Мишка достал кiset, Кешка вынул из кармана две листовки и подал одну Мишке.

– И давно вы тут?

– С ночи.

– И не помёрзли?

– Хе, «не помёрзли!» Ночью-то кака метель была! Тока-тока улегается! Не, мы в дровянике, тама и печка есть.

– Ну? Так, можа, и кипяток найдётся?

– Найдётся! – сказал Кешка, повернулся к дровянику и, зовя за собой, махнул рукой. –

А тебя каки черти пригнали?

– Черти не черти, а патронишками бы разжился, – хохотнул Мишка.

– Патронишками?! На што тебе патронишки, к твоей берданке-то?

Мишка, довольный тем, что так неожиданно встретился со знакомцем, достал из саней из-под поклажи карабин:

– Бона, как твой, кавалерский!

Кешка и его спутник рассмеялись.

– Гуранская твоя башка! Кавалерийский! Ну пойдём. Скока тебе патронов?

От неожиданности Мишка остановился: «Эка удача, ежли не шутит!» – и с ходу выпалил:

– А мешок! Я тебе мешок рыбы, а ты мне мешок патронов!

Кешка хмыкнул:

– Прогадал ты, брат! У нас энтих патронов – стока в твоей тайге медведя не ходит!

Мишка не поверил, отвернулся к кошеве и стал укладывать в неё карабин: «Нешто и вправду? Я-т шутковал, а он?..»

Зайдя в дровяник, он огляделся: склад был пуст, от конторки, которая занимала правый угол, саженой на тридцать влево уходили сложенные из ошкуренной лиственницы стены под низким потолком. На реку выходило двое широких ворот, запертых на засовы из толстого бруса. На стенах серебрился иней и свисал с потолка, как старая паутина. Внутри небольшой конторки учётчика стояла железная бочка с выведенной в узенькое оконце под самым потолком трубой; на печке парил полувёдерный медный чайник. Рядом с буржуйкой, на лавке, спиной к стене спал такой же длинный, как сама лавка, укрытый тулупом мужик в чёрной казачьей папахе, напяленной ниже глаз. На рукаве его тулупа тоже была красная повязка.

– Эт наш главный! Петрович! – показал пальцем в сторону мужика Кешка. – Тольки пустой кипяток хлебать придётся, чаю нету!

Мишка, чтобы скрыть своё нетерпение, подтрунил:

– Эх, Кешка, ничего-то у тебя нету и никада и не было, а ишо... поёшь мне про патроны... Кружка-т хоть найдётся? – спросил он со вздохом, полез в карман и вытащил мешочек, похожий на кисет.

Кешка достал из-за печки большую фарфоровую кружку с отбитой ручкой:

– Кружка-т? Найдётся! На-ка вот! Эта сойдёт?

Мишка взял кружку, бросил в неё из мешочка щепоть сухих трав и ягод и налил кипятку.

– А прикрышка кака?

– Тоже найдётся! – Кешка снова пошарил рукой где-то внизу и подал Мишке фарфоровую крышку.

Мишка повертел её в руках:

– Ни дать ни взять от энтой кружки и есть. – Он посмотрел на Кешку. – Чей барский дом-то ограбили?

– Нету боле барского! Всё наше. И не грабили мы ничево. Учётчика кружка и крышка. Када нам дровяник под сторожевой пост сдавал, сказал, мол, пользуйтесь как своим.

– «Сторожевой пост»!!! – скривился Мишка. – Чё сторожите-то? Реку, что ли, али лёд на реке?.. Чем так сидеть, майну бы проколупали да хоть бы рыбы себе наловили!

Кешка никак не реагировал на Мишкины подначки:

– Майну проколупали ишо вчера, вона под берегом, два ста саженой не будет, дак хто в ней ныне ловить будет, да и чем? Снасть-то дома осталась.

Мишка накрыл кружку крышкой:

– А чё колупали? Под Колчака, што ль?

– Не! Колчака на Ушаковке ухлопали, – сказал Кешка и махнул рукой на север. – Под другого кого – ночью тут ЧК пуляло. Нам приказали, мы и проколупали.

Мишка открыл крышку, и из чашки пошёл мятный с запахом земляники, смородины и брусники дух.

– Дядь Кеш, ты погляди, какой чай получился!

Кешка оглянулся на своего напарника, который на протяжении всего разговора стоял молча и слушал.

– Ну ты, Серёга, даёшь, ни разу в тайге, что ль, не был? Не знаешь, какие там заварки сушат?

– Был с батей, малым ишо. А когда его ремнями задавило на фабрике, больше и не был. С пацанами только, по ближним кедрачам.

Серёга, молодой парень лет пятнадцати, заросший светлой, ни разу не бритой кучерявостью, горящими глазами смотрел на кружку и тянул в себя поднимающийся от неё сладковатый, ароматный дух.

– Здорово-то как!

– Мишк, ты бы дал ему хлебнуть, что ли, сироте, и давай вали сюда свою рыбу! – Он потопал ногами и вышел из конторки за перегородку.

Паренёк, которого Кешка назвал Серёгой, увидел, что Мишка стал развязывать верёвки принесённого с собой мешка, метнулся в угол и расстелил кусок серого брезента; Мишка вывалил на брезент с тридцать или сорок омулей, и в загородке запахло копчёным. Он возился с рыбой, не поднимая глаз, стараясь скрыть радость и ещё не веря в такую удачу, потом завязал пустой мешок и посмотрел на Серёгу:

– Вишь как на морозе-т дух сохраняется?

– Ага!

– Давно такова не едал?

– Так с лета!

– Как же ты мог её исть летом? Летом она сырая!

– А я и не помню...

Кешка вошёл и бросил на пол солдатский сидор, который звякнул и мягко осел широкими бабьими боками.

– Неужто всё отдашь?

– Не жалко. Контра ушла, а нам из Балаганска ещё привезут.

– А што в Балаганске?

– Дак инералы када сюда подходить стали, наши-то все склады и другое чево всё в Балаганск свезли, за двести вёрст.

Мишка поднял за ляжки сидор, тряхнул его, и тот снова звякнул, полный патронов.

– Ну вот! – сказал он, не отрывая глаз от сидора. – А рыбу забирайте.

На лавке зашевелился мужик в папахе:

– Это кто тут такой добрый?

– Ты чё, Петрович? Не спится тебе!

– Как тут спать? Вы всё балабоните да балабоните. Эт хто? – кивнул он подбородком в сторону Мишки.

– Знакомец мой с Байкала, с того берега.

– И чё ему надо?

– Дак вот! Рыбы нам принёс, за патроны.

– А-а! Ну, энтого добра теперь не жалко! А ты, Серёга, пойдй обойди дровяник дозором! – сказал он и с головой накрылся тулупом.

– Оставь ты его, Петрович! – Кешка обнюхивал рыбу. – Кого сейчас дозорить? А омулёк бравый! Пахнет как дома!

Мишка оглянулся, ища и не находя, где бы можно было присесть.

– Сам-т давно из дому? – спросил он и пододвинул ногою сидор поближе к себе.

– А как на Черемховских копиях полыхнуло, дык я туда и подался.

– А дома хто? На хозяйстве?

– Известно хто, Маруська! Кому ж ишо!

– И чего она? Одна управляется?

– А ей чё управляться, как младшенького летом схоронили, так она с хозяйством и управляется. Сидит на печи, слёзы льёт да сети чинит.

Так и не найдя, куда сесть, Мишка привалился плечом к стене, свернул конусом листовку, согнул козью ножку и сыпал в неё из ладони табак.

– Ты, Серёга, не смотри на кружку-то, глотни, вмиг ото сна отшибёт, и согреешься заодно. – Мишка откинул дверцу буржуйки, вынул пальцами уголёк, положил его на железный край печки и прикурил. – И как вы тут-ка революцию свою вершите? Майну продолбали и удили бы! – Ему очень хотелось как можно скорее свалить сидор в кошёвку и дать маштаку вожжий, но это был бы непорядок: не выпить чаю, не выкурить сигарку и не завести «разговора».

Кешка взял в руки самого большого омуля, оторвал ему голову и стал сдирать шкуру.

– Дак поутру и собрались: майна недалече, жилка с крючком завсегда имеются, а там контрик какой-то ошивается, ну я его...

– И срезал?

– А чё на него глядеть?

Серёга держал горячую кружку в ладонях.

– А я говорил – рыбачок!

Кешка оглянулся на парня:

– А ты бы сбегал и проверил? Чё зря языком молоть?

– А чё зря пулять?

– А ну-ка, выдь на дозор! Через полчаса доложишь! Ишь? Распился тут! Смотри, губу прижжёшь. Ну-ка, шоб я тебя не видал!

Серёга обиделся, вышел и хлопнул замороженной дверью так, что с потолка посыпался иней. Кешка неодобрительно хмыкнул в его сторону, а Мишка сделал последнюю затяжку.

– А скажи-ка мне, Иннокентий, дальше как жить будем?

Кешка бросил недочищенного омуля в кучу, распрямился и потянулся всем телом:

– А так и будем. Мы своё дело сделали, белых в Байкал-море скинули, а дальше и в океан скинем...

– Ну с энтими понятно, а здесь-то што?

– Известное дело, нову жисть сотворим!

– А каку?

– А хто его знает! Придумаем – у нас башковитых доводя!

Глава 6

Адельберг шёл на юго-восток.

Уже высокое над горизонтом, солнце светило в глаза. Он почувствовал, что мороз стал отпускать, и расстегнул верхние крючки бекеши, но этого ему показалось мало, и он снял перчатки. Он давно миновал город, и можно было присесть отдохнуть, но ещё мела позёмка, а впереди было много вёрст, и терять время на отдых он не мог. Ноги то зарывались в глубокий снег, наметаемый под торосы, то скользили по голому, прозрачному льду.

Адельберг шёл и уже не думал ни о Каппеле, ни о Колчаке. Выйдя из-под ареста, проехав мимо красных Черемховских копей и миновав красный Иркутск, постояв над могильной прорубью Колчака – в этом у него не было сомнений – и избежав смерти от случайной пули красного патруля, он понял, что впереди у него одна последняя прямая, в конце которой – встреча с семьёй. Он подумал, что от этого его отделяет или гибель, или то расстояние, которое ему предстоит пройти, поэтому сейчас в голове была одна мысль – вперёд.

Под хруст снега он думал о жене и сыне, которого видел только на фотографиях; Анна в письмах называла его Сашиком; он видел свой дом на Разъезжей улице рядом с Соборной площадью и Свято-Николаевским собором. Последнее письмо от жены пришло тому уж полгода, с оказией, когда он был ещё в Омске; офицеры и военные чины тыловых служб иногда могли «смотреться» в Харбин. Потом Колчак оставил Омск, и okazji не стало.

Он простился с женой ранней осенью 1914 года. Тогда, в первых числах сентября, его и ещё нескольких офицеров вызвали в штаб Заамурского округа для вручения казённого пакета и определили в Ставку русской армии, под начало Верховного главнокомандующего его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, и дали три дня на сборы и прощание с семьями.

Война уже шла, но Харбин продолжал жить обычной жизнью, только прибавились новые тревоги. Из Петербурга и Москвы приходили военные новости, исправно печатались газеты,

работал телеграф, все радовались победам и огорчались неудачам. Как и всю Россию, харбинцев расстроило поражение армии Самсонова и его самоубийство. Об этом говорили.

Из штаба, не заходя к себе в бригаду, Александр Петрович сразу пошёл домой – он решил отложить все дела до завтра. По дороге хотел придумать что-то утешительное для жены, но не успел, потому что штаб округа располагался на Большом проспекте, в нескольких сотнях шагов от дома, однако Анны дома не оказалось. Александр Петрович переоделся в домашнее и стал ждать. Анна отсутствовала недолго и, когда пришла, удивилась тому, что он не на службе, положила сумочку, откинула вуалетку и тревожно спросила:

– Что-то случилось?

Пока он ждал жену, то пытался что-то придумать, но после её вопроса всё отбросил:

– Я уезжаю в Барановичи, в ставку его высочества.

– Надолго?

Александр Петрович только пожал плечами.

Она прошла к себе в комнату, через некоторое время вернулась, переодетая в домашнее платье, позвала китайца-боя и повара и отпустила их.

– Ну что ж! Тогда давай пить чай.

Тот день до конца и ещё два они провели вдвоём, и только на третий день, к вечеру, уже на перроне харбинского вокзала, когда транссибирский экспресс тронулся и Александр Петрович вскочил на подножку, она сказала:

– Возвращайся!

«Вот я и возвращаюсь», – думал Адельберг.

Идти становилось всё труднее из-за нагромождения торосов, и дорога между ними терялась.

Перчатки были давно сняты, ворот расстёгнут. Адельберг сдвинул на затылок шапку, подставляя вспотевший лоб ветру, но ветер казался тёплым и не приносил облегчения.

«Вот я и возвращаюсь!»

Солнце поднялось в зенит и припекало даже через шапку. Впереди, сколько можно было видеть, простирался лёд большой реки; сопки по берегам Ангары становились всё ближе и выше и из голубых превращались в чёрные и строго очерченные. По его прикидкам, ещё несколько часов, и он должен дойти до той воображаемой точки, где остатки колонн Белой армии вышли на Ангару, чтобы идти дальше к Байкалу.

Вдруг Александру Петровичу показалось, что лёд на мгновение ушёл у него из-под ног, он остановился поправить шапку и дотронулся до лба. Лоб был потный. Он приложил снег, тот быстро растаял, потёк по лицу и стал замерзать в густой щетине. Александр Петрович понял, что жарко ему, скорее всего, не оттого, что после метели потеплело, если вода замерзает в бороде, а что-то тут другое. Он задрал рукав бекеши и рукавом френча вытер лицо, оно снова быстро покрылось потом. Он почувствовал, как пот течёт между лопатками, сначала горячий, а потом холодный.

«Чёрт побери, неужели я заболеваю? Как некстати! Надо немного отсидеться», – подумал он и пожалел, что не додумался попросить у Вацлава и Войтеха хотя бы немного спирту. Он прошёл ещё несколько шагов и нашёл, как ему показалось, удобное место. Когда Ангара становилась, а перед этим шла крупными льдинами, они, особенно около берега, наталкивались друг на друга, подминали одна другую, выворачивались наружу и так застывали. Он увидел большую, торчащую вертикально льдину, к которой ступенькой примёрзла льдина поменьше.

Александр Петрович сел.

«Сейчас! Пять минут! Нет, десять! Только не заснуть!» Он снова залез под бекешу и вытащил хронометр.

«Пятнадцать минут, и надо идти!»

Мешок, поставленный между коленями, обдал его пряным запахом копчёной рыбы, но есть не хотелось, хотелось пить.

«Дойду до своих и рыбу раздам! – Он растаял во рту снег. – И попрошу хлеба!»

«Хлеба! Хлеба!..» Эта мысль как будто бы прилипла, он проглотил талую воду и пожевал губами, чувствуя вкус не воды, а пахучей корки, которую только что откусил и начал медленно разжёвывать. Он перестал ощущать назойливый и сладковатый запах рыбы, только под ногами внизу пятном на белом снегу чернел мешок. На глаза и плечи опустилась усталость, тяжёлая, и придавила его к ледяному сиденью; ноги рядом с мешком потеплели.

Он сидел в полудрёме-полуяви, и вдруг ему послышался где-то далеко за спиной, за торосами, как будто бы звон поддужного колокольчика, именно поддужного, он не мог ошибиться, он даже открыл глаза. Так могут звенеть колокольцы только под дугой больших саней, запряжённых одним коренным и двумя пристяжными. Александр Петрович удивился, откуда сейчас может появиться тройка, да ещё с колокольцем.

Он огляделся: он сидел на льду реки – тогда чему тут удивляться? Вот река за спиной, та самая. Сейчас как раз Крещение! Как тут не быть тройкам? Он всё яснее слышал колокольчик и приближающийся перестук копыт по льду. Всё правильно! Всегда так было – на Сунгари пробивали большую иордань на Крещение, и половина Харбина стекалась на водосвятие, воду набирали в серебряную посуду и несли домой, и пробивали ещё одну, и самые смелые окунались и даже плавали в ней.

Колокольчик приближался, Александр Петрович дождался оторванный им от большой свежей краюхи кусок хлеба и оторвал следующий.

«М-м-м! Как хорошо!»

Хлеб был тёплый и согревал пальцы.

«А где Анна? Почему её здесь нет? – Он снова оглянулся. – Понятно, она никогда не любила ходить зимой на реку. Она сейчас в костёле! Да, да! Конечно! А где же ей ещё быть? Надо идти к ней. Сейчас, только наберу воды!» Он наклонился к чёрно-белому краю зачерпнуть серебряное ведёрко. Анна стояла рядом и придерживала его рукой за плечо шинели, чтобы он не упал в прорубь.

– Аннушка! Ну что ты, я же не упаду!

– На всякий случай! – сказала Анна. – Я всё же подержу тебя!

Адельберг не дотягивался вниз, к воде, поэтому встал на колени, одной рукой оперся на край иордани, другую занёс с ведерком, и ему показалось, что воды очень много и он не на коленях стоит на льду, а посреди воды, вода была вокруг него... кругом...

Он соскользнул с тороса и боком упал на лёд.

Кешка сидел на лавке в ногах у подогнувшего колени недовольного Петровича и с хрустом грыз омулёвую голову. Из-за стены было слышно, как в дозоре топчется Серёга, он нарочито громко скрипел снегом и слишком далеко от дверей не отходил. Мишка взял чайник с кипятком, посмотрел на сидор, подумал немного, подхватил его свободной рукой на плечо и вышел наружу. Как только Мишка вышел из дровяника, Серёга тут же шмыгнул мимо него внутрь.

Мишка оглянулся на парнишку, хмыкнул, подошёл к кошёвке, вытянул за веревочную петлю деревянное ведёрко, зажёб им снега и вылил туда кипяток, ведро поставил лошади под морду, сидор с патронами спрятал под мешки, огляделся по сторонам, потом набрал в чайник снега и вернулся в дровяник.

– Ну что, Кешка? Домой али здесь останисся, глядишь, на какую должность определят, а? А то айда на Байкал-море!

– Байкал-море никуда от мене не уйдёт! Останусь пока, дале видно будет!

– Бабе как обсказать?

– Обскажи, што видал, што живой-здоровый, к весне буду.

– Ладно! А ты, Серёга, – обратился он к пареньку, – на том берегу ежели будишь, в Мысовой, к примеру, спроси, где найти Мишку Гурана, каждый скажет и дорогу укажет. Вёрст пятнадцать по тайге, а где под сопкой Мантуриха с Мал-Мантурихой стекаются, там моё зимовье. Разнотравья да ягоды на зиму насобираешь, и чай не спонадобится. Запомнил?

Серёга, не выпуская из ладоней тёплую кружку с отваром, радостно кивнул:

– Спасибочки, дядь Миш, с делами управимся и напрямиком к вам. По теплу, с дядь Кешей.

Мишка глянул на него и с сожалением покачал головой:

– Дела-дела! Эхма! – Он махнул рукой. – Ладно, слово за слово, а внушки ждут! Прощайте!

Он вышел, поднял пустое ведро, шлёпнул лошадь и взялся за вожжи.

– Пошла, што ль!

Метель утихла, солнце слепило, и Мишка надвинул шапку на самые брови и подумал: «Жисть они нову будут строить! А чем стара была плоха, или я не понимаю чево, в своей тайге?»

Дорога шла вдоль правого берега Ангары, ещё несколько вёрст, и от южной стрелки Конного острова она упрётся в широкий зимник на Байкал, к ночи можно будет добежать до Листвянки, переночевать и с утра – на лёд.

– Тпр-р-р! Стой!

Он отъехал от дровяника несколько десятков сажений, соскочил с кошевы, поднял пару мешков, достал из-под них огромный тулуп с высоким, стоячим воротником, надел его, уселся и шлёпнул поводьями:

– Н-н-у-у! Давай, родимый!

День обещал быть солнечным и тихим, только понизу узкими хвостами улетающей метели ещё мёл встречный ветер, он нёс по чистому льду змеиные струи снега и задувал их под торосы. Маштачок отмахивался от ветра мордой, шёл сам собой, не медленно и не быстро; за три года своей жизни он накрепко запомнил эту дорогу и, не понужаемый, мог довести до самой Мысовой на том берегу Байкала.

Мишка только было смежил веки задремать, как вдруг от сильного толчка очнулся и по привычке натянул вожжи:

– Тпр-р-р! Чёрт! Чё там такое?

Сани поддали маштака под задние ноги.

– Тпр-р-р! Чево встал?

Маштак стоял на краю большой, уже начавшей схватываться, проруби и хватал губами колотый, примёрзший лёд.

– Не напился, чертяка! Ну давай! – Мишка стряхнул сон, соскочил, достал берданку и пару раз ударил прикладом у самого края проруби по льду, ангарская вода вышла наружу. – Пей, чево с тобой поделаешь! Видать, тёплая не пошла!

Пока лошадь пила, Мишка обошёл прорубь, похоже ту самую, выдолбленную Кешкой: «Майна как майна, чё не рыбачить?»

– Ну чё? Напился? Айда домой!

Он снова укутался в тулуп и махнул вожжами. Умный маштачок сдал несколько шагов назад, объехал майну и уверенно потащил к зимнику. Мишка даже не заметил этого; он сидел и думал, «каку чечу кому подарить», – для младшенькой он выменял у городской барыни целую жменю разноцветных стеклянных шариков: «На кой ляд им энти шарики, кака от их польза, одна только забава»; для средней за «цельный омулёвый хвост» надыбал обтрепанный букварь с картинками: «Нехай в буквицы пальцем тычет!»; старшей достались длинные бусы и зеркальце в бронзовом окладе с ручкой из красного дерева: «Девка, чай, скоро на выданье!» Дочери за мешок рыбы выменял швейную машинку и пару штук хорошей мануфактуры: «Эк,

ладно! Бравый купчишка попался!» – но самой большой удачей был сидор с патронами, как раз к карабину, подобранному им на обочине. Было ещё немало полезного, чего он наменял, у кого за хлеб, у кого за медвежий жир, у кого за рыбу, даром досталась только сабелька: «На кой она мне? А нехай валяется, авось к чему приспособлю!»

За этими мыслями после нескольких бессонных суток он начал клевать носом и слышал только, как тукали лошадиные копыта по льду. Вдруг сквозь сон чутким охотничьим ухом он стал различать дальнейшее позванивание колокольца. Он мысленно отмахнулся и попытался снова задремать, но ясный звон поддужного колокольчика мешал, как будто по льду где-то далеко бежала почтовая эстафета.

«Не-е, чё мне мерещится? Стафеты не бегают уж сколь годов, как железку построили! – подумал он, но звон колокольчика слышался настойчиво. – Чур меня! Нету здесь никаких почтарей! А ну-ка я!.. – И, не открывая глаз, он полез рукой под сено в головах кошевы и вытащил старую латунную фляжку. – Ща глотну, и всё...» Он открыл глаза, чтобы вынуть из фляжки деревянную затычку, и звон колокольца смолк. Мишка укоризненно мотнул головой и вздохнул, он вспомнил, что давно ничего не ел, уже больше суток, подумал, что у него есть рыба и хлеб, и посмотрел на солнце: «Дело-то к межени, с голодухи, што ли, мерещится? Правду бают, что голод не тётка! Тпр-р-р!!! – Он остановил сани, разобрал поклажу и заодно зарядил карабин. – Надо бы кипяточку, дак ведь дрова!..» Он огляделся, до ближнего берега Ангары было уже далековато, подъехать бы туда на санях, но чем ближе к берегу, тем больше торосов, а между ними сани не пройдут.

– Чай, не барин, и пешком доберёсси!

По привычке к таёжному одиночеству Мишка разговаривал в голос, «чтобы от человеческого на звериное не привыкнуть!», он заткнул за пояс топор, за плечо закинул карабин и пошёл к берегу.

– Эхма! Кабы денег тьма, купил бы девок деревеньку! И всех жалел бы помаленьку! – Громко, стараясь попасть в шаг, он распевал частушку, которую услышал несколько дней назад, когда на привале грелся у костра среди белых.

– Ма! Тьма! Девки! Деньги! Так они таку власть-та защищают? – Эту же самую частушку он раньше слышал среди красных. – А те? Таку хотят завоевать? Тьфу, гадство!

Под пимами громко скрипел снег, большие и малые ледяные глыбы, смёрзшиеся во время ледостава, были похожи на осыпи таёжных валунов, скатывавшихся по распадам между сопками, громадные, иногда в человеческий рост; Мишка обходил их и, хотя и привычный, вспотел, в ушах застучало, и заухала кровь в висках.

«А можа, это и был колоколец?!» – подумал он и вдруг рядом с собой ясно услышал:

– Анна! Ну что ты, я же не упаду!

От неожиданности Мишка отпрянул и чуть не хлопнулся задом на лёд.

«Чур меня, чур! Опять чудится!» Он сдвинул шапку, потом снял её и вытер вспотевший лоб, ладони в варёгах тоже вспотели, он сбросил их под ноги и сдернул с плеча карабин.

– Анна! Ну что ты!.. – снова услышал он.

«То колоколец, то Анна, а ведь уж каки сутки в рот не брал...»

– Аннушка! Ну что!..

«Заступница! Царица Небесная! Кто ж энто меня морочит?» Мишкины ноги дёрнулись было обратно к саням, но он пересилил себя и стал прислушиваться. Из-за торосов, от берега, снова послышался внятный человеческий голос, который снова позвал Анну.

Мишка мелко и часто закрестился: «Уйтить, што ли, от греха подальше, не искушать судьбу? А вдруг он приманивает, а сам в проруби-та поджидает? Будит тады и «ма», и «тьма»!» Он сплюнул и, прячась, пошёл туда, откуда, как ему показалось, доносился голос.

Место оказалось совсем близко, всего лишь в нескольких шагах. Как ни страшно было, Мишка заглянул поверх льдин и увидел, что под одной из них что-то чернело: на льду навзничь

лежал человек, он откинул одну руку и, опираясь на локоть другой, пытался встать; несколько мгновений Мишка медлил, потом понял, что человек хочет подняться, но не может.

«Раз лежит на спине, значит, можно без опаски!» Он подошёл и сразу узнал своего недавнего попутчика. Мишка мигом прикинул место, где он сейчас находится, вспомнил разговоры в дровянике и, как ему показалось, всё понял: «От, Кешка, сучий потрох! Таки попал!» И он шагнул:

– Петрович! Давай-ка подсоблю тебе!

– Стой, стрелять буду! – неузнаваемым голосом закричал лежавший на согнутом локте Адельберг.

– Стреляй, стреляй! Из пальца, што ли, стрелять будишь?

Мишка подхватил Александра Петровича под мышки и подтащил спиной к торосу.

– Ща, погодь, окажу тебе первую милосердную помощь! Как ты, ваше благородие, тута оказался?

«Вот тебе и «ма»! Широка страна Сибирь, дивна просторами, а дорога – одна-едина!»

Лицо Александра Петровича было малиновое, со лба и по вискам тёк пот, Мишка прихватил снегу и обтёр его.

– Эк тебя угораздило! Лихоманка али тиф?

На Мишку смотрели горящие, бессмысленные глаза.

– Вот! Анна! Ты и пришла!

– Анна! Анна! Пришла, а то как же! – Мишка распрямился и огляделся: до прибрежных кустов было недалеко. – Всё одно хворосту надо наломать!

Он оставил Адельберга и пошёл к берегу.

Александр Петрович, привязанный верёвками к саням, уложенный на сено и мешки и прикрытый всем, что Мишка мог извлечь из своей поклажи, звал людей, имена которых Мишке были неизвестны, и метался, пугая лошадь. Единственное, что понял Мишка, – это то, что жену Александра Петровича звали Анной.

Он правил по ангарскому зимнику на юго-восток к Байкалу; солнце, ещё несколько часов назад ощутимо припекавшее, к вечеру стало только светить; мороз усилился, и Мишка стал подумывать о том, что надо бы остановиться на ночлег в какой-нибудь деревне на берегу Ангары. Они проехали Бурдугуз, там у него жили несколько знакомцев, но он всё же не остановился, оставалось ещё несколько часов светлого времени, и он решил ехать дальше, к Байкалу. По дороге слышал стрельбу: два или три выстрела, но в морозном воздухе звук растекался низко, и он не понял, это было сзади от Иркутска или спереди от Байкала. Потом, уже в сумерках, когда проехали небольшой остров, он увидел там «лёжки»: «Похоже, отсюда и стреляли! Кешкины сукины дети, што ли?»

Вдруг из-за спины послышался ясный голос:

– Ты кто? Куда везёшь?

Мишка даже вздрогнул, Александр Петрович был до этого в забытии, и Мишка уже начал беспокоиться, жив ли.

«Ну, слава тебе, господи! Живой!»

– Ты, ваше благородие, не голоси пока што! Тебе силы надоть беречь!

Он соскочил с саней, достал фляжку и вытащил из неё деревянную затычку:

– Дай-ка я тебя попользую! Со снежком будишь, с рыбкой али так, лекарственно? – Он оказался по правую руку от Александра Петровича, она была прихвачена верёвочной петлёй, накинутой поверх рукава бекеши, чтобы не поранить кожу, и привязана к борту. Адельберг пытался поднять её, как бы целясь в Мишку, как во врага. – Давай, Петрович, давай, только не промахнись! А я вот спиртцу тебе! – Он поднёс горлышко к губам Александра Петровича, тот вонзил в Мишку пронзительный взгляд, и спирт потёк по плотно сжатым губам. – Ах ты, беда

какая! Да ты глотни малость, всё с нутра согреишься, его и так немного, всего-то полведра, а ты по бороде пускаешь.

Спирт обжёт сухие губы, Александр Петрович мотнул головой и попытался их облизать, в этот момент Мишка влил порядочный глоток, Александр Петрович проглотил спирт, его глаза округлились, Мишка плотно зажал ему рот рукой, Александр Петрович всосал носом воздух, стал выдыхать, и в этот момент Мишка положил ему на губы снег.

– Ну вот, ваше благородие! И никаких опохмелиев не буить!

Адельберг пожевал губами и закрыл глаза, спирт подействовал, и до самой темноты Мишка ехал не тревожась.

Зимник круто забирался на левый берег Ангары под самые железнодорожные пути, по которым сплошной вереницей катились эшелоны с чехами. Мишка дал маштаку пару хороших кнутов, лошадка взялась, натянула постромки и бодро потащила сани наверх. Впереди, верстах в двух за выступавшим из правого берега и закрывавшим полреки мысом, в темноте вдруг открылось множество огней.

– Мать честная! – выдохнул он.

Было тихо, ниоткуда не слышалось стрельбы, и он догадался, что это, наверное, та самая армия, которая отступала на Байкал, и, скорее всего, тот самый обоз, из которого он совсем недавно вырвался и теперь снова догнал.

– Тпр-р-р!

– Что там, Михаил? – послышался слабый голос Александра Петровича.

– Очнулись, ваше благородие? – Мишка не удивился, он знал, что так бывает, когда объятые «огневицей» больные ненадолго приходят в себя.

– Это тама ваши лагерем стоят, я так мыслю! Боле некому.

– Давай к ним!

– А куда же ещё? Тока к ним. Тебя тамо-ка признают, Петрович?

– Надеюсь, – тихо промолвил Александр Петрович. – Дай снегу, я не дотянусь.

Последние две версты дорога шла то зимником, то берегом, Гуран шёл мерно, не понужаемый, не дергая и не толкая саней, и, если бы не огни впереди, Мишка давно бы уже заснул.

Глава 7

9 февраля 1920 года, ближе к ночи, в десяти – двенадцати верстах юго-восточнее Иркутска из тайги на ангарский лёд вышли остатки колчаковских армий.

Командиры колонн разрешили людям короткий отдых, чтобы завтра, к утру 10 февраля, сосредоточиться у истока Ангары около деревни Лиственничной, пройти от неё вдоль западного берега Байкала сорок вёрст на север до мыса Голоустный, последним рывком в шестьдесят вёрст пересечь Байкал по льду и добраться до восточного берега до станции Мысовая.

Колонны и тянувшийся за ними обоз шли на голодных, измотанных лошадях. Дивизии, сократившиеся по своему составу до полков, а полки до батальонов и рот, почти не имели припасов и фуража: на солдата и офицера приходилось по фунту сухарей и по десятку патронов. Шедшая в арьергарде Боткинская дивизия генерала Молчанова сохранила несколько оружий, которые в разобранном виде перемещались санным ходом. Люди были раздеты, разуты и голодны. Больных тифом, привязанных ремнями и верёвками к саням, и раненых не бросали и везли с собой.

За два дня до этого, 7 февраля, остатки 2-й армии генерала Вержбицкого и 3-й армии генерала Сахарова под общим руководством генерала Войцеховского, который принял командование вместо умершего 26 января от гангрены и крупозного воспаления лёгких генерала Каппеля, стояли в нескольких верстах от Иркутска, на станции Иннокентьевская, и были готовы атаковать город. Если бы они продвинулись немного южнее, на высоты Глазковского

предместья, их позиция была бы господствующей и взять наполненный припасами Иркутск, который обороняли неопытные рабочие дружины и немногочисленные отряды красногвардейцев, им, скорее всего, удалось бы. План наступления был готов, но пришло известие о том, что эсеровский Политсовет, на самом деле подконтрольный большевикам, за несколько часов до этого в устье впадавшей на северной окраине города реки Ушаковки расстрелял на краю проруби Верховного правителя России адмирала Колчака и вместе с ним премьер-министра Омского правительства Пепеляева. Сразу пришло ещё одно известие от руководства Чехословацкого легиона: они предупредили, что в случае атаки белых на Иркутск они вмешаются в дело на стороне красных.

Белым генералам это было непонятно и до ужаса обидно, потому что несколькими годами раньше всё с них, с чехов, и началось, и даже ещё раньше, задолго до этого.

В августе 1914 года, когда началась мировая война, солдаты и офицеры австро-венгерской императорской армии: чехи, словаки, сербы, поляки – стали сдаваться в плен к русским; в одиночку, группами, ротами и батальонами, добровольно. К 1917 году их, пленных, набралось более пятидесяти тысяч; из них составили легион и расквартировали в Малороссии, под Киевом, а союзное командование Антанты с согласия русского царя стало считать их своим резервом и намеревалось перебросить через Владивосток во Францию, тем самым усилив французскую армию и весь Западный фронт.

Однако 2 марта 1917 года, после Февральской революции, русский царь отрёкся от престола. Образовавшееся Временное правительство обещало союзникам исполнить союзнический долг и «довести войну с Германией до победного конца». Но оно не смогло удержать своих солдат на фронте, и начиная с мая того же года полки и дивизии стали самовольно сниматься с позиций и разбегаться по домам, чтобы продолжить революцию. С этого момента русской армии и Восточного фронта больше не существовало.

Перемены в России сильно изменили всю конфигурацию мировой войны.

После большевистского Октябрьского переворота крушение победных планов Антанты стало почти реальностью, и оно стало очевидной реальностью после того, как Ленин и Троцкий подписали с Германией Брестский мирный договор.

Французы и англичане почувствовали это довольно скоро, как только германский главнокомандующий генерал Людендорф перекинул освободившиеся войска из России на запад и 21 марта 1918 года начал наступление под Соммой. Уже через несколько дней, 4 апреля, немецкая 18-я армия вышла на стык французов и англичан у Ангара и была остановлена только ценой их огромных усилий и потерь всего лишь в нескольких милях от Парижа.

Антанта серьёзно испугалась образовавшегося перевеса немцев и попыталась договориться с большевиками о восстановлении Восточного фронта, но те уже объявили программу своего нового государства, Страны Советов, и самым значимым на тот момент было их требование «прекратить войну без аннексий и контрибуций». Премьер-министрам Франции и Англии стало понятно, что они не могут ждать, пока Ленин и Троцкий со своими большевиками самоликвидируются, или когда их режим сойдёт на нет, или когда их кто-то победит.

И союзники вспомнили о своих резервах.

К весне 1918 года Чехословацкий легион под давлением занявших Украину немцев отошёл в район Поволжья и Приуралья. На красных в это время с юга – с Дона и Кубани – наседали Добровольческая армия Деникина, и довольно скверно складывалась обстановка на севере – под Мурманском и Архангельском, где против большевиков дрался генерал Миллер. В Эстонии шевелился Юденич, и кольцо вокруг большевиков должно было сомкнуться вот-вот! Не хватало всего лишь нескольких усилий.

И союзники сделали ставку.

По их планам легион должен был соединиться с Миллером и англичанами на севере, с Деникиным на юге, и они должны были осуществить это «вот-вот», то есть сомкнуть кольцо

вокруг Москвы, уничтожить большевиков, восстановить старую власть и Западный фронт и тем самым помочь разбить немца.

Это был план!

И как будто его кто-то в нужный момент подтолкнул.

Во вторник, 14 мая 1918 года, в Челябинске военнопленный венгр, перемещавшийся вместе со своими на запад к красным, проломил ломом голову военнопленному чеху, двигавшемуся вместе со своими на восток. Ненависть, которая накопилась у чехов к мадьярам, прорвалась. Чехи были жестоки, и после расправы с мадьярами они заняли центр Челябинска. Заодно разобрались и с местным Советом.

Большевики обиделись. 21 мая Лев Троцкий приказал арестовать в Москве руководителей Чехословацкого национального совета, а легион разоружить. Чехи разоружаться отказались. В ответ на это последовала телеграмма Троцкого:

«Всем Советам!

Настоящим приказывается незамедлительно разоружать чехословаков. Каждого вооружённого чехословака, обнаруженного вдоль железной дороги, следует расстреливать на месте; каждый воинский эшелон с обнаруженным в нём хотя бы одним вооружённым человеком подлежит выгрузке, а находящиеся в нём солдаты – интернированию в лагерь военнопленных. Военкомы на местах обязаны незамедлительно выполнить данный приказ; каждая задержка будет считаться изменой, приводящей виновника к суровому наказанию».

В свою очередь на эту телеграмму обиделись чехи и везде, где они находились, повернули штыки против красных: 26 мая, в субботу, они разоружили большевиков в Пензе; после Челябинска захватили Новониколаевск; в начале июня – Омск и Томск и отрезали голодную Москву от хлебной Сибири.

Но в один, казалось бы самый неподходящий, момент странным образом между союзниками возникли противоречия: французам хотелось, чтобы чехи плыли во Францию, а англичанам, интересы которых в России очень страдали, напротив, захотелось, чтобы чехи остались там, где они были. Вопрос решили сами чехи – они стремились домой, чтобы заняться обустройством своей маленькой красивой родины, поэтому легион из всех мест своей дислокации начал стягиваться к Сибирской железной дороге и двигаться во Владивосток – перспектива погибнуть на просторах обезумевшей Российской империи им не улыбалась. 7–8 июня вышедший из Пензы арьергард легиона под командованием полковника Чечека достиг Самары, молниеносно захватил её, разогнал красногвардейцев и расстрелял пятьдесят бывших венгерских военнопленных, вступивших добровольцами в большевистские интербригады, и власть в городе перешла к эсерам, тут же образовавшим своё правительство под названием КОМУЧ – Комитет членов Учредительного собрания, разогнанного Лениным ещё 19 января 1918 года.

18 июня 1918 года чехи заняли Красноярск.

5 июля – Уфу.

11 июля в Симбирске против большевиков восстал красный командир эсер Муравьёв.

2 августа англичане и американцы высадились в Архангельске.

7 августа чехами и белыми была занята Казань и отбит вывезенный из Петрограда подальше от немцев царский золотой запас.

8 августа против красных поднялись ижевские и, чуть позже, воткинские рабочие.

30 августа эсеры чуть не застрелили Ленина и застрелили Урицкого.

13 октября в Омск прибыл адмирал Колчак.

К этому времени, правда, большевики уже приступили к созданию своей регулярной Красной армии и начали одерживать на востоке первые победы: 10 сентября они отбили Казань и через пару дней взяли Симбирск...

И кольцо не сомкнулось.

А план был!

Была, правда, и другая причина, по которой кольцо не сомкнулось. Но она была внутренняя, чисто российская – своя.

Ещё до революции сибирские хлебопромышленники, кооператоры и другой имущий народ захотели отделиться от России и образовать в Сибири свою автономию. После революции они стали люто ненавидеть эсеров, они считали их, и вполне оправданно, авторами этой самой революции и поэтому, имея двадцатитысячную армию, не захотели помогать белым фронтам эсеровского самарского КОМУЧа на Волге и в Приуралье. В конце восемнадцатого года и в начале девятнадцатого те стали терпеть одно поражение за другим и откатываться на восток.

Красные начали разжимать кольцо, белые продолжали спорить между собой и отступали, а чехи, полностью оседлав железную дорогу, двигались к Тихому океану.

14 октября 1919 года красные вошли в столицу Сибири – Омск, оставленную без боя её главнокомандующим генералом Сахаровым, правительством и самим Верховным правителем России Колчаком.

С этого и началось.

Большая страна Россия, а путь за Уралом оказался один. Войска белых генералов Каппеля, Сахарова, Молчанова, Бангерского, Вержбицкого, Войцеховского, Пепеляева, битые красными, стали уходить на восток; они вытянулись по старинному Сибирскому тракту вдоль железной дороги и отступали, оставляя один рубеж за другим, бросая пушки и сдавая Ново-николаевск, Томск, Красноярск; а в Нижнеудинске чехи забрали у них и отдали большевикам даже самого Верховного правителя России – Колчака.

В ночь с 9 на 10 февраля 1920 года терпевшие поражение белые войска вышли на Ангару между городом Иркутском и озером Байкал.

Командиры колонн разрешили непродолжительный отдых.

Войска и обоз старались подойти ближе к берегу, чтобы запастись дровами и разложить костры. Люди замёрзли и были голодны; многие были истощены так, что не могли этого сделать сами, и тогда те, у кого ещё были силы, стали помогать соседям, и ночная Ангара ближе к правому берегу осветилась огнями множества костров.

Глава 8

– Мать честная! – выдохнул Мишка.

– Что там, Михаил? – послышался слабый голос Александра Петровича.

– Очнулись, ваше благородие? Это тама ваши лагерем стоят, я так мыслю! Боле некому.

– Давай к ним!

– А куда же ещё, тока к ним! Тебя тама-ка признают, Петрович?

– Надеюсь, – тихо промолвил Александр Петрович. – Дай снегу, я не дотянусь.

– Снегу-то, эт можно!

Мишка не понукал лошадь, она и так шла, слава тебе господи, и думал: «А ну-ка, ежели я встану там, чё будит? Их благородие снова впадут в беспамятство, а в энтой темени признает его хто аль нет?»

– Петрович! А Петрович?! – позвал он через плечо.

Александр Петрович молчал.

«Ну вот, чё я говорил!»

Огни приближались, он думал, вставать на отдых или нет, и решил, что «пока што» проедет мимо лагеря, а если и встанет, то на том конце, на дальнем, там, где стоят самые ближние к Байкалу: «Первыми тронемся к морю-батюшке, первыми на нём и будим, а тама поглядим – Баргузин подует али Сарма! А ежели признают! Мне от энтого кака польза? А никакой! Хорошо, ежели спасибо скажут! А ишо ково подложат, хворого, али своими голодными носами

учуют чево!..» Гуран шёл прямо на костры, и Мишка машинально стал натягивать вожжи: «... Рыбы-т не жалко, вона её подо льдом, немерено! Да только разворошат всю поклажу, собирай потом». Мысль о том, как поступить, когда он подъедет к лагерю, как быть с пассажиром, которого Бог послал ему дважды – зачем-то же Он это сделал, – застряла в голове: «И отпускал я уже их благородие, так сам на дороге попался! Кто ж его под ноги... подкладывал, што ли?..»

Костры приближались, уже стали различимыми отдельные фигуры, передвигающиеся по льду, и Мишка стал забирать правее: «...Ставят караулы, не ставят? Щас бы сюды Кешкину артиллерию!.. Типун тебе на язык!»

От сияния костров ночь казалась необыкновенно тёмной. Рассыпанные по небу звёзды светили как бы ввысь сами себе, ничего не освещая на земле, и тем самым только оттеняли бархатную черноту.

«А можа, сдать его с рук да не брать греха на душу, а то ишо не довезу?» Мишка поддёргивал Гурана правой вожжой, но тот упрямо забирал левее к кострам, к теплу и постою. «Ладно! – Он наконец решил. – Доберёмся до Листвянки, дождём утра, а там видно будит!» Мишка совсем отпустил левую вожжу и хлестанул маштака кнутом.

Утром 10 февраля передовая Ижевская дивизия вышла у Лиственничной на лёд Байкала. В голове дивизионной колонны образовался небольшой эскорт, в котором ехали сани с простым гробом, в нём лежало замороженное тело генерала Каппеля.

Мишка старался держаться неподалеку. Перед тем как выдвигаться, он накормил горячим ненадолго пришедшего в себя Александра Петровича, дал ему выпить спирту, и тот уснул, Мишке так показалось проще. Лежащий в санях, заваленный сверху взятыми у Кешкиной жены одеялами, заросший густой щетиной, Адельберг стал неузнаваемым для всех, кому мог быть знаком в колонне, и, если кто-то из воинских начальников спросил бы «Кого везешь?», Мишка мог бы ответить в зависимости от обстоятельств.

Авангардная колонна тронулась из Лиственничной. Мороз, доходивший утром до тридцати градусов, стал смягчаться, но поднялся сильный низовой ветер. Лошади, голодные и иззябшие, из последних сил тянули сани, на которых сидели и лежали по несколько человек, и с трудом преодолевали версту за верстой.

Под ними был полуторасаженный, прозрачный, как стекло, лёд, над которым летел, скользя и не задерживаясь, снег. Ветер дул ровный и сильный, он выдувал не поставленных за зимние подковы и вообще давно не кованных ослабевших лошадей вместе с санями, и тогда люди бросались на помощь, но лошади ложились на лёд и уже не поднимались, и тогда их бросали – и их, и сани. Из унесённых ветром саней Мишка взял в свои ещё двоих человек, таких же больных, как Александр Петрович. Низкорослый лохматый Гуран клёкал широкими копытами по льду и косил то левым, то правым глазом на своих исхудавших, еле-еле поднимавших копыта товарищей, которые совсем недавно, но, казалось, уже в другой жизни, были статными строевыми красавцами.

От Лиственничной колонна вытянулась чёрной длинной нитью с юга на север до мыса Голоустный, от Голоустного она повернула направо, пересекла озеро, и к ночи её голова дотянулась до станции Мысовая, оставляя на своём пути чёрные точки брошенных саней и лошадиные трупы.

В Мысовой Мишка заехал к родне, оставил им на подкорм Гурана, запряг его братца, с рук на руки передал докторам привезённых больных и с Александром Петровичем, который весь переход был в беспамятстве, подался в тайгу.

Глава 9

Где-то близко что-то сильно хлопнуло, похожее на выстрел.

Александр Петрович очнулся и закашлялся.

– Чё, Петрович, никак прохватился? Долго-онько же ты...

Дальше слов Александр Петрович не разобрал, не узнал и голоса говорившего человека, хотя тот показался ему знакомым.

– Слышь, Петрович! Дай-ка, што ль, я покормлю тебя?

Кто-то, кто с ним разговаривал, был ему определённо знаком, но он не мог его вспомнить, надо было открыть глаза. «Нет, сначала вспомню...»

– Щас чевой-то принесу... – услышал он снова.

«Кто это? Откуда? Я же только что был с Анной, она была здесь, рядом, ну конечно! Мы сидели за столом, она отпустила повара и вышла... за чем-то. Чей это голос?»

Рядом что-то закрипело, похожее на дверь, и опять хлопнуло, и отчётливо послышалась негромкая речь того же человека:

– Вот погоди, щас только печку раздую, и будет тебе похлёбка, целебная. – Говоривший это чем-то гремел и звенел совсем близко, потом что-то глухо ударилось, похожее на стук полена, упавшего на деревянный пол.

«Если Анна только что была здесь и мы сидели с ней за столом, то почему я... лежу?»

Александр Петровичу показалось, что человек, который с ним разговаривает, находится очень близко, он слышал, как тот ходит, кряхтит, гремит железом и чем-то деревянным стучит. Он начал ощущать тепло, даже немного вспотел лоб, он дрогнул рукою вытереть пот, но рука была тяжёлая. И был запах чего-то кислого и одновременно дыма, похожий на запах выделанной шкуры дикого зверя. Он открыл глаза.

Он действительно лежал на каком-то жёстком помосте или лавке у глухой стены, составленной из положенных друг на друга толстых, едва ошкуренных брёвен, между ними был забит мох и кое-где сивыми бородами свисала пакля. Справа от лежака был узкий проход, отделявший его от обмазанной глиной белёной стены, от которой шло тепло. Александр Петрович лежал под большой шкурой, положенной шерстью вниз, он только что её нащупал потерявшими чувствительность пальцами. Он стал осматриваться.

За белёной стеной, от которой шло тепло, кто-то шумно возился, наверное с печкой и дровами, и разговаривал с ним; проход туда был занавешен большой шкурой бурого цвета.

Он совсем не узнавал этого места. «Анна не могла быть здесь, значит, она мне приснилась!»

– Щас, Петрович, щас, погоди чуток, щас я тебя подкреплю!

Пола шкуры косо отодвинулась, и в комнату, сгорбясь и держа обеими руками грубо сколоченный деревянный табурет, на котором стояла глиняная чашка с торчащей из неё деревянной ложкой, вошёл человек. Он поставил табурет у изголовья и шумно выдохнул:

– Очнулись, слава тебе, Господи! – и перекрестился.

Человек с трудом поворачивался в узком проходе между лежаком и белёной стеной; устроив табурет, он подоткнул укрывавшую Александра Петровича полость и присел. Тут Александр Петрович увидел, что в углу, напротив него, под самым потолком, на полочке-божнице стояла тёмная, почти чёрная икона и лик на ней еле-еле угадывался.

– Святой Пантелеймон, угодник наш. Старая икона, семейная, древлего письма. Вот накормлю тебя и маслица в лампадку подолью, и светлей будит, и ты помолишься. А щас дай-ка я тебя приподыму.

Человек низко наклонился над Александром Петровичем, почти касаясь его лица бородой; от него пахло дымом, звериными шкурами и морозом; он приподнял его за плечи и подбил свёрнутую кулёму в изголовье Александра Петровича.

– Ослаб ты совсем! Как с Байкала-т пришли – так ты три седмицы в себя не приходил. У меня уж и опаска появилась, что помрёшь, – человек встал, поклонился иконе и снова перекрестился, – прости, Господи!

Александр Петрович попытался пошевелить губами, чтобы спросить, где он.

– Ты, Петрович, покаместь молчи, тебе гуторить не надо. Ты покеда в бреду металси, много чево наговорил. Открывай-ка лучше рот.

Александр Петрович попытался открыть рот, но получилось какое-то неуверенное шамканье, губы слиплись, и во всём теле он ощутил слабость. Человек грубыми, шершавыми пальцами оттянул за подбородок его нижнюю челюсть и между разлипшими-ся губами влил из ложки тёплую вязкую жидкость.

– Ты только глотай, не выплевывай.

Александр Петрович с трудом продавил глоток.

– Скуса оно, конечно, в энтот пойле нету никакова, а пользы-та – куцы с добром, – энтотолченый овёс на медвежьём жиру. Ты не жуй, не жуй – так глотай. А я поведаю тебе... да ты, видать, и не признал меня! Мишка я, гуран! Припамятовал, поди?

Александр Петрович продавил второй глоток. В сумерках полутёмной комнаты над ним нависал огромных размеров мужик, под самые глаза заросший чёрной бородой.

– Не вспомнил?!

Александр Петрович отрицательно повёл головой.

– Ну ин ничево! Ещё вспомнишь, вот я поведаю тебе – так ты и вспомнишь. На станции мы с тобой повстречались, за Зимой, посла как чехи тебя и тваво ахвицерику арестовали. Ты ишо шалон с золотишком провожал. Вспомнил? Шинелишка на тебе бравая была. Так я тебя на свои сани посадил. Ну, не вспомнил? А и нет, так не беда!

Александр Петрович смотрел на мужика, назвавшегося Мишкой.

«Анны здесь нет! Золотишко? О чём это он?»

– ...Покеда ты в бреду лежал, так всё распетрошил: и про службу свою и про жёнку, Анкой кличут! Так? Тока отчества я еёшного не разобрал, Савельевна, што ли?

– Кса...

– Молчи, молчи! Энтот сейчас не ко времени, посла побалакаем. Так вот! От энтотой станции мы с тобой много вёрст в моей кошёвке пробежали, в обозе. А потом я ссадил тебя, перед самым Иркутском, а то не прошли бы мы с тобой через красные кордоны. Ты потом с чехами, видать, маленько проехал, а потом на льду я тебя нашёл, уж за Иркутском. Хворого! Не вспомнил?

Говоря это, Мишка ложку за ложкой подносил к открытому рту Александра Петровича; сначала глотать было больно и мучительно, и ложки после десятой Александр Петрович закрыл глаза.

– Ну засни! Таперя опасаться неча, раз уж в себе пришёл. Спасибо святому Пантелеймону-врачевателю! – И Мишка снова перекрестился на образ. – А ты пока засыпайшь, я тебе и поведаю. Глядишь, и припомнишь чего!

Александр Петрович почувствовал, как он начал куда-то проваливаться, куда-то глубоко; Мишка то растворялся и терял очертания, то появлялся и говорил не умолкая; он узнал этот голос и вспомнил, кто такой Мишка; а иногда ему казалось, что на его месте сидит только чья-то тень; он силился снова увидеть Анну, и в это время слышал урывками:

– ...перед тем как тебя на льду увидать, с Кешкой я постречалси, энтим... он от вас оборонь держал... и ещё таких же, как он, два варнака с винторезами...

Александр Петрович увидел, как из темноты на него надвигается Александр Третий, он попытался до него дотронуться, но вместо холодного металла почувствовал тёплую Мишкину посконную рубаху.

– ...а тут слышу, колоколец звенит, ада ли стафета почтовая по льду гонит, дак и не поверил даже...

На санной тройке с колокольцем к нему ехала Анна, к иордани, где он хотел набрать освящённой воды.

– ...ну а дале, тут и ты прохватился, ваше благородие, это уж мы почти што к лагерю подбежали, ты сказал, что домой торопишься, и останавливаться не велел...

«Врёшь! Я сказал: «К ним!» Дальше не помню!...» И он глянул на Мишку через щёлочки глаз.

– ...а тама народищу, всё голодные, холодные, глазища только на лице одне... Сарма дуит, сани с людишками на Байкал уносит, тока все за Каплина-инерала, то есть за домовину его, и цепляются... которые неподалёку от него были, те и выбрались... про других не знаю, они всё позади шли...

– А ты? – Александр Петрович стал понемногу укрепляться в сознании.

– А я, ваше благородие, подумал, што всеми силами не отдадут они его, ежели не бросили и красным не отдали, дак и Байкал-моря не отдадут, и держался воблизь, как мог. Строгий рядом с ним начальник ехал...

– Полковник Вырыпаев? Василий?

– О! Вишь? Ваше благородие, как память тебе овёс толчёный даёт... щас ещё чей-то похлебаем.

Уставший Александр Петрович отрицательно покачал головой, но Мишка его уже не видел и не слышал, взял миску и вышел за занавес.

Александр Петрович начал чувствовать, как к нему понемногу возвращаются силы, напряг руки и вытащил их поверх полости, память тоже возвращалась, иногда он ещё куда-то уплывал, но воспоминания становились всё явственнее, твёрже и начинали срастаться своими окраинами, кроме тех моментов, когда он был в забытьи: как они переправились через Байкал и как он оказался в этой комнате, он вспомнить не смог.

Мишка, снова по-медвежьи сторбатившись, протолкался через занавес, он держал в руках деревянную ступку, из которой поднимался пар, от неё исходил приятный запах.

– Черёмуха! Невестушка наша, таёжная. Из неё отвар. Ты только руками не цапай, в их силы у тебя пока нету, губами, губами прихлебни, края не горячи. Укрепись маленько, а то посла медвежьего жиру я тут с тобою набегаюся. – Он взял ступку в руки и поднёс её к губам Александра Петровича. – У вас такая в столицах, поди, и не растёт?

– Растёт, Михаил, отчего же!

– Ну коли растёт, значит, знать должен, что целебная очень, особливо для кишок. Ты в беспамятстве ел, почитай, с пятого разу на десятый, да и помногу-т нельзя. Тиф тебя заел и грудная огневица. Когда сил прибавится, ты рукою по башке-т проведи! Всего тебя оскоблить пришлось! Так-то!

Александр Петрович попытался поднять руку.

– Не-е, этого щас даже не думай!

Александр Петрович всё же напряг мышцы и подтянул руку к подбородку, дальше сил не хватило.

– Ты, Петрович, видать, интересуешься, где ты оказался?

Александр Петрович кивнул.

– Далече я тебя увёз, далече! – Мишка сказал это как будто даже с сожалением. – Есть у мене интерес к твоей перьсоне, однако нынче не энто важно. – Он помолчал и негромко добавил: – Не довели бы тебя...

Александр Петрович посмотрел на него.

– Твои как до Мысовой добрались, так сразу лагерем стали, их тама японцы дожидали и атаман Семёнов. Не сам, конечно, а энти его...

– Представители!

Мишка даже хлопнул себя по коленям:

– Ах, как шустро ты на поправку-т пошёл! Любо-дорого глядеть! Тока ты не торопись. – Он огладил бороду и продолжал уже не так радостно: – Ну, которые больные были, их по ваго-

нам растолкали и отправили до Читы. Тама дохтора, гошпиталя, одначе по дороге много народу померло, особо тифозные, потому как их сразу в тепло перенесли. Покеда они по морозу ехали, в санях, значит, мороз тиф-то отпугивал, а как в тепло... – Мишка снова поднёс ступку с отваром к губам Александра Петровича. – А я у знакомцев своих тебе отмыл, как хряка палёного оскоблил, спиртом напоил, одёжу твою всю пожёг! Тока бумаги оставил.

Он достал откуда-то кисет, помял его и убрал.

– Здеся ты далека от всех: от Байкала далека, от красных – далека, от всех далека. На заимке моей ты, в тайге. Тута тока буряты промышляют да я! Так-то! Щас я тебе ишо чё при-несу, хлебнёшь, и спать, щас тебе силы надо набираться, а посля нагуторимся. Ты обскажешь мне – чё было, а я тебе – чё будит! Поворотись-ка на бок, я тебя подсушу малость да маслицем спину протру. – Он откинул полость, подхватил Александра Петровича под правый бок и повернул на левый. – Ухватись рукой, тама у щели, у стены и полежи так, а то у тебе вся спина сгорит!

Александр Петрович уже довольно долго лежал на боку, спина была голая, её то грело, то знобило. Мишка пока не шёл.

«...через Байкал меня перевёз, в Читу не отправил... От всех далеко... Это значит, что мы сейчас в глухой тайге... Добрый он мужик, но что-то ему от меня всё же надо! И про золото напомнил!»

Он всё вспомнил, вспомнил, как сопровождал эшелон в три вагона с частью золотого запаса, вспомнил долгие разговоры с солдатами конвоя и с поручиком Сорокиным, вспомнил арест чехами, станционную каталажку, знакомство с Мишкой, Рыбную пристань Иркутска, пулю...

«Пуля! Неужели Мишка её выкинул или обронил, не заметив. Жалко будет! Надо спросить!»

Мишка ввалился в комнату, снова что-то держа в руках, Александр Петрович, лёжа на боку, не разглядел.

– Ну как? Дай-ка!.. – Он провёл шершавыми пальцами по его спине. – Эх, ваше благородие, берёг я тебя, да не уберёг! Не бравая у тебя спина. Полежать бы тебе так с денёк, она бы и подсохла. Я щас маслицем её помажу, а ты постарайся энту ночку поспать вот так на боку или ничком, не укрываясь, тута тепло! А пока оборотись, я тебе дам чего хлебнуть для сна.

Александр Петрович, поддерживаемый Мишкой, лёг на спину – она горела.

– Потерпи, маленько, да вот, глотни. – И он поднёс склянку, наполненную мутноватой жидкостью. – Это травка такая, бурятская. Хлебнёшь, скока сможешь, поверну я тебя, и спи.

– А какой сегодня день?

– Март на дворе, 15-е.

– А время?

– Ночь уже! Спи, Петрович!

Лежать на боку было неудобно, временами он захлёбывался кашлем; настой, которым напоил его Мишка, отдавал горечью; сон то приходил, то уходил, и Александр Петрович будто качался на волнах. Впадая в забытьё, он видел много людей: они на санях и пешком, тяжело и громоздко одетые, в бесформенной обуви непомерных размеров, шли по бесконечному белому льду зажатой вертикальными скалами реки; её берега поросли серыми, как будто бы каменными, засыпанными снегом деревьями; потом людей сдувало ветром, он бежал, но не мог их догнать, и тогда уже какие-то другие люди гнались за ним и возвращали его в череду бредущих по льду; потом эти люди ехали в вагонах, заставленных обыкновенной гостинной мебелью. Среди их бесконечной вереницы появлялся и исчезал маленький мальчик в чёрных лаковых туфельках, матроске и смешной детской бескозырке, задранной на самый затылок; но он не мог разобрать его лица. Иногда ему казалось, что это он сам, в детстве, а иногда что это его

сын. А то он явственно слышал, как за стеной возится Мишка, и он понимал, что это Мишка, потом всё стихало, и он силился перебороть желание повернуться на спину, потому что перевернуться на другой бок сил не было. Под утро он заснул.

– Петрович, а Петрович, просыпайся, день уже, всё счастье своё проспий.

Александр Петрович с трудом открыл глаза. Рядом, будто бы и не было ночи и сна, в тех же сумерках сидел Мишка. На табурете стояла лохань и лежало чистое полотенце.

Александр Петрович пошевелил руками и даже попробовал приподняться.

– На-ка, вот тебе вода ключевая и убрис, обтерись, а я тебе потوماка спину обтеру, – сказал Мишка и вышел.

Александр Петрович почувствовал в себе силу, и ему захотелось, чтобы в комнате было побольше света.

– Михаил! – попросил он. – Можно полость отдёргнуть?

– А как же, ваше благородие, энто с нашим удовольствием. Свет денной – любой твари родной. Так-то!

Мишка встал, снял с деревянных колея медвежью шкуру, и в комнате стало немного светлее.

«Ну что ж, хоть так!»

Александр Петрович смочил полотенце, обтёр им лицо, грудь и почувствовал свежесть. Мишка снова зашёл, повернул его на бок и намазал чем-то пахучим спину.

– Щас вашему благородию завтрак будет.

После завтрака, на который Мишка принёс ту же пресную безвкусную жижу, снова захотелось спать, но Мишка сказал:

– Не-е, Лександра Петрович, щас тебе спать негоже, щас я тебе лечить буду. Видать, огневица твоя грудная не вовсе прошла, ты ночью так кашлем заходил, я думал – захлебнёсси ненароком. Подставь-ка ладонь! – Мишка из-под лежака вытащил глиняный горшочек, снял с него тряпицу и подковырнул заскорузлым чёрным ногтем полупрозрачный янтарный жир. – Да грудь натри.

От жира исходил удушливый запах, Александр Петрович поморщился, но откинул полость и задрал под подбородок рубаху.

– Не морщись и нос не вороти, энто тебе не пирьмидонт с перьмезантом, энто жир барсучий, по-особому приготовленный, втирай-ка вот!

«Пирьмидонт с перьмезантом» рассмешил Александра Петровича, и он закашлялся.

– Да ты не усмехайся, а то вовсе задохнёшься, вон кака кашель тебя бьёт.

Александр Петрович почувствовал, что сил за ночь у него прибавилось.

– Михаил! – спросил он прерывающимся голосом, втирая жирную массу. – Ты говорил, что живёшь в деревне, дочь там у тебя и внучки, что поп ваш к красным убежал... – Александр Петрович оторвал взгляд от груди и посмотрел на Мишку.

– Батюшка! – поправил тот. – Так и правду баешь. – Сидя на табурете, Мишка развёл руками. – Так и есть! И дочка, и внучки...

– А отчего же ты не с ними?

Мишка молчал и поглаживал бороду, когда его ладони доходили до самого низа, он хватывал пальцами конец бороды и слегка дергал её, как бы испытывая, крепко ли она к нему приросла, и смотрел в одну точку. Александр Петрович глядел на него и понимал, что, наверное, сам того не желая, он затронул чувства этого человека, спасшего ему жизнь, но он не просил Мишку его спасать и не просил ни о чём рассказывать. Он потянулся рукою к Мишкиному локтю, тот вздрогнул, огладил колени своими грубыми, как корни старого дерева, руками и внимательно посмотрел на Александра Петровича.

– Отказало! – коротко сказал он и резко ударил себя по коленям. – Отказало мне общество в сожительстве!

– А что так? – Александру Петровичу захотелось что-то выяснить об этом человеке, во власти которого он оказался, хотя каково это будет – лезть к нему в душу. – Но если тебе неудобно, Михаил, ты не говори, это твоё право.

– Отчего же, ваше благородие! Отчего же! – Он ненадолго задумался. – Травники мы. По всей тайге все травы знаем. Ишо дед мой копал, и сушил, и толлок. И всё по добру было! И коренья, и травы, и от зверя чего брали, и желчь, и ишо чего много. Батяка научился у деда, тот у бурятов, а я у батьки, потому святой Пантелеймон и есть наш заступник и учитель!

– И так было много лет?

– Много, ваше благородие, много. Я ж говорю, и дед, и батя...

– Так отчего?..

– Отчего да отчего?..

Александру Петровичу показалось, что в глазах Мишки блеснули слёзы.

– Позвали сход и указали, мол, иди на зимовье... и весь сказ...

Александру Петровичу стало интересно.

– Вот прямо так и указали?

– А как ишо? Прямо так и указали!

– А кто был на сходе главный?

Мишка резко поднялся с табурета и в полшага вышел в соседнюю комнату, там он долго гремел, шуршал, что-то с деревянным стуком падало у него на пол, и вдруг он почти крикнул, только крик получился сиплый, сдавленным горлом.

– Батюшка! – Он откашлянул и тихо добавил: – Батюшка сказывал обществу, что рядом со святой церковью не должно быть знахарей, что с чёртом они водятся! – И опять у него что-то загремело.

Как ни болела у Александра Петровича грудь, он опрокинулся лицом в мягкую кулёму, которая лежала у него под головой, и расхохотался: «Вот так дела! Батюшка выгнал лекаря из деревни, а сам подался к красным! Новомодный какой-то батюшка!»

Александр Петрович заставил себя не смеяться и прислушался – Мишка возился за стеной.

«Слава богу, не услышал!»

– Михаил! – уже успокоившись, вытерев слёзы и отсморкавшись в оставленное хозяином полотенце, позвал он.

– Чё тебе, Петрович?

– А позволь я тебя ещё спрошу?

– Спроси, чё не спросить?

Александру Петровичу показалось, что он услышал в голосе Мишки боль и горечь.

– Михаил, как же так получается? Батюшка тебя выгнал, сам к красным убежал, а что сейчас твоё общество? Не разрешает тебе вернуться? К дочке и внукам – батюшки-то нет!

– Батюшки нет, а общество опасается!

Мишка сказал это и появился на пороге с дымящейся миской в руках, поставил её на табурет, вышел и вернулся со склянкой и двумя дешёвенькими городскими лафитниками мутного стекла.

– На-к вот, шулю похлебай, тута чисто мясо, вода да соль, ну и корешки каки да травки, как без них! Да и... – Мишка хрипнул в кулак, – за оздоровление твоё!

Он перекрестился на образ, поклонился и зашевелил губами, и Александр Петрович услышал в тишине Мишкин шепот:

– Старотерпиче святой и целебниче Пантелеймоне, моли милостиваго Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим.

В комнате пахло варёным мясом и душистыми травами.

Александр Петрович перекрестился одновременно с Мишкой, тот покосился на него и сказал:

– А вроде, Петрович, не по-нашему ты крестись!

Александр Петровичу не хотелось объясняться, он почти перестал чувствовать слабость, тревогу, боль в груди, и только сказал:

– Народы, Михаил, разные, а Бог один, как ни крестись, – и сам удивился тому, что его слова были похожи на речь батюшки из какого-нибудь сельского прихода.

Мишка вздохнул, присел на лежак, подал ложку с парящим бульоном и разлил по лафитникам жидкость оттенка светлой сирени, от которой пахло спиртом.

– Особое снадобье, тоже от бурятов научились – зюбриный зародыш в водке настоящий, много сил даёт.

Александр Петрович с удивлением посмотрел на Мишку.

– Матку быют, када она брюхатая ходит!

Александр Петрович поднял лафитник на просвет, посмотрел на мутную жидкость и принюхался.

– Не нюхай, пей единым духом, да вот медку зачерпни, и я с тобой заодно, покуда пост Великий не начален!

У жидкости был неприятный привкус сырого мяса, мёд быстро его перебил, и в груди стало тепло.

– Свой мёд?

– А чей? Бона весь омшаник бортью забит, под самый охлу-пень. – Мишка собрал всё на табурет и тяжело вздохнул. – Ты спрашиваешь! Да разве б я ушёл, от своих-то? Деревня у нас больно хороша, в сколькй верстах всего-то от Байкала-батюшки, и река, и тайга. Да только общество мне отказало в сожительстве. Потому я здесь и обретаюсь, а дочь и внучки тама остались, чего имя в тайге делать? – Он помолчал. – Я их проведаль уже и гостинцев свёз, были очень даже радые. Када снегом тропки не заваливает, наезжаю к ним, кабана привезу али сохатины, снадобий каких, а у них хлебушкой раздобудусь. Так и живём. – Он тоже выпил и зачерпнул мёду. – А ить, Петрович! Мужики-то у нас, даже те, хто с германской повертались, и не белые и не красные... один только ирод нашёлся...

– Батюшка?

– Дак какой он таперя батюшка? Так, прозвание одно. А мужики все при хозяйстве, зверя быют, рыбу ловят, лес валят, мёд качают, на лужках да на таёжных полянах сено косят, скотина опять же! Сытно живут. Тока работай, горя знать не будишь. Не то что ваши, российские, голь перекатная...

– Помню, Михаил! Ты мне рассказывал, как у вас егерь гостил. – Александр Петрович сел и попытался спустить вниз ноги.

– Дай подсоблю, тока покуль ходить не пытайся, упадёшь ненароком. – Он продолжал: – Живи себе и живи, а тута на тебе, война германская, революция... – Он вздонул. – Чё таперя будит, как жить?

– Получается, что общество совсем с тобой рассталось?

– Не, не рассталось, сюды бегают, када хворь кака приспичит, только тайно. Да как энту тайну сохранишь? Все знают.

– А обратно не зовут!

– Не, не зовут.

– Отчего?

Мишка подбоченился:

– А хто знает, кака власть придёт? А ежели снова энто поп...

– Батюшка! – в шутку поправил Александр Петрович.

Мишка исподлобья посмотрел на него.

– Извини, Михаил!

– ...так я и говорю! А што ежели энтот... батюшка снова в деревню пожалует, да с новой властью в обнимку, об чём тада мужикам кумекать? Поздно будет!

Мишка взялся руками за табурет, намереваясь вынести его из комнаты.

– А новости откуда узнаёшь? – спросил Александр Петрович.

– Када как! – Он поставил табурет и снова присел. – Када сам до станции доеду, за порохом али ишо за чем, када рыбаки с Ангары да с Иркутска придут али охотники из Верхнеудинска. С тобой вона скока вёрст пробежали, опять новости! – Он тяжело поднялся. – А так что ж? Все жить хотят! Так Христос завещал: всем божьим тварям надобно давать жить!

Глава 10

Прошло около двух недель, как Александр Петрович очнулся и обнаружил себя на Мишкином зимовье. Он понемногу поправлялся и уже сам выходил во двор, окреп; его отпустил кашель, только после тифа глаза видели ещё плохо.

Стоял погожий день, солнце поднималось всё выше и томило снег на покато́й крыше омшаника.

«Вот тебе и Сибирь-матушка! Мороз даже днём, и лёд на Байкале в сажень, а голову...» Александр Петрович почувствовал затылком и лопатками, как припекает через толстый мех шапки и кожу́ха. Он воткнул в колоду топор, положил рядом оселок, распрямился, снял с руки суконную варе́гу, заткнул её за пояс и полез под полу кожу́ха за табаком.

Всё это время, пока он выздоравливал, он думал о том, что оказался в тупике, в глухом медвежьём углу, из которого надо было как-то выбираться, и помочь ему в этом мог только Мишка, зачем-то спасший ему жизнь. Мог и помешать.

– Угостишь, Петрович? – услышал он Мишкин голос.

Александр Петрович усмехнулся.

– Почему же не угостить, – крикнул он в ответ, – табак твой! – Он не спеша достал кисет, встал и медленно пошёл к тыну, отделявшему омшаник от огорода и заимки. Мишка тоже бросил свою работу – новую оглоблю, которую тесал топором, и также не спеша двинулся навстречу.

«Сближаемся, как на дуэли, – невольно подумал Александр Петрович, – только команду услышать «Стреляйте!», и будет как Пушкин и Дантес на Чёрной речке».

Пролетавшая высоко над ними чёрная ворона видела, как с двух сторон навстречу друг другу почти с равного расстояния шли два человека, разделённые чёрной линией тына; они шли медленно, отбрасывая на белый снег синие тени. Для дуэлянтов с Чёрной речки они были одеты необычно: в старые лисьи малахаи, овчинные тулупы и подшитые толстые чёрные валенки; у одного и у другого из-за пояса торчало по варёге.

Мишка подошёл к забору первым.

«Его выстрел, – подумал Адельберг. – И я убит!»

– Чур, моя газетка! – сказал Мишка.

«Ну если это и есть цена выстрела!..»

Мишка только вчера вечером вернулся из Мысовой; по дороге треснула одна оглобля на его санях, и сейчас он тесал новую. Он приехал к ночи, сразу повалился спать, и Александр Петрович не узнал никаких новостей, которые Мишка обычно привозил, он только буркнул, что «всё с утрава!».

– Ну вот, Петрович, – сказал Мишка, держа в руке и разглядывая наполовину обтёсанную оглоблю. – Не сердчай, что вчера ничё тебе не сказал, больно уставший был. – Он прислонил

её к тыну. – А новость вот така – видать, хана твоим! Чё дальше делать-то? – то ли сказал, то ли спросил он и обтёр руки о кожих.

Александр Петровичу с самого утра не терпелось узнать, что за новости привёз Мишка, да и сказано было, что «про твоих», однако он его уже хорошо изучил и не торопился: знал, что сибиряки торопливости не уважают. Мишка, до этого молчавший всё утро и, как назло, взявшийся вместо разговора о новостях тесать оглоблю, сейчас неторопливо доставал из-за пазухи сложенную в несколько раз половинку листа, судя по цвету, свежей газеты и стал отрывать от неё четвертушку, её разорвал ещё пополам и залез в поданный Александром Петровичем расшитый бисером кисет, тоже Мишкин, как и табак. Александр Петрович оценил размер оторванной закрутки, понял, что она будет большая, а значит, и разговор, наверное, будет длинный, и краем глаза заметил Мишкин внимательный прищур.

«Ну-ка, ну-ка, – подумал он, – наверное, хочет, чтобы я прочитал этот клочок! Нет уж, не буду я при тебе устраивать суету! Если взялся говорить про новости – говори!»

Он взял протянутый ему листок и, как тот был «вверх ногами», стал заворачивать его вокруг указательного пальца, делая тонкий и длинный конус. Завернув бумагу, он не торопясь провёл языком по краю листка, заклеил его, повесил готовый конус тонким хвостиком себе на губу и из кисета насыпал в ладонь табаку. Затянул шнурок, спрятал кисет под полу и снял завёртку с губы, согнул её на половине, на манер курительной трубки, и с ладони, как из кузовка, стал зачерпывать табак. Последние крошки, пошевеливая пальцами, ссыпал внутрь, не проронив при этом ни одной на снег, верхние края козьей ножки скрутил в жгут, передохнул и взялся за кресало.

– Ловок ты, Петрович! Ай ловок! Глянь, ни одной крошки не сронил и запалил-то как ладно.

Александр Петрович прикурил, затянулся, поднял голову и пустил тонкую струйку густого желтоватого дыма поверх Мишкиной головы, затянулся ещё раз и выпустил дым кольцами.

Мишка смотрел из-под мохнатых, соединившихся с мехом малахая бровей, как кольца улетали и медленно, кривясь и распадаясь, растворялись в воздухе.

– Да-а, Петрович! Мастак ты, ничё не скажешь! Сколько смотрю, да дивья дивлюсь. У нас объездчик был, злючий гад, но кольца из рта выкручивать тоже мастер был великий, вроде тебя!

Александр Петрович знал, что эта городская манера пускать кольца табачного дыма очень нравилась Мишке. Тот затянулся, но сам колец пускать не стал, чтобы не опозориться.

– Какой «конец»? Какие «твои»? Ты о чём, Михаил?

Мишка на секунду задумался.

– Ты газетку-то завернул, а не прочёл, а газетка-т иркутская! Тама всё и прописано.

– О чём?

Мишка помолчал и раздумчиво продолжил:

– В Мысовую я бегал, на толковище был, у пристани. Тама Кешку видал, знакома с того берега, из Листвянки, эт который в тебя стрелил, когда ты от Иркутска по льду шёл.

Александр Петрович ухмыльнулся.

– Большим начальником заделался Кешка в ихней Чеке, он мне и рассказал. – И Мишка поведал свой разговор с Кешкой в лицах. – «Слыхал, – говорит, – новость?...» – и эдаким манером закрутку заслунявил, а табачок, заметь, Петрович, мой! «...Беяков, – говорит, – под Читой зажали, что твою пробку в узком горле!...» – «И чё?» Эт, значит, я его спрашиваю! Ну прикурил он, раздымился, а я его: «А дальше чё?» – «Чё! Чё!» – говорит. – Расчёкался, гуранская твоя душа! Живёшь как пчела в колоде, а мы там...» – «А чё вы там?» – спрашиваю. «Опять чё!» Эт, значит, сызнава он. «Знаешь, скока, – говорит, – белой сволочи тама в Чите и в округе? Всех выловим и укорот дадим! В расход то есть! Вот чё!»

Александр Петрович слушал Мишку и мысленно представлял себе, где находится Чита и где через неё проходит железная дорога.

«А ведь и правда, если красные займут позицию с юга и отрежут от Маньчжурии, получится похоже на бутылочное горлышко, а мы в нём как пробка!..»

– Надоела энта война! – сказал Мишка, затыгиваясь и выпуская густой самосадный дым. – Злобы-то, лиха да горя людского скока!

– Да уж! – глядя на снег, тихо ответил Александр Петрович.

Солнце было в зените и до рези обжигало глаза ярким светом, отражённым от блистающего снега.

Они стояли и пыхали дымом.

«...И дадут укорот!» – подумал Александр Петрович.

Мишка ногтем сбросил огонёк со своей козёй ножки, плюнул на неё, примял большим пальцем чёрный обугленный табак и глянул из-под козырька ладони на солнце:

– Но тока и энто не всё!

Александр Петрович удивлённо посмотрел на него.

– Исть будем, побалакаем и поглядим, как дальше жить. – Он помолчал и, уже повернувшись идти дотёсывать оглоблю, сказал: – А с Кешкой батюшка был – наш, да только мы разминулися.

Новость о ситуации под Читой была нехорошая, если красные одолеют, то граница с Маньчжурией окажется запертой. Александр Петрович отошёл от изгороди, вышиб из колоды топор, засунул его за пояс и пошёл к омшанику; дверь омшаника была настежь распахнута, и вход над ярким белым снегом зиял чёрным провалом.

Александр Петрович глянул в него: «Хм, как тогда!»

Он остановился – этот зияющий чернотой провал напомнил ему маленькую железнодорожную станцию к востоку от Новониколаевска, на которую он попал в начале девятнадцатого года; от станции на юг уходила бесконечная Щегловская тайга до самого Алтая и Монголии.

В тот день из штаба находившейся в Новониколаевске 1-й армии генерала Пепеляева Адельберг с телеграфной командой и отделением охраны приехал на нескольких дрезинах на затерянную в тайге станцию. Вчера на неё напали партизаны и нарушили связь.

Станцию охраняли два десятка уральцев, но, когда Адельберг приехал, они лежали в ряд недалеко от насыпи в одном исподнем. Их трупы партизаны сложили на снег и облили водой. Стоял лютый мороз, вода замёрзла, и они лежали в прозрачном панцире и глядели в небо ледяными глазами. Тут же, напротив деревянного зданьица станции, стоял вагон-теплушка, и, когда телеграфисты оттолкали примёрзшую дверь, они увидели красных партизан, которые были развешаны по стенам вагона с содранной лоскутьями кожей, поэтому они действительно казались красными. На их освежёванных телах были хорошо видны мышцы и сухожилия, как в анатомическом атласе, и под каждым горкой стояла замёрзшая кровь. Партизан было десять, а между ними висел одиннадцатый – распятый, как Христос, на толстых кованых гвоздях. С него кожу не содрали, только на груди она была вырезана от соска до соска в виде большой красной звезды. Сама звезда лежала в середине вагона на полу, а в углу большой кучей – кожа остальных.

В здании станции мертвецы пьяными вповалку спали невесть откуда взявшиеся здесь забайкальцы атамана Семёнова, расправившиеся с этими партизанами. Их было около двадцати, не спал только один подхорунжий, он клевал носом около пулемёта. Рядом с ним на корточках сидел полубездыханный пожилой начальник станции и молча дрожал в истерике, потому что всё произошло на его глазах. Увидев это, Адельберг поймал себя на мысли, что ему хочется дать команду расстрелять пьяных забайкальцев, но он понял, что это и есть та самая бесконечная бойня, и тогда он позвал старшего команды телеграфистов. Тот, с круглыми от ужаса глазами, враскоряку подбежал на разъезжавшихся по обледелому снегу ногам.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие!!! – У него тряслась челюсть и дрожали руки. – Что прикажете, господин полковник?

– Успокойтесь, Кузьма Ильич, – сказал он прапорщику, хотя от увиденного его самого била дрожь. – Вы не первый раз видите мёртвых людей. Скажите, сколько времени потребуется вашей команде на выполнение ремонтных работ?

– Господин полковник! – У старшего телеграфиста мысли разбегались, и он не мог сосредоточиться. – Извините меня великодушно, но я ещё такого зверства, господи помилуй, не видал! Дело в том, – продолжая дрожать как осиновый лист, он пытался что-то доложить, – что пока неизвестно, сколько надо перетянуть проводов, а из-за этого кошмара я не успел посмотреть, что с телеграфным аппаратом.

Адельберг слушал прапорщика и, сопротивляясь собственным мыслям, думал о том, что ему сейчас придется отдать неожиданную команду – собрать трупы и похоронить их. Адельбергу почему-то казалось, что эта команда должна будет сразить прапорщика Тельнова наповал, он понимал, что после того, как линия связи будет исправлена, он вполне мог связаться со штабом, доложить о ситуации, попросить прислать похоронную команду и больше никогда об этом не вспоминать. Но эти тридцать убиенных... Тридцать один!

Адельберг посмотрел на хронометр, было пять часов вечера, через час стемнеет.

«Да, – подумал он, – они смёрзлись так, что целехонькими пролежат до весны. Казаков не поднять, этих, прости господи, пьяных. Тех-то уже и без того не поднять, и мои сейчас тоже никаких проводов уже не перетянут, так что...»

Он оторвал взгляд от хронометра и увидел, что прапорщик Тельнов ещё рядом, и, похоже, немного успокоился.

– Вот что, уважаемый Кузьма Ильич! Отправьте несколько человек по линии – пусть посмотрят, сколько надо менять проводов, да пусть они же на дрезине в штаб и отправляются, чтобы завтра вернуться со всем необходимым. Так что сегодня ремонтных работ как таковых я не предвижу. А поэтому, Кузьма Ильич, – тут Адельберг, неожиданно для себя и совсем неожиданно для прапорщика, положил ему руку на плечо, – остальных соберите в здании станции, приведите в порядок смотрителя, без него нам не обойтись, и... надо этих всех похоронить.

Услышав это, Тельнов – уже пожилой человек, призванный в 1916 году на германскую из последнего призывного возраста, – стоял ни жив ни мёртв! Он видел много убитых, но вряд ли когда-то и от кого-то получал такие приказы. И как его выполнить? Как их хоронить? Всех вместе? Для этого нужно откопать большую яму, и тогда в одной яме окажутся те, кто друг друга убивал и перед смертью смотрел в глаза; если отдельно, то тогда у его людей просто не хватит сил долбить эту насмерть промёрзшую землю.

Адельберг думал то же, с холодным и спокойным ужасом: сам он уже как бы смирился с мыслью о необходимости этого, но понимал, что ни ему и никому из тех, кто находится с ним здесь, это не нужно, и одновременно понимал, что это – нужно.

Он продолжал держать Тельнова за плечо и вдруг почувствовал, как тот оседает; ноги Тельнова обмякли, и он тихо опустил на снег.

– Фельдфебель! – крикнул Адельберг старшему отделения охраны.

Тот выскочил из здания станции.

– Приведите прапорщика в чувство и постройте людей! Да! Растолкайте подхорунжего! Даю вам на всё пять минут!

Увеличенное красное солнце садилось за кромку леса за вагоном-теплушкой, и его дверной проём зиял чёрным провалом. Внутри вагона в контрастном свете заката ничего не было видно, никаких тел, чернота их как бы пожрала и сделала неразличимыми.

«Чёрт побери! Всех бы расстрелял, всех, кто в этом участвовал, – думал он с яростью. – Всех к чёртовой матери!» И тут же закричал:

– Стройся, сволочи! Тельнов! Ш-што вы рассопливились, как девица в анатомическом театре? Приведите ко мне станционного начальника!

По команде Тельнова, еле-еле ворочавшего языком, два солдата, подхватив винтовки, побежали в здание станции, через секунду они уже держали под руки и вели станционного начальника.

– Раздайте моим людям ломы и лопаты, – снова закричал Адельберг, – и покажите им, где угольный склад! Трупы будете складывать там! Вы меня поняли? Выполняйте! Фельдфебель, проследите!

Адельбергу показалось, что он себя не слышит, но, наверное, он кричал таким страшным голосом, что все его команды выполнялись мгновенно.

Через минуту он уже сам долбил лёд между двумя крайними казаками.

Лом вышибал брызги, холодно таявшие на лбу, щеках и оголённых запястьях. Разгорячённый работой, он уже снял португеею с саблей, расстегнул ворот шинели, снял было и папаху, но фельдфебель посмотрел на него с укоризной, и он понял, что на морозе за тридцать придётся попотеть.

Первого казака он обколотил быстро, двое солдат подняли негнущееся тело и оттащили в холодный угольный склад. Второй – старый бородатый казак – был не положен, а брошен на третьего, и выдалбливать его надо было осторожно. Адельберг почему-то заботился о них, как о живых, поэтому старался ударить ломом так, чтобы не отбить руку, не пробить голову или грудь. Голова старого казака была завалена набок, его огромная борода примерзла к снегу, и её пришлось бы выдалбливать отдельно.

– Принесите кипятку, – крикнул он кому-то и краем глаза увидел, как Тельнов бросил свой инструмент и быстро, не по возрасту, побежал в здание станции.

Адельберг бросил лом, достал портсигар, вытащил папиросу, выбил мундштук и чиркнул зажигалкой, сбоку к нему подошёл фельдфебель и молча пристроился по стойке «смирно».

– Объявите людям, пусть передохнут, – распорядился Адельберг, повернулся к фельдфебелю, протянул ему портсигар и спросил: – Как подхорунжий?

– Не могу знать!

– Приведите!

– Мигом!.. – ответил фельдфебель и, недовольный – он уже протянул руку к портсигару, повернулся и побежал за казак. Через короткое время он стоял перед Адельбергом и придерживал за рукав шинели нетвёрдо державшегося на ногах забайкальца.

– Зовут как?

– Подхорунжий Иван Зыков, сын Петров, ваше высокоблагородие!

– Как вы здесь оказались?

– Команди-о-о-вка! – перемалывая трудное слово, ответил ещё не до конца протрезвевший казак.

– Давно служишь?

– С японской... ваше высокоблагородие!

– А ты? – спросил Адельберг у фельдфебеля и снова протянул ему портсигар.

Фельдфебель потянулся за папиросой, отпустил рукав хорунжего, тот пошатнулся, и фельдфебель снова ухватил его.

– Стой, чёрт! – Он виновато посмотрел на Адельберга. – Премного благодарен, ваше высокоблагородие, в четырнадцатом должен был вчистую, дак ведь оказия, – германская началась... – он хотел ещё что-то сказать, но уже подбежал Тельнов с полным парящим чайником.

– Поливайте, не смотрите на меня! – сказал ему Адельберг.

Тельнов жалобливо сморщил узкое лицо, наполовину закрытое густыми чёрными усами, показывая, что вся эта работа с мертвецами для него, телеграфиста – человека интеллигентной профессии, – была мукой.

– Отдайте фельдфебелю, – сказал Адельберг. – Вот что, ты ему бороду отлей, только на лицо не плесни.

Фельдфебель отпустил подхорунжего, хмыкнул в сторону Тельнова, взял чайник и стал поливать кипятком на бороду старого казака. Сначала всё получалось ладно, но вода, ещё паря, стекала под ботинок фельдфебеля и замерзала, он попытался перешагнуть, запнулся и рухнул на мёртвого казака вместе с чайником. Кипяток выплеснулся казаку на лицо: Адельберг увидел, как оно мигом очистилось ото льда, и через секунду на нём ожила и стала съёживаться кожа, а открытые глаза помутнели и стали белыми. Тельнов тоже это увидел; он согнулся пополам и отбежал на несколько шагов; стошнить у него не получилось, было нечем, потому что они ехали на эту станцию почти целый день без еды. Несколько раз его насухо вывернуло, он постоял немного и, как был, согнувшись, воткнулся головой в снег.

Подхорунжий, с трудом удерживавший равновесие, с блаженной улыбкой смотрел на барахтавшегося с чайником фельдфебеля, который скользил по свежей наледи солдатскими ботинками и не мог подняться, и на валявшегося без сознания Тельнова, потом поднял глаза на Адельберга и промолвил:

– Ну чисто дети! Мать их передери!

Александр Петрович немигающими глазами смотрел на чёрный проём омшаника и вдруг услышал:

– Ты тама чё, Петрович, примёрз никак? Али вспомнил чево? Исть идём!

Александр Петрович мотнул головой, отбрасывая воспоминания, в нём, как и тогда, на той станции, всколыхнулась злость, и только тут он почувствовал, что его пальцы горят вместе с козьей ножкой.

– Идём, – ответил он и захлопнул проём.

Глава 11

Мишкино зимовье было большое, он расстроился широко. Александр Петрович за дни выздоровления, когда он уже стал выходить из дому, успел оглядеться. Здесь начинал осваиваться ещё Мишкин отец, но успел построить только омшаник и отрыть землянку, где сейчас был ледник. Мишка достраивался под большую семью и довёл дело до конца, а когда его выгнали из деревни – пригодилось.

Кроме холодных сеней и комнатухи, в которой отлёживался Александр Петрович, в избе была просторная комната с огромной, обложенной диким камнем русской печью с большим челом и обширным подом, там легко помещался ведерный котёл, а на лежанке могли спать трое, а то и четверо взрослых. Напротив печи, в стене, – два небольших застеклённых оконца, их было достаточно: перед избой – открытая поляна, ничто не загораживало света, и поэтому в комнате было светло. Между окнами стоял саженный в длину стол из толстых досок и три табурета, по стенам протянулись широкие лавки, и с боку висела городская книжная полка, на которой лежали старинная Библия и стопка старых газет и журналов. Слева от полки висел портрет Николая Второго, одетого в наряд русского витязя, а справа – городской пейзаж с видом Московского Кремля. На божнице стояла икона Спаса Вседержителя.

На подворье, кроме огорода, омшаника и ледника, была небольшая конюшня на два денника и баня, а ещё Мишка держал большое пчелиное хозяйство и всегда имел достаток в свечах.

Когда Александр Петрович вошёл, Мишка вытаскивал из шелестевшей горящими углями печи котелок с половиной варёной козьей ноги.

– Эт тебе, ты хворый, а у нас пост Великий, нам неможно оскоромиться.

Он принёс из сеней миску с солёными грибами и вынул из печи ещё и чугунок с кашей.

– И хлебушек! Наш, деревенский!

Они сели, и Мишка налил Александру Петровичу медовухи.

– Так и живём, Петрович, хлеб жуём. – Он взял большую деревянную плоскую миску и ножом подхватил в неё парящую козью ногу. – Мясо сам нарежай и хлебай шулю. – И Мишка положил перед Александром Петровичем резную ложку. – Ну, помолясь!

Ели долго и молча, а когда поели, Мишка заварил трав и сушёных ягод.

– Ну что, ваше благородие, завернём табачку, и пусти-ка пару колец, порадуй!

Уже подступил апрель, день удлинился, солнце грело, с крыши тёк талый снег и долбил по намерзавшей за ночь под стенами зимовья наледи.

– Новости я тебе доложил, про Читку и про батюшку, а теперь ты мне скажи, давно хотел у тебя спытать, Петрович, да хворый ты был...

– Как такое могло произойти?... – предугадывая вопрос, перебил его Александр Петрович. Он задумался, у него было много времени, чтобы ответить на этот вопрос, но сделать этого он не смог до сих пор, он не мог на него ответить даже самому себе, а теперь надо было отвечать Мишке. Мишка молча дымил и смотрел на него своими умными серыми, как совсем недавно сумел разглядеть Александр Петрович, глазами.

– Ты сам много-т не дыми! У тебя в грудях покамест ишо шибко хрипит, а просто побалакай со мной. Помнишь, када по тракту бежали, пытал я тебя, как так могли царю-батюшке досадить, што он от престола отрёкся? Помнишь?

– Помню, – задумчиво ответил Адельберг.

Он, конечно, помнил: помнил и бесконечный тракт, забитый плотной вереницей едущих в одну сторону людей, и мёртвую попадьё с её мёртвыми детьми и только живой лошадьё, которая, никем не понужаемая, тащила их вперёд, и чехов, и метель, и Иркутск с памятником царю Александру на берегу...

– Что тебе сказать? Я был на войне... Нам там было не до этого... Помню только, что в конце шестнадцатого года сильно переменялось настроение солдат. Они не отказывались воевать, но и в бой шли с неохотой, совсем не так, как было за полгода до этого. Мы не знали доподлинно, что происходит в Санкт-Петербурге, при дворе. Отречение государя императора было для нас новостью, как гром с ясного неба...

Александр Петрович говорил... и лукавил.

Офицеры штабов и генералы в Ставке знали, что происходит в столице. Они знали про Гришку Распутина и про многое другое: знали и тихо шептались об измене императрицы; видели, что фронты почти не снабжаются припасами, были искренне этим возмущены и кивали на «тыловых крыс», которые богатели на поставках и откупках, и «гражданскую сволочь», которая от имени Временного правительства агитировала за продолжение войны до победного конца. Они приезжали на позиции в военной форме, но без знаков воинских отличий – «ряженные», и за это их прозвали «гражданской сволочью». Знали о письме к императору великого князя Николая Николаевича, родного дяди государя, с просьбой отречься, подписанном всеми командующими фронтами. Александр Петрович не лукавил только в одном: в том, что все они, бывшие свидетелями этого – кто издалека, а кто вблизи, во всём происходящем мало что понимали.

– А я так думаю, что не углядел царь-батюшка измену кругом себя. Доверился! А? Как ты думаешь?

– Думаю, что ты прав... – идя по лёгкому пути согласия, ответил Александр Петрович и снова лукавил.

– А вот таперя гляди! – Мишка не распознал его лукавства, широко расставил на столе руки и распрямился. – Все, кто за царя, все здесь, за Байкалом-морем, и ты, и все остальные. А в столице Ленин, а здесь ишо Кешка, да с батюшкой нашим заодно. И што будит?

Новость про батюшку была для Александра Петровича удивительной.

– Вот и я говорю, новость! А делать-то што? Таперь мне в деревню вертаться уже никак нельзя. Сожрёт живьём. И общество не поможет!

В тот вечер разговор у них не кончился, и так вдвоём они просидели ещё много вечеров.

Прошёл апрель.

Александр Петрович набирался сил и привыкал к жизни в тайге. Мишка тайно бегал в Мысовую, заезжал в деревню и привозил известия о том, что красные всю весну затягивали кольцо вокруг стоявших в Чите белых, однако белым помогала 5-я японская дивизия, и наступило затишье, вроде перемирия.

Были и другие известия, тоже любопытные: поп-расстрига в селе не осел, а с отрядом красных партизан Каландаришвили прочёсывал тайгу, разыскивал заблудившиеся отряды белых и уничтожал их. Поэтому Мишка, когда май смыл дождями в тайге снег, опасаясь прихода красных, ушёл с Александром Петровичем на самую дальнюю свою заимку, под самый Хамар-Дабанский хребет, а в начале ноября пришла весть о том, что красные под Читой победили, пробили «читинскую пробку», и остатки белых ушли в Маньчжурию. И ещё одна новость – где-то в бою убили батюшку.

И по ноябрьскому снегу они вернулись.

Глава 12

Последние десять вёрст Мишка и Александр Петрович шли всю ночь и пришли в зимовье, когда было уже светло. Александр Петрович распряг Гурана из волокуши и поставил его в стойло. Мишка не стал распрягать свою лошадь, приведённую им из деревни перед тем, как уйти в тайгу, заскочил в избу и ахнул, на ходу перекрестился и засобирался.

– Ну ты, ваше благородие, пока тута хозяйствуй, скока сдюжишь, а я сбегая до деревни, проведаю дочку с внучками и погляжу, как она с пчёлами-то управилась. Хорошо, что мы борти по весне к ней перевезли.

Александр Петрович остался один. Он вошёл в дом, огляделся и увидел почти полное разорение. Судя по всему, прошедшим летом здесь стояли красные, а может быть, белые. Они забрали с собой всё, что могли унести и что могло пригодиться в тайге: припасы, весь Мишкин инструмент, шкуры и одеяла. Нетронутой осталась только громоздкая посуда: в углу сиротливо валялся на боку большой чугунный котёл, видно, «гости» шли пешком налегке или если верхом, то без обоза.

Один раз они видели в тайге, правда издалека, как в глубокой расщелине по руслу ручья двигался небольшой отряд в четырнадцать всадников. Среди них Мишка признал вроде своего знакомого Кешку и ещё одного, непомерно высокого верзилу в громадной, несмотря на лето, казачьей чёрной папахе, ноги которого волочились почти по самой земле. Мишка попытался вспомнить его имя, но вспомнил только имя третьего знакомого, ехавшего рядом с Кешкой, которого назвал Серёгой. Он ещё с сожалением тогда покачал головой и сказал, что, мол, «спортят» парнишку, потом пояснил, что это те самые трое, которые «стрелили» в Александра Петровича, когда тот шёл по Ангаре мимо Иркутска. Александр Петрович, не удержавшись, спросил:

– И Серёга стрелял? Молодой!

Мишка зашикал на него:

– Потихе ты, Петрович! Тута далеко слышать, – и приложил ладонь ко рту. – Кто его знает? Но сдаётся мне, он не стрелил. Только Кешка и энтот, верзила.

– Нет, Михаил, я слышал только один выстрел, и пуля была одна.

Тогда же выяснилось, что Мишка, когда жёг тифозную одежду Александра Петровича, нашёл эту пулю и не выкинул её, сберёг: «Ты же тоже не выкинул, значит, нужна она тебе была!»

Они долго наблюдали, как удаляется отряд; он шёл от хребта вниз, в сторону Байкала, шёл тихо, только иногда по широким и плоским камням, похожим на растёкшееся серое застывшее слоистое тесто, тукали замотанные в тряпки конские копыта и изредка доносились обрывки разговоров.

– Вот бы послушать, о чём они гуторят, и узнать, куцы идут!

Они дождались, когда всадники скроются из вида и утихнут все звуки, потом встали и по широкой звериной тропе пошли вверх по склону в сторону заимки. Тропа поднималась на острый длинный хребет и дальше тянулась по его кромке. Александр Петрович шёл первым и вдруг в просвете деревьев, там, где тропа переламывалась на хребте, увидел две промелькнувшие в прогале серые спины. «Кабаны», – успел подумать он и увидел, как слева от него на сухую высокую лесину, царапаясь когтями по коре, шустро вскарабкался медвежонок, – он видел его совершенно отчётливо. Между тропой и сухим деревом рос невысокий подлесок, медвежонок поднялся сажени на три и замер, обхватив лапами ствол. Александр Петрович не успел ничего сообразить, как рядом, совсем близко услышал шумное сопение, храп и треск сучьев и сквозь кусты увидел бурый с сединой загривок. Прямо над его ухом грохнул выстрел.

– Пойдём глядеть, – сказал Мишка и закинул карабин за спину. – А ты чё не стрелил?

Александр Петрович промолчал и про себя передразнил Мишку: «А я чё не стрелил? Не успел!»

– А и успел бы, так только бы хуже было, – без всякой злобы непонятно кому сказал Мишка.

В подлеске между тропой и сухой лесиной, шагах в пяти, лежала медведица, это её седой загривок видел Александр Петрович. Она лежала с вытянутыми перед собой передними лапами и мордой, выдрав задними лапами до самых камней рыхлую, поросшую травой землю. Мишкина пуля попала ей в голову, когда она уже собралась для длинного последнего прыжка, который мог закончиться там, где он только что стоял. Медвежонок испугался выстрела, камнем упал с дерева, и они его не нашли.

– Жалко, надо было забрать с собой, пропадёт без матки в тайге, совсем ишо малой.

Александр Петрович огляделся в разорённом зимовье, снял бекешу, повесил на стену берданку и ещё раз огляделся: изба была холодная, надо было идти за дровами и топить печь.

Зимовье стояло на пологом склоне, который опускался к широкой мелкой речке с каменистым, галечным дном. Снег уже лежал, он укрыл берега, а над струящейся прозрачной водой нависали тонкие и звонкие, как хрусталь, ледяные забереги.

Он обнаружил развороченную поленницу, дров в ней почти не осталось; разобрал волокушу, которую тянул Гуран, снял с изгороди несколько жердей, всё порубил на мелкую растопку, вернулся в избу и с грохотом сбросил на припечник. Отдирая кору, он подумал, что, если бы была бумага, печь взялась бы быстрее. Бумага была – на полке на старом месте лежали нетронутые газеты и журналы, он подошёл и взял верхний, это был сентябрьский номер «Русского инвалида» за 1915 год, и Александр Петрович открыл первую страницу, потом перевернул вторую, ему захотелось присесть и полистать дальше, но холод пронизывал ознобом.

«Нет, сначала надо растопить печь. Ничего, помучаешься с корой!»

Печь, за долгое невнимание к себе, задымила, её не топили уже, наверное, несколько месяцев. Однако растопка от сухой коры быстро взялась и уже потрескивала, отблёскивая огоньками. Пока разгоралось, Александр Петрович исполнил Мишкин урок и расставил на божнице иконы, они их забирали с собой. На полку рядом с газетами положил Библию, как и

было раньше, потом развернул шкуру медведицы, погладил её седую шерсть и повесил пустой проход в маленькую комнату, оставалось нарубить дров и почистить берданку.

Когда он вернулся с дровами, уже начинало темнеть, и он пошёл в баню за свечами. Баня счастливо избежала разорения: видимо, никому из непрошенных гостей не пришло в голову, что в ней, в одном из ларей под лавкой, был их большой запас. Он зажёл свечи, расставил в разных местах, они осветили избу; тогда он достал ветошь, репейное масло и вытащил шомпол. На столе нужно было что-то постелить, и он снова подошёл к книжной полке за газетой. И понял, что в зимовье стояли белые – рядом с полкой, как было прежде, справа и слева висели городской пейзаж с видом Московского Кремля и нетронутый портрет императора.

Александр Петрович почистил выданную ему Мишкой берданку, сам Мишка не расставался со своим «кавалерским» карабином, и никакие попытки Александра Петровича объяснить ему разницу между «кавалерским» и кавалерийским ни к чему не привели.

Печь разгорелась, Александр Петрович взял котел и пошёл за водой.

Из тайги опустился туман и всё превратил в белые сумерки.

«Самая подходящая погода, чтобы на всю ночь с бутылкой коньяку, в хорошей компании сесть за партию преферанса», – невольно подумал он.

Весной, а потом и летом, и осенью, здесь, в тайге, он не часто вспоминал о том, что когда-то жил по-другому, что был Петербург, двор, Марсово поле и плац-парады, его полковые казармы недалеко от Обводного канала, Мариинка, Александринка... Всё это было, но когда-то давно, в другой жизни, и иногда у него возникало ощущение, что после начала Германской кампании и отъезда из Харбина у него началась и никак не может закончиться ещё какая-то жизнь. Другая.

Он принёс воду и поставил котёл в печь; на сегодня было сделано всё; он подошёл к полке и хотел взять журнал, который уже начинал листать, но взял Библию, положил её перед собой и открыл где-то на середине. Корешок старой книги пересох и потрескивал, и Александр Петрович вдруг осознал, что уже минимум полгода не видел печатного слова. Страницы были из плотной, похожей на пергамент бумаги. Библия была очень старая, листанная десятками рук, и поэтому углы страниц, особенно снизу, были промаслены и истёрлись, округлились, а некоторые склеились от свечного воска.

«И правда, «древляя»!» Он вспомнил Мишкино слово и склонился над ней. Горящие в разных местах свечи светили тускло, он переставил их на стол, но в комнате всё равно было сумрачно, и ему пришлось ещё ниже наклониться над книгой, и тут он увидел, как на открытые страницы вылезла его борода. Он удивился, выпрямился, скосил глаза книзу и прижал подбородок к самой груди – борода оттопырилась. Это была его борода, к которой он привык и уже давно её не замечал, – она отросла, стала пышная и закрывала горло ниже ворота рубахи.

Александр Петрович вздохнул – желание читать пропало. Он стал смотреть на играющий в печи огонь и вспомнил, что когда выздоравливал, то попытался в Мишкином зимовье найти зеркало, или зеркальце, или хотя бы какой-нибудь осколок, намёк на него, однако Мишка сказал, что «этого нету, и сроду не было», потому что «ни к чему», и «неча тама разглядывать»; а то, что он «в городу» покупал, – всё свёз к дочери, мол, «пушай они, бабы, охорашиваются». Потом заделами заботы о зеркале и внешности оставили Александра Петровича. А сейчас вот оно как!

Свечи светили, дрова горели, печь понемногу топилась, Александр Петрович снял и положил рядом с собой на лавку меховую безрукавку и подумал, что если бы Анна сейчас его увидела, то наверняка бы не узнала. Он глядел на огонь в печи и в который раз представлял себе, как бы он шёл от вокзала по проспекту. Вот он пересекает площадь, ещё несколько десятков шагов, и он уже подходит к Разъезжей, на которой стоит его харбинский дом, а навстречу идёт Анна. Александр Петрович подсчитал: он не видел её уже шесть лет и два месяца.

«Не узнала бы! – Эта мысль огорчила. – Ну вот ещё!» Он попробовал отогнать её.

Он достал кисет и трубку, вырезанную Мишкой, набил её и затянулся. После нескольких затяжек дым слоисто повис в воздухе и застыл, свет свечей стал мягким и округлился. Дым будто отгородил его от всего, и ему снова представилась Анна, – она поднимается от их дома к Большому проспекту, с которого он только что свернул, и идёт навстречу по одному с ним тротуару. Она одета в светлое платье, на ней белая шляпка с яркими маленькими цветками, она держит в руке раскрытый светлый, полупрозрачный зонт, которым отгораживается от солнца; другой рукой она ведёт за руку маленького мальчика, одетого в смешную детскую бескозырку, матроску и чёрные лаковые туфельки. Он их видел такими уже много раз, когда метался в бреду и болел, и они представлялись ему такими все последние месяцы, в одной и той же одежде и в одном и том же месте, идущими от их дома, ему навстречу. Каждый раз, когда он равнялся с ними, он видел, что мальчик пытливо смотрит на него. И никак не мог разглядеть, как на него смотрит Анна.

Александр Петрович моргнул и тряхнул головой: мысль о том, что Анна могла его не узнать и пройти мимо, давно мучила.

«Надо успокоиться! Надо просто добраться домой! Вот и всё!»

Он докурил трубку, выбил её и снова уселся за Библию. Его взгляд побежал по строчке на раскрытой наугад странице. Он понял, что это начало главы в «Книге Екклесиаста», ещё он понял несколько слов вначале: «...Учителя, сына Давида, царя Иерусалима...» и больше ничего. Это отвлекло его от других мыслей. «Написано на старославянском, по-моему, даже не печатная, а переписанная от руки!» Он полистал страницы назад и вперёд и вдруг услышал туканье копыт и скрип, кто-то конный приближался к зимовью. В деннике заржал Гуран.

«Мишка или кто-то ещё?» Александр Петрович встал, снял с колышка берданку и зарядил её.

– Трр! Леший! Стой, не дёргайся, ща распрягу тебя! – снаружи был Мишкин голос.

«Слава богу!» – подумал Александр Петрович и повесил берданку.

Неожиданно быстро Мишка хлопнул сначала дверью сеней, потом с шумом, ногой открыл дверь в избу, вошёл, бросил на пол большой мешок, повесил на колышке рядом с берданкой свой карабин и кнут и скинул на лавку тулуп.

– Уф! Замаялся я с этой тварью вовсе! – Он бросил на стол шапку; у него был красный и потный лоб, красные кисти рук; и плюхнулся на лавку. – Ляксандер Петрович! Не в службу, а в дружбу! Тама, в телеге, корчага с квасом, дочка наварила, не принёс бы – ту, што ближняя к сидушке? Последние три версты – тянигусом, когда тропа верхом шла, на узде так и ташыл его, проклятушшаго! – Мишка смотрел на него умоляюще. – За лето вовсе отбилса в хомуте ходить! Сотвори божью милость, а? – Он передохнул и улыбнулся. – Ну, здравствуй, што ли!

– С прибытием тебя, Михаил!

Александр Петрович надел безрукавку, вышел к лошади, та его увидела, захрапела и начала снизу вверх мотать своей большой головой. Александр Петрович ласково потрепал её за морду, она попыталась прихватить его ладонь, но там было пусто.

– Подожди немного, сейчас твоего хозяина напою и принесу тебе что-нибудь.

В кошеве стояли три привязанные к борту глиняные ведёрные корчаги, Александр Петрович подхватил одну и занёс в избу. Мишка покосился на посудную полку около печи, но та была пуста.

– От же ж гады краснюки, всё снесли, и даже испить не из чего. – Он растерянно развёл руками.

– Да нет, Михаил, здесь не красные стояли, а белые!

Мишка удивлённо посмотрел:

– Твои? А почём ты знаешь?

Александр Петрович кивнул на портрет Николая:

– Ты думаешь, красные это так бы оставили?

Мишка молча разглядывал.

– Да-а! Видать – правду баишь, энто они всё постреляли бы. Ладно, пойду в баню, можа, хоть там ковшик есть, – сказал он и вышел из избы.

Александр Петрович сел и снова взялся листать Библию. Мишка вернулся с ковшом, взгромоздил корчагу на стол, с хлопком, как из бутылки шампанского, вынул из её широкого горла круглую деревянную пробку, притянутую к корчаге тонким кожаным ремешком, и через край налил полный ковш шипящего кваса. Комната наполнилась кислым запахом вперемешку с запахом хрена и мёда.

– Мастерница она, моя дочь, квасы ставить, и мёду туды, и травки особой, аж дух зашибаит... – Он протянул ковш Александру Петровичу. – Ну-ка!

Тот взял ковш и поднёс его к губам: играя со дна струйками мелких пузырьков, квас гулял и бил в ноздри резким запахом, от которого перехватывало в горле. Он был мутноват, и только это отличало его от шампанского. Александр Петрович пригубил и тут же почувствовал, что стало нечем дышать.

– Носом дыши, а то задохнёшься вовсе.

От тёртого хрена квас был резким, Александр Петрович отпил два глотка и больше не смог, дыхание перехватило, и он отдал ковш Мишке.

– Вот тебе наше деревенское вино, пошибчее городского с ног сшибает! А? – Глаза у Мишки сияли.

У Александра Петровича выступили слёзы, он проморгал их и осипшим голосом выдал:

– Брага!..

– Не! Петрович, не-а! Брага, она на ягодах и меду, а энто пшеничные сухари, безо всякого примесу.

Он поднёс ковш к губам и стал пить не отрываясь. Ковш был большим, он пил, морщился, то открывал глаза, то замуривал их, и выпил до капли, потом распрямился и шумно отрыгнул.

– О! Энто по-нашему!

После двух глотков Александра Петровича немного замутило, а Мишка встал, вышел в сени и вернулся с мешком сушёных грибов.

– Щас отварим грибницу, повечеряем, и можно на боковую.

После ужина он вдруг спросил:

– Чё-та ты, Петрович, Святой книгой заинтересовался? Скока она стояла, а ты её и в руки не брал!

– Да вот, Михаил, хотел почитать, но ничего не понимаю...

– Она, Петрович, на древлем языке написана, ещё прапрадед мой её принёс, они сюды на Байкал-море издалече пришли и иконы, и книгу энту Святую – всё с собой принесли.

– А ты можешь её читать?

– А тебя где интересует, ну-к дай!

Александр Петрович пододвинул ему книгу:

– Ну хотя бы вот эту страницу!

Мишка пересел поближе к свече, повернул Библию страницами к свету и отвёл на расстояние вытянутой руки.

«Да тебе, братец, очки нужны, – подумал про себя Александр Петрович. – Как же ты стреляешь?»

– Энто Лизьяст! Царь Иудейский, – сказал он и посмотрел так, будто на кончике его носа сидели очки.

– Это я разобрал. Царь Давид, который назвался проповедником по имени Екклесиаст.

– Да-а! – Мишка опустил голову, повёл пальцем по строчке и стал шевелить губами: – Закон Божий небось проходили в гимназиях... Много мудрава тут... Царь Иудейский много правильно обсказал, а только одно он обсказал правильнее всего...

– А что?

– А вот что! – Мишка уткнул палец и, не глядя в текст, произнёс: – «Обаче се, сии обретох, еже сотвори Бог человека правого, и сии взыскаша помыслов многих».

– Что это значит, Михаил, я не понимаю этого старого языка.

Мишка поднял глаза и одновременно указательный палец:

– «Только это я нашёл, что Бог сотворил человека правым, а человецы пустились во многия помыслы». – Он смотрел на Александра Петровича из-под густых бровей. – А людишки пустились за злом! – пояснил он, осторожно закрыл книгу и провёл по обложке рукавом рубахи, как бы стирая с неё пыль. – Не слушай, када человек говорит – чего он хочет, но гляди – к чему он устремляется! Добром должно жить! Добром! Буде человек жить внутри себя самого добром, не будет зла на энтот свете. А жисть, она ить какая, Петрович? Она ить как тропа звериная! Куда приведёт, одному Господу Богу ведомо! Да ты и сам знаишь!

Мишка встал из-за стола, подошёл к медвежьей шкуре и погладил её:

– Повесил! Памятна она тебе! Ты вот чё, Петрович, шкуры шкурами, а не держу я тебя здесь, однако трогаться тебе об энтот время никак нельзя. Весной, после Пасхи, как разговеемся, выведу тебя на железку, дам письмо в Благовещенский город, тама живёт моя свояченица, Марией зовут. Када доберёшься, на первых порах у неё будешь обретаться, а дальше учить тебя не стану, сам на тот берег уйдёшь, к китайцам, и айда в свой Харбин... А сейчас через перевалы мы с тобой не перемахнём, да и красные по тайге да на железке рыщут.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Александр Петрович шёл по базару походкой незанятого человека и скользящим взглядом окидывал прилавки, привычно оценивая, как меняется конъюнктура приграничного контрабандного рынка.

Несколько недель назад, в середине апреля, в самое мёртвое время, когда Амур, перед тем как вскрыться, ещё только вздыхал ледяным панцирем, он наконец-то прибыл в Благовещенск. Мишка сдержал своё обещание и сразу после Пасхи начал собирать его в дорогу. За зиму они назверовали соболей и куниц, перед Масленой неделей Мишка сдал рухлядь скупщикам в Мысовой, как будто бы ничего после всех событий последних лет не переменилось, и поделил деньги пополам, так что хватило на обмены с барахолки и про запас. Прощание было недолгим, они обменялись памятным подарками: Адельберг подарил Мишке пулю, ранившую его на ангарском льду, а Мишка – громадный коготь той самой, убитой прошедшим летом медведицы.

Адельберг прибыл в Благовещенск с документами на имя тверского губернского статистика Александра Петровича Кожина. По придуманной им легенде, он покинул Тверь после того, как в Иркутске вспыхнуло восстание и от его семьи, сначала гостившей, а потом застрявшей там у родственников, перестали приходить письма. Из Твери он поехал в Москву, потом оказался в Симбирске, дальше было Заволжье, потом Омск, а далее Иркутск и, наконец, берег Амура.

Он был такой не один, в приграничье было много беженцев, они были как пена, которая в кипящем котле сбивается к краям и присыхает к стенкам, пока её не сотрут или не смоют. Империя бросало из края в край, люди скитались, искали пристанищ, и в одном месте могли сойтись петербургский аристократ, киевский студент, витебский местечковый еврей с семейством, армавирский армянин, ростовский батюшка и московская проститутка.

Благовещенск стоял на слиянии двух больших рек и в огромной стране умудрился приютиться вдалеке от всего. На противоположном берегу Амура, тоже вдалеке от всего, приютился такой же маленький и одинокий городок – китайский Сахалин.

Севернее Благовещенска в восьмидесяти верстах проходила Сибирская железная дорога, а дальше простиралась безлюдная, покрытая снегом и льдом Якутия. Немногие люди, жившие вдоль железной дороги и рек – Амура и Зеи, где это было возможно, сеяли хлеб, рубили лес и мыли золото.

От китайского Сахалина, но уже на юг простиралась такая же пустыня – Маньчжурия, почти до самого Харбина. И здесь народ тоже жил по течению реки Сунгари и её притоков и вдоль Китайско-Восточной железной дороги.

Александр Петрович без особого труда устроился в статотдел городского исполкома, на рядовую должность. Новой власти в Благовещенске были нужны старые специалисты, и это давало легальный статус и прожиточный минимум, а кроме того, позволяло осмотреться на месте и подготовиться к уходу.

Просто так сидеть в Благовещенске нужды не было, по крайней мере до тех пор, пока не пройдет ледоход, но и торопиться было нельзя – без надёжных людей ни о какой переправе на китайскую сторону можно было не думать, а этими людьми могли быть только контрабандисты.

Как сотрудник статистического отдела, Адельберг знал, что приграничной торговли с Китаем нет, новая власть ещё только задумывает её налаживать, однако китайские товары на базаре были, значит, и контрабандисты были.

Он хорошо знал эту особенную категорию жителей приграничных районов; он успел познакомиться с ними, ещё когда десять лет назад, или одиннадцать, прибыл служить из Петербурга в разведку охранявшего «полосу отчуждения» КВЖД Особого пограничного Заамурского округа, бывал в Сахалине и в Благовещенске. Он хорошо изучил этих отчаянных, хитрых, бесшабашных и не отягощенных патриотизмом людей, потому что по обе стороны границы они были преступниками. Они хорошо знали местность, они хорошо знали местные власти, они знали и общались между собой, хотя и были конкурентами. Однако, как он заметил, когда рядом с конкуренцией соседствует опасность, то конкуренция как бы отходит на второй план. Кроме того, они были отличными разведчиками: наблюдательными, осторожными, памятьливыми и честными по-своему. Привлекала ещё одна их черта – удивительно, но чаще всего они были нежадными.

Направляясь в Благовещенск, Александр Петрович поставил себе задачу найти их и обеспечить себе безопасный переход в Китай.

Глава 2

Ходики в комнате, где трудился Александр Петрович, стукнули час пополудни, сослуживцы сняли нарукавники, очистили перья, сложили бумаги, задвинули ящики столов и зашевелились к выходу.

Был час свободного времени, и в окружении коллег Адельберг двинулся на улицу.

Он неспешно шёл по городскому рынку, хозяева лавок уже заприметили этого высокого, стройного господина, который уже почти месяц каждый день в обеденные часы по одному и тому же маршруту обходил базар, смотрел на товары, но ничего не покупал.

Он понимал, что люди могут догадываться о его намерениях, поскольку человеку его внешности и манер, как бы он ни маскировался, было нечего делать в «красном учреждении» и вообще в этом «медвежьем углу». Он даже не прочь был усилить это впечатление, потому что знал, что, если сам начнет искать нужных людей, они растворятся, исчезнут и будут уверены в том, что он есть агент или провокатор ГПУ.

Как обычно это бывает в недели ледохода, погода была переменчивая. Несмотря на начало мая, было холодно, дул сильный промозглый ветер, и над самой головой неслись серые облака.

Сегодня не было настроения делать обычный обход, хотелось добраться до закуской, съесть кусок чесночной колбасы с хлебом и чаем, отдать за это половину месячного жалованья и забыть о нем.

Он шёл между торговыми рядами в сторону чайной, глядел себе под ноги и видел только сухую, пыльную землю. Вдруг он почувствовал, что кто-то на него пристально смотрит, это вывело его из состояния внутренней погружённости, он очнулся, огляделся, однако кругом были те же торговые ряды, те же крестьянские лица; он не увидел никого знакомых, но ощущение осталось. Он уже вышел на прямую дорожку к чайной, но кто-то как будто бы зацепился резиновым жгутом за хлястик его гражданского пальто и не отпускал. Он был опытным человеком, не впадал в панические состояния, умел контролировать себя и знал, что для того, чтобы понять, что происходит, необходимо всего лишь несколько секунд спокойно подумать. Но тут ему почему-то стало не по себе.

Адельберг заставил себя не оглядываться, дошёл до чайной, зашёл в неё и встал у окна справа от двери.

Окно было маленькое, подслеповатое, с треснутым, немывтым, затянутым в углах паутиной стеклом; Александр Петрович постоял несколько секунд, осматривая людей, которые шли за ним. Только один человек сразу после него зашёл в чайную – Александр Петрович его не

знал. Человек подошёл к прилавку, что-то заказал, и по его поведению было видно, что ему ни до кого нет никакого дела.

Адельберг понимал, что в этом городе за ним могли следить хоть красные, хоть белые, поэтому старался быть на виду: дом, работа, рынок, работа, дом; только изредка он прохаживался по набережной, заходил в собор, но и только.

«Может, показалось? Черт его знает! Столько народу переместилось с запада на восток – сослуживцы, знакомые...»

Александр Петрович взял полкруга колбасы, стакан чаю, несколько ломтей хлеба и вернулся к окну. Он отломил колбасу и, не чувствуя вкуса, стал жевать. «Что это могло быть? Или кто это мог быть?» Думая об этом, он простоял у окна несколько минут. И вдруг он понял: «Нищий! Это был нищий – он смотрел на меня! Делал вид, что... но это он смотрел на меня!» – и отчётливо вспомнил: когда, поглощённый мыслями, он шёл по рынку, то вполглаза, случайно, слева от себя заметил сидевшего на земле, замотанного в лохмотья, похожего на бурый ком нищего. Нищих в городе было много, особенно на рынке; они попрошайничали: кто денег, кто хлеба, пытались что-то продавать или воровать; они примелькались, превратились в серую массу и слились с общим фоном.

Но этот нищий был особенный.

Он наскоро прожевал колбасу и хлеб, запил чаем, завернул остатки в вощёную бумагу, сунул в карман и вышел.

Нищий сидел на том же месте, Александр Петрович подошёл и присел перед ним на корточки.

– Вы кто?

Нищий через щёлочки глаз внимательно смотрел на него.

– Не узнали! – с трудом перемалывая сухим ртом слова, произнес он. – Тельнов я!

«Тельнов! Знакомое! Тельнов! – замелькало в голове. – Тельнов!» Откуда-то из глубины в памяти начала возникать смутная картинка: тёмный, занавешенный тяжёлыми портьерами кабинет, широкий письменный стол с зелёным сукном, большая со стеклянным абажуром в металлическом окладе настольная лампа, телефонный аппарат с трубкой на высоких рогатых рычагах и торчащей сбоку ручкой... Массивное деревянное кресло с высокой спинкой... Рядом ещё один стол, поменьше, тоже с телефонным аппаратом и ещё с одним аппаратом – большим и чёрным... – телеграфным аппаратом Юза.

«Телеграф... Телеграф... Тельнов... Господи! Тельнов! Телеграфист Тельнов!»

– Тельнов, это вы?

– Я! Александр Петрович! – с затерявшейся на заросшем лице блуждающей улыбкой вымолвил нищий.

– Не узнал! – медленно произнёс Адельберг.

– Немудрено!

Это и правда было немудрено! Мудрено было узнать в этой человеческой развалине московского телеграфиста, ещё недавно прапорщика колчаковской армии, пожилого, но расторопного и интеллигентного человека.

– Как вы здесь?

– Занесло!

Александр Петрович оглядел его.

Перед ним сидел настоящий нищий, на его голове шерстью внутрь был надет малахай с одним оторванным ухом, на шее висел перемотанный несколько раз, свалывшийся комками вязанный шарф. Из одежды на Тельнове была рвань пиджака, офицерской шинели, крестьянской сермяги и чего-то ещё, что кое-как прикрывало его тело; подогнутые под себя ноги, как показалось Адельбергу, босые. Всё, что можно было считать одеждой, спускалось с его плеч

в виде большого кома. Вокруг стоял нестерпимый запах, который Александр Петрович почувствовал только что.

– Смердим! – понимающе произнес Тельнов. – А как же без этого, ваше высокоблагородие, – тихо добавил он.

Адельбергу захотелось отодвинуться, но он сдержался, и тут его внимание привлекли лежавшие на земле рядом с Тельновым размером с ладонь дощечки. На них было что-то нарисовано, сначала он не разобрал, но через секунду понял, что это были иконки, видимо на продажу. Он всмотрелся в них и увидел, что на всех был изображен святой, один и тот же, с одной поднятой вверх рукой, в которую был вложен меч.

– Святитель Николай, Александр Петрович! Тот самый! Помните?

– Как не помнить! – не вдумываясь, ответил Александр Петрович.

– Купите, недорого отдам! Хоть бы одну.

Адельберг почувствовал, что в его горле встал ком.

– Вы!.. – Он не мог вспомнить имени и отчества. – Когда вы... последний раз... ели?

– Кузьма Ильич, с вашего позволения! – угадал Тельнов. – Я не в претензии на вас, Александр Петрович! Столько времени прошло, как казачков-то!.. Могли и запомнить! – прошепел Тельнов сухими губами и не ответил на вопрос.

– Вы когда последний раз... ели, Кузьма Ильич? – Адельберг спрашивал и не слышал своего голоса...

– Так что же? Александр Петрович, купите?

– Да, да! Конечно! – сказал он и тут же всё понял. – Вы застали меня врасплох. Давайте-ка я заберу вас отсюда.

Тельнов тускло моргнул покрытыми белёсой пленкой глазами.

– Куда же вы со мной? Вам ведь рядом-то и стоять невозможно. Сейчас они на вас бросятся, обчешетесь и проклянут меня, как нечистого.

– Кузьма Ильич, вы так говорите, – Адельберг сделал над собой усилие и, несмотря на ужасный запах, исходивший от Тельнова, остался на том же месте, – будто я на этой земле первый день живу. Идите сейчас же в баню, вот вам деньги. Там с вами справятся, вы не первый. Обстригайтесь наголо. А я пока схожу домой и принесу вам кое-что из одежды. Сейчас час полудни, через полтора часа я вас буду ждать у выхода.

Тельнов кисло скосил глаза набок:

– А их куда?

– Так если вы мне их продали... я заберу их с собой, – твёрдо сказал Адельберг.

Через три часа, наголо обритый, только с одними чёрными усами на лице, Тельнов сидел в комнате. Он зябко кутался в белую простыню и наброшенное поверх ватное одеяло и оглядывался по сторонам. Комната была с низким деревянным потолком, маленьким окошком, чистой длинной лавкой и непокрытым дощатым столом. В углу под потолком, на полке с белой кружевной, свисающей углом вниз салфеткой стояли образа.

С парящим чайником в руках вошёл Адельберг:

– Ну как? Сняли с вас мерки?

– Премного вам благодарен, Александр Петрович, – сказал Тельнов, – уж и не знаю как...

– Полно, Кузьма Ильич, полно! Не из царского гардероба, – перебил его Адельберг и стал разливать по стаканам кипяток. – Поведайте-ка лучше, что с вами приключилось.

– Да-а!.. – Тельнов потянул носом, от парящих стаканов пахло смородиной и ещё чем-то лесным. – Пошло, понимаете ли, поехало... Мм... как пахнет хорошо... Сколько же мы с вами не виделись, можно сказать, до сего дня... – Обеими ладонями Тельнов обнял горячий стакан и стал их рассматривать. – Чистые! Уже и запомнил!..

Он покачал головой и, отвечая на просьбу Александра Петровича, начал с большими паузами вспоминать:

– А я... знаете ли... незадолго до тех, мёртвеньких... был назначен к Александру Васильевичу телеграфистом. С ротмистром Князевым, его адъютантом, в особняке Верховного в Омске мы жили через стенку, такая, знаете ли, дощатая перегородка, разделяющая комнату на две половинки. Его дверь была сразу перед лестницей, точнее, под лестницей, которая вела наверх, в спальню Александра Васильевича, а моя, с дубликатом аппарата, выходила в столовую и кабинет Верховного, чтобы удобней было, если сообщение поступало ночью и надо было, знаете ли, срочно доложить. Верховный тогда часто болел: лёгкие у него были застужены и кости ломило, поэтому иногда он ночевал прямо в кабинете.

Тельнов задумался, глядя на поднимающийся из стакана пар; Александр Петрович его слушал, не перебивал, а сам думал...

– Я, знаете ли, – вывел Тельнов собеседника из задумчивости, – уважаемый Александр Петрович, человек от озверения и садизма далекий. Помните тех казаков? Уральцев! Я потом ещё долго, вспоминая их, сознание почти терял, разум мутился. Я ведь человек сугубо штатский, вырос на Воздвиженке, рядом с университетом, в Москве, сживал там, на разных чтениях, и в кружки ходил. Не подумайте чего, упаси бог! Не революционные! Знаете ли, вслух Фёдора Михайловича читали и Льва Николаевича. Поэтому всё, что связано со смертью и болью человека, мне самому невыносимо больно. Не могу я на это смотреть. А тут хоронить!.. А ещё один, в угольном сарае, из тех... вы помните... то ли отогрелся, то ли... да, знаете ли... и пальцами стал шевелить... Вы-то отбыли...

Тельнов задумался.

– Мне только потом сказали, что замороженные, когда отходят, у них мышцы то ли сокращаются, то ли растягиваются... Долго они меня не отпускали, эти казаки. Думал, умом тронусь. Но видать, Господь отвёл! – Тельнов перекрестился на образа и как-то вдруг заёрзал на лавке, оглядываясь и как будто что-то ища. – Александр Петрович, а где...

– Что?

– Николай-то наш, святитель?

В это время со скрипом отворилась дверь и в комнату шумно вошла хозяйка дома, нестарая, крепкая, приятной наружности женщина. В руках она несла сорочку и брюки; в её плотно сжатых губах были две иголки с вдетыми в них белой и чёрной грубыми нитками.

– Марьюшка! – окликнул ее Александр Петрович.

Женщина оглянулась:

– Я принес свёрток газетный, где он?

– У печки стоит, где ж дровам-то еще быть...

Она не успела договорить, Кузьма Ильич, как был в исподнем, скинул с себя одеяло и, насколько ему позволяли его слабые силы, выскочил из комнаты.

– Помоги ему, Марьюшка! Он ведь не знает, откуда ты печку топишь, – с улыбкой сказал Александр Петрович.

– Как прикажете! – спокойно ответила она, бросила вещи на лавку и вышла следом за Тельновым.

Через минуту Тельнов сидел на прежнем месте и, склонившись над столом, раскладывал иконки. Рядом, тоже склонившись, их с интересом разглядывали Александр Петрович и хозяйка дома. Дрожащими пальцами Кузьма Ильич перекладывал дощечки, их было шесть, и на всех был изображён один и тот же сюжет – святой в правой руке держит меч, а его левой руки на иконке нет.

Александр Петрович и Марья переглянулись.

Тельнов из всех выбрал одну – она была толще, чем остальные. Он взял со стола нож и подковырнул дощечку сбоку так, что она распалась на две плоские половинки. В тыльной половинке, изнутри, было сделано небольшое квадратное углубление, в котором лежал плотно,

в несколько раз сложенный лист бумаги. Тельнов оглянулся на своих собеседников, заглянул им в глаза, вытянул шею и кивком пригласил к этой бумажке:

– Самое ценное, что у меня есть! Слушайте, господа! Это я переписал письмо святейшего Александру Васильевичу!

Марья глянула на Александра Петровича:

– Колчаку!

– Я вам зачитаю! – торжественно сказал Тельнов, выпрямил спину и начал: – «Как хорошо известно всем русским и, конечно, Вашему Высокопревосходительству, перед этим чтимым всей Россией Образом ежегодно 6 декабря в день зимнего Николы возносилось моление, которое оканчивалось общенародным пением «Спаси, Господи, люди Твоя!» всеми молящимися на коленях. И вот 6 декабря 1917 года, после Октябрьской революции, верный вере и традиции народ Москвы по окончании молебна, ставши на колени, запел: «Спаси, Господи...» Прибывшие войска и полиция разогнали молящихся и стреляли по образу из винтовок и орудий. Святитель на этой иконе был изображен с крестом в левой руке и с мечом в правой. Пули изуверов ложились кругом святителя, нигде не коснувшись Угодника Божия. Снарядами же, вернее, осколками от разрывов была отбита штукатурка с левой стороны Чудотворца, что и уничтожило на иконе почти всю левую сторону святителя с рукой, в которой был крест. В тот же день, по распоряжению властей антихриста, эта Святая икона была занавешена большим красным флагом с сатанинской эмблемой, плотно прибитым по верхнему, нижнему и боковым краям. На стене Кремля была сделана надпись: «Смерть Вере – Опиуму Народа». На следующий год, в 1918-м 6 декабря, собралось множество народу на молебен, который, никем не нарушаемый, подходил к концу! Но когда народ, ставши на колени, начал петь «Спаси, Господи!», флаг спал с образа Чудотворца. Аура атмосферы молитвенного экстаза не поддаётся описанию! Это надо было видеть, и кто это видел, он это помнит и чувствует сегодня. Пение, рыдание, вскрики и поднятые вверх руки, стрельба из винтовок, много раненых, были убитые... и... место было очищено. На следующее раннее утро, по Благословию Моему, образ был сфотографирован очень хорошим фотографом. Совершенное Чудо показал Господь через Его Угодника Русскому народу в Москве в 1918 году, 6 декабря. Посылаю фотографическую копию этого Чудотворного образа, как моё Вам, Ваше Высокопревосходительство, Александр Васильевич, благословение на борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом Руси. Прошу Вас, усмотрите, досточтимый Александр Васильевич, что большевикам удалось отбить левую руку Угодника с крестом, что и является собой показателем временного попрания веры православной... Но карающий меч в правой руке Чудотворца остался в помощь и Благословение Вашему Высокопревосходительству в Вашей христианской борьбе по спасению Православной церкви в России».

Когда Тельнов закончил читать, в комнате несколько минут стояла полная тишина. Потом он поднял указательный палец, снова вытянул шею и торжественно сказал:

– Я помню, как адмирал, прочитав письмо патриарха, сказал: «Я знал, что меч государства – это пинцет хирурга или нож бандита... А теперь я знаю!!! Я чувствую, что самый сильный меч – меч духовный, который и будет непобедимой силой в крестовом походе против чудовища насилия!»

Тельнов протянул Александру Петровичу одну из иконок:

– Вот, Александр Петрович! Увеличенная фотография святителя Николая была преподнесена адмиралу Колчаку в Перми, практически в моём присутствии. Народу было! При большом, знаете ли, собрании народа!.. И даже эти предатели были, иностранцы. Союзники! На задней стороне иконы, этого не все могли видеть, была сделана надпись: «Провидением Божиим поставленный спасти и собрать опозоренную и разорённую Родину, прими от православного града первой спасённой области дар сей – Святую икону Благословения патриарха Тихона. И

да поможет тебе, Александр Васильевич, Всевышний Господь и Его Угодник Николай достигнуть до сердца России – Москвы»...

Адельберг и Мария слушали Тельнова, тот продолжал:

– Приказ Верховного вывести войска на центральную площадь в Перми начинался со слов, я их помню наизусть: «По случаю вручения патриархом Всея Руси Тихоном иконы святителя Николая Верховному правителю России Колчаку...» Утром на Соборной площади было много народу, пришли именитые горожане, обыватели, стояли войска, кавалерия и пехота, все ожидали выхода патриарха и Верховного. Площадь была накрыта, как саваном, морозным туманом. Солнце, знаете ли, позднее, зимнее, ещё только розовело, как сейчас это вижу – край неба над крышами домов, и пробивалось эдакими лучами, косыми, между главками собора...

Кузьма Ильич рассказывал, глядя в тёмный угол между стенами и потолком, и водил руками:

– Над людьми и лошадьми пар поднимается и оседает белой пылью на воротники, шапки, платки шерстяные – вот как у Марии! Тишина стояла! Только и было слышно позвякивание сбруи конской и дыхание обожжённых морозом носов, мокрых...

Кузьма Ильич хихикнул, а слушавшая его в ошоломлении Мария перекрестилась.

– Со стороны казалось, что вся площадь с окружающими её домами, собором, людьми и всем, что движется, знаете ли, и не движется, залита прозрачной, холодной, застывшей массой, в которой, кроме поднимающегося пара, всё затихло и замерло. И колокол ударил... – Тельнов говорил. – С первым ударом раскрытый вход собора как бы всосал, знаете ли, воздух внимания всех находившихся на площади, и гул... её накрыл... – Он помолчал. – А помните, Александр Петрович, как на ступеньки собора вышли святейший и Александр Васильевич и как вынесли икону?

– Увы, Илья Кузьмич...

– Кузьма Ильич, с вашего позволения...

– Виноват, Кузьма Ильич, но меня тогда в Перми не было.

Когда Тельнов наконец умолк, Марья тихо охнула, прикрыла ладонью рот и перекрестилась на его иконки.

– Я потом его переписал, это письмо, – без всякого перехода продолжал Кузьма Ильич, разглаживая на столе листок. – Взял две доски, размером с оригинал, поставил их на клинья и маслом переписал святителя таким, каким он был на фотографическом снимке. Александр Васильевич, когда увидел, даже похвалил меня за хорошее письмо. Я, правда, хотел восстановить и левую руку с крестом. Я и сейчас хорошо помню эту икону и на Никольской башне, и в доме Верховного, жил-то рядом... Сама икона, то есть фотография, в кабинете была у него...

Марья снова с удивлением посмотрела на Адельберга, тот покачал ей головой: мол, не перебивай, но Тельнов надолго замолчал. Видно было, что он сильно переживает всё то, что ему пришлось вспомнить, возвращение в прошлое давалось ему тяжело, он замолкал, потом начинал заикаться и опять замолкал, пытаясь привести в порядок мысли и дыхание.

Адельберг слушал Кузьму Ильича и много вспоминал сам, но некоторые подробности вызвали у него удивление и сомнение. Ему приходилось подолгу отсутствовать, уезжать к местам боевых действий, проводить явки с агентурой вдалеке от штабов, но он был в курсе событий, происходивших в Ставке Верховного; поэтому он не мог не знать о приезде патриарха; фамилия ротмистра Князева мелькала, но в Ставке в качестве адъютанта Верховного он, по крайней мере на его памяти, так и не появился. Адельбергу, когда он слушал Тельнова, иногда казалось, что он даже видит всё то, что описывает телеграфист, очень зримо, и у него складывалось такое впечатление, что он сам был свидетелем происходивших в рассказе Тельнова событий, но на самом деле многого из того, что тот рассказывал, в действительности не было.

Он посмотрел на старика. Тот сидел у стола боком к подслеповатому окошку, в контрастном свете, от этого его лоб казался совсем белым, а под глазами залегли глубокие чёрные впадины и морщины, и спина сливалась с чернотой угла.

– А вы?.. Когда вы расстались с адмиралом?

Тельнов вздрогнул:

– Я-то? В Нижнеудинске, когда его взяли под охрану чехи, разогнали конвой и передали этому, Чудновскому.

– А дальше?

– А дальше? А что дальше? Дальше я остался на станции, потом подошёл Молчанов с воткинцами, я был придан штабу Войцеховского, опять телеграфистом, только без телеграфа, вот и всё «дальше»!

– Но как-то же вы, Кузьма Ильич, попали сюда, в Благовещенск.

– А-а! Ну это известно – как! Дальше мы подошли к Иркутску и были готовы наступать, потом пришла телеграмма от чехов, что этого делать не следует, потом стало известно, что Верховного расстреляли, потом мы обошли Иркутск и вышли на Ангару...

– Вы тоже переходили через Байкал?

– А как иначе? В авангарде, в составе Боткинской дивизии. Я ехал в санях рядом с гробом Владимира Оскаровича.

«Господи! Если верить Михаилу, мы ехали рядом, и Тельнов меня не узнал!»

– А кто сопровождал гроб?

– Вырыпаев Василий Осипович. Совсем больной. Переболел сыпным, брюшным и возвратным, почти совсем ослеп. Мои сани несколько раз уносило ветром, лошади на ногах не держались, раз в трещину попали... Однако же дошли, как видите.

– А подробнее!

– А что подробнее?

– Как перевозили Владимира Оскаровича?

– Вы имеете в виду гроб?

– Да!

– Как вам сказать! Тяжело перевозили! Их конь упал, скользко было, и не могли поднять. Подъехал к ним детина, чёрный такой, заросший, весь в бороду ушёл, подпряг к ним своего сибирячка, махонького, думали, не утянет. Ничего, взялся, и бодренько так, как ломовая лошадь... Так до Мысовой, знаете ли, и докатил.

– А как его звали?

– Коня?

– Да нет! Детину!

– Не знаю, не до того мне было...

– А дальше?

– А дальше Мысовая, на том берегу Байкала, потом Чита, там хоть передохнули и отъелись... – Тельнов помолчал. – Никогда не забуду, как выкапывали генерала Каппеля из могилы... – Он поднял глаза на Марию. – Крестись, Марьюшка, крестись! Его глубоко похоронили, в мерзлоту, а как открыли гроб, так он весь как посеребрённый лежит, в инее, и целёхонький совсем... Потом, в конце октября, когда красные надавили, попал в засаду, когда наш бронепоезд расстреляли, отстал от своих, оказался в тылу красных, назад пробиться не смог, и погнала меня судьба на восток. Вот так я здесь и оказался, уже полгода...

Тельнов, закутавшись в одеяло, сидел и остановившимся взглядом глядел в одну точку перед собой. Он держал в обеих руках остывший стакан и немного раскачивался взад и вперёд.

«Образа!.. Икона Николая Чудотворца с отбитой рукой... Эти дощечки, их так много...» – думал Александр Петрович.

– Кузьма Ильич, – тихо позвал он.

Тельнов не услышал.

– Кузьма Ильич, – так же тихо ещё раз позвал он.

Марья с удивлением посмотрела на Александра Петровича, потом на Тельнова.

Тот не реагировал.

– Кузьма Ильич! – в третий раз позвал Александр Петрович.

Тельнов вздрогнул, медленно поднял голову и застыл. Он смотрел, никого не узнавая, не узнавая и комнату, в которой находился; и тут Адельберг увидел, что по морщинистым щекам Кузьмы Ильича текут слёзы и впитываются в чёрные усы.

Адельберг хотел ему возразить, что патриарх Тихон в Пермь не приезжал, а то как бы он мог об этом не знать, но, глядя на слёзы старика, понял, что этого сейчас вовсе не нужно.

«Не в себе!» – подумал он про Тельнова.

Глава 3

Мария стояла около дверей городского статотдела и от нетерпения переминалась с ноги на ногу. Было шесть часов вечера, и она ждала своего постояльца.

Адельберг вместе с сослуживцами вышел из здания, увидел Марию и направился к ней. На его вопросительный взгляд она ответила:

– Сегодня, как стемнеет, к вам придёт человек.

– Хорошо, ступай. Я скоро буду.

* * *

Александр Петрович сидел у стола в свете керосиновой лампы и читал газету. С улицы слышались шаги по деревянному настилу, который был положен от калитки и до двери дома.

– Марьюшка! Пойди встретить человека. Может, это... – сказал в открытую дверь Александр Петрович и тут же обратился к сидевшему в углу Тельнову: – Кузьма Ильич, окажите любезность! Если это люди, которых мы ждём, дабы их не смущать, побудьте вместе с Марьюшкой, помогите ей по хозяйству. Люди эти очень осторожные, может и сорваться.

– Не извольте беспокоиться, – с готовностью встал с лавки Тельнов, запахнул вокруг пояса Марьян толстый шерстяной платок и вышел из комнаты.

Через минуту Мария впустила молодого китайца.

Тот поклонился и сказал:

– Моя еси Антошка Чжан! Быстро дело говори, моя уходи!

Однако Александр Петрович не торопился. Он медленно сложил газету, не спеша вернулся к китайцу, степенно огладил отпущенную в Благовещенске бородку и после некоторой паузы, не приглашая его сесть, переспросил:

– Чжунго дэ синмин – Чжан, чжэйга во миньбай! Даныпи, вэй шэнмо ни цзяо Антошка?

Китаец не ожидал такого оборота, что его будут спрашивать, почему он китаец – Чжан, а по имени – русский Антошка; от неожиданности он ещё раз поклонился, открыл рот и ничего не сказал.

– Садись! – медленно произнес Александр Петрович и после некоторой паузы добавил:

– Антошка! Я слышал, ты в Китае давно не был. Почему?

– Моя нельзя Китай ходзи! Японса!.. – И показал ребром ладони, как перерезают горло.

– Что так? – спросил Александр Петрович.

Антошка немного поёрзал на лавке, смущённо помолчал и сказал:

– Моя японса землю копал, дасыла... – и ещё раз провёл ребром ладони по горлу.

– Убил и закопал. Понятно. Ну это ваше дело! А разве в Китае сейчас много японцев? – притворно удивился Александр Петрович.

– У-у! Многа! – воскликнул Антошка и замахал руками. – Его Сахалян японса многа! Волосы стриги – хозяин, гостиница – хозяин, аптека – хозяин, магадзин – хозяин многа. Везде многа! Дзенги многа! Всё знает!

– А за что ты их так?

– Моя исё увизу, убью! Она моя блатка убил, делевня зог, всех убил! Тамадэ!

– Ладно, не ругайся! Я тебя не за этим искал!

– Моя знай, зацем твоя искала! Сколько дзеньги и какой дзень?

– Я готов сейчас, но нас будет двое!

– Двои плохо! Моя лодка маленький. Дзеньги два лаз!

– Хао! Кэ и! – согласился Александр Петрович.

Антошка ещё раз с уважением и удивлением посмотрел на него, встал, поклонился и, кивнув в сторону кухни, сказал:

– Ни дэн и ся! Во дуй Маша шо!

– Хорошо, я немного подожду! А Маша-то тебя поймёт?

В ответ Антошка только широко улыбнулся.

Через минуту после того, как китаец ушёл, в комнату зашёл Кузьма Ильич и Марья, у обоих на лице было удивление.

– Что вы на меня так смотрите? Я с ними до войны почти три года... работал. – И добавил: – Марьюшка, соберай нас в дорогу!

Глава 4

Александр Петрович, следуя за китайцем-боем, поднялся на второй этаж гостиницы «Сибирь», остановился у двери 23-го номера и постучал. Дверь открыла высокая стройная русская женщина с гладко зачёсанными, светлыми, кудрявыми на висках волосами.

Адельберг представился, и она мягким жестом пригласила его войти.

– Прошу! Располагайтесь! – сказала она и показала на кресла у окна рядом с низким китайским резным столиком тёмного дерева, на котором лежали коробка с сигарами, курительные принадлежности, стояли ваза с фруктами и бутылка французского коньяку. – Сергей Афанасьевич скоро освободятся!

Адельберг сел в кресло, взялся за сигарную коробку, открыл её и закрыл. Он переправился из Благовещенска в Сахалян всего несколько дней назад, не успел толком оглядеться, как вдруг был оповещён о том, что его приглашает на разговор атаман Лычёв. О чём мог быть этот разговор, он мог только догадываться.

Сидя в кресле, он стал осматривать комнату.

Комната была большая, светлая: два высоких окна были занавешены короткими тюлевыми занавесками и тяжёлыми, со шнурами и кистями, коричневыми атласными портьерами с рисунком в стиле Людовика Шестнадцатого. Между окнами стоял будуарный столик, над которым висело зеркало хорошего качества в резной деревянной раме с перламутровыми накладками. В правой от окон боковой стене была дверь, видимо в соседнюю комнату. С противоположной стороны, упираясь в изразцы голландской печи с чёрными чугунными дверцами и начищенной до зеркального блеска медной круглой выюшкой, стоял бархатный диван русской работы, с высокой спинкой, с узким зеркалом и круглыми валиками по бокам; на полу лежал толстый, мягкий китайский шёлковый ковер. Мебель, занавески, салфетки, множество расставленных по комнате китайских фарфоровых, костяных и бронзовых безделушек, на стенах картины маслом и несколько офортов – всё было хорошо, со вкусом подобрано и находилось в полной гармонии и порядке. На всём лежал отпечаток домашнего уюта, чувствовалась хозяйская, женская забота. У Александра Петровича вдруг защемило на сердце и захотелось курить, он заставил себя отвлечься от созерцания обстановки и вспомнил женщину, которая

открыла ему дверь и пригласила войти: молодую, красивую, одетую в городскую белоснежную, приталенную, с воротничком стоечкой, отутюженными рукавами и буфами на плечах блузку и широкую, в складку, фиолетовую юбку. У неё был гладкий зачёс и тяжёлый узел волос, показавшийся забранный на затылке в маленький шёлковый чехол. Он видел таких – амурских казаков в Благовещенске, с такой же статью, хотя и одетых попроще. От этой женщины и всего того, что сейчас было перед ним, веяло забытой домашней жизнью.

Александр Петрович встал из кресла и подошёл к зеркалу. Он был причёсан и чисто выбрит, но всё остальное плохо вписывалось в обстановку комнаты: на нем была тёмно-синяя косоворотка, старый чёрный пиджак рабочего с городской окраины и шерстяные брюки, заправленные в короткие смазные сапоги, – это был его костюм. Потёртое на рукавах и плечах, подбитое ватой пальто с бархатным воротником он оставил в гардеробе гостиницы: «Если не бриться и зарости под самые глаза, и картузик натянуть какой-никакой, приказчиком из скобяной лавки мог бы вполне... представиться».

Он ещё раз оглядел комнату.

«Сколько же лет я не был в такой обстановке... где не пахнет ни войной, ни тайгой!» – с тоской подумал он, подошёл к окну и упёрся кулаками в подоконник.

Гостиница «Сибирь», где он сейчас находился, стояла в середине второй от берега параллельной Амуру улицы китайского города Сахалина, и из её окна был виден советский Благовещенск. Александр Петрович смотрел на него: он разобрал купола собора и острые шпили крыши магазина Кунста и Альберса, вон на середине дороги к пассажирскому дебаркадеру высится Триумфальная арка; баржи и лодки облепили пристань и берег, вот пограничный сторожевой монитор «Яков Свердлов», постоянно стоящий на якоре прямо на амурском фарватере и пускающий по ветру едкую тонкую струйку угольного дыма. По набережной ходили и ездили люди, конные упряжки и редкие автомобили, а вон между зданиями виден забор городского рынка.

Несколько дней назад, только со второго этажа благовещенского статотдела, он точно так же смотрел на Сахалин, видел крышу гостиницы «Сибирь» и не думал, что попадёт в неё и будет смотреть на Благовещенск. Ощущение мира и спокойствия, которое исходило от обстановки в комнате и от женщины, открывшей дверь Александру Петровичу, было непривычно и не похоже на совсем недавнюю, прежнюю жизнь; поэтому казались сном видневшиеся через реку в полуверсте: советский берег, Благовещенск, статотдел, совгражданин Александр Петрович Кожин, прапорщик царской армии нищий Тельнов... Александр Петрович глянул вниз – на улице перед гостиницей стоял Кузьма Ильич: «Интересно, а что он делает под окнами, этот глупый старик! Я ведь просил его сидеть на постоялом дворе и ждать меня...»

Лычёв вошёл через бесшумно открывшуюся боковую дверь. Он был в скромной солдатской гимнастёрке защитного цвета с золотыми, шитыми зигзагом генеральскими погонами русской императорской армии и в чёрных галифе с леями и жёлтыми лампасами.

Адельберг обернулся, и атаман спросил:

– Что там такого интересного, уважаемый Александр Петрович? Вы ведь только что оттуда! Или не верится? Понимаю, понимаю. – На правах хозяина Лычёв подошёл и протянул руку. – Как добрались?

– Благодарю вас, ваше высокопревосходительство, но пока ещё не добрался, – конечным пунктом моего маршрута является Харбин.

– Ну как же, как же, Александр Петрович! Как же! Осведомлены! Однако прошу вас, давайте без чинов!

– Хорошо, Сергей Афанасьевич! Без чинов так без чинов! Тогда разрешите полюбопытствовать, чем обязан таким вниманием к моей скромной персоне?

Лычёв пригласил гостя сесть в кресла рядом с курительным столиком, открыл коробку, достал сигару и щёлкнул её кончик серебряным резаком.

– Такая глушь, уважаемый Александр Петрович, а табак настоящий – Гавана! Всё-таки молодцы!.. Оборотисты эти, черти косоглазые! Не успеешь глазом моргнуть, война не война, всё доставят. И извольте заметить, всё настоящее! Если коньяк, то французский; табак турецкий или вирджинский! Или вот, – Лычёв покрутил сигару, – кубинский! А уж наши дамы в этом захоlustье! Если чего-нибудь нет в Сахалине или Фугдине, можно заказать в Харбине, на крайний случай в Тяньцзине или Шанхае, и вам всё привезут в лучшем виде!

Он, обкуривая кончик сигары, говорил спокойным голосом и покачивал ногой, обтянутой глянцевым голенищем лакированного сапога.

– Что на той стороне? Что нового в Советах? Вы ведь служили у них по ведомству статистики?

– Да, уважаемый Сергей Афанасьевич! – не проявляя удивления, подтвердил Адельберг. – По ведомству статистики! Однако подробностей рассказать не могу, потому что особо не интересовался. Надеюсь, вам понятно, по какой причине.

Лычёв качнул ногой, густо выдохнул дым, помолчал и постарался скрыть недовольство, вызванное независимым поведением гостя.

– А можно всё же полюбопытствовать, полковник, что это за причины? На мой взгляд... – Он сделал задумчивый вид. – Да вы курите, или вот коньяку, – он протянул руку к бутылке, но Адельберг отказался, – понять, что происходит вокруг, а особенно в лагере противника, всегда полезно, не так ли? А тем более когда собираешься возвращаться к своим!

– Вы, без сомнения, правы, но в моём положении проявлять любопытство было опасно, а потом, то, что происходит в Дальневосточной так называемой республике, и без того достаточно понятно.

– И что же?

Разговор и тон Лычёва начали раздражать Адельберга, однако его надо было довести до конца, и не было никаких резонов входить в контры на первых же шагах, тем более что теперь было уже приблизительно ясно, к чему ведёт атаман.

– Сергей Афанасьевич! Советам в самое ближайшее время надо, первое, разобраться с нами! Я надеюсь, вы понимаете, о чём я говорю! А дальше, если это им удастся, оглядеться вокруг и начать строить новое государство – более сильное, чем было у нас...

– И какие у них для этого имеются возможности?

– Это вопрос непростой, и вряд ли сейчас кто-то сможет дать на него правдивый ответ. Это будет зависеть от многих причин, в том числе и от нас с вами.

– Поясните!

– Вероятно, борьба большевиков за своё господство на этом не закончилась!

– Ну что ж! Я думаю, вы правы! – с прояснившимся лицом сказал атаман. – Об этом я и хотел с вами поговорить.

– Весь внимание!

– Господин полковник, как видите, и мы тут сложа руки не сидим!

Адельберг согласно кивнул, вспомнив вопрос Лычёва о его работе в благовещенском статотделе.

– Я со своими казаками обеспечиваю весь прикордон по Амуру от Сахалина и до Хабаровска. Есть силы, оружие, амуниция, налажено снабжение, есть поддержка союзников. Здесь у нас тихо, но только здесь и сейчас. А там, – сказал Лычёв и махнул рукой в неопределённом направлении, – в районе Владивостока, там всё только должно начаться. Кстати, все остатки армии Владимира Оскаровича, – каппелевцы, как они себя называют, стоят в Приморье, и вот-вот... Я не знаю, что вас держало в Советах, но, если вы хотите поспеть к событиям, вам надо поторопиться...

При упоминании о союзниках Адельберг неприязненно поёжился.

– Мне известно, Александр Петрович, что вы сопровождали эшелон с золотом, кстати, какова его судьба? Может быть, мы знаем не всё?

Адельберг внимательно посмотрел на Лычёва.

– Мой вопрос вызван тем, – продолжил тот, – что при всех достоинствах, которые у нас имеются, средств не хватает... Но самое главное не это. Нам не хватает опытных офицеров. Слишком великой оказалась убыль офицерского корпуса на фронтах и в Ледяном походе. Таких, как мы с вами, единицы. У меня много храбрых и мужественных офицеров, но они только умеют лихо рубиться, то есть имеют боевую закалку, и мало у кого из них хорошие знания, особенно по разведывательной части. – Лычёв замолчал и испытующе посмотрел на Адельберга.

– И что вы предлагаете? – спросил тот.

– Я думаю, вы должны догадываться, что на вас рассчитывают не только как на опытного боевого офицера, но и как на специалиста в делах разведки. Хотя, если есть желание, можете взять пару сотен моих казаков и пройти по «красным тылам», особенно в тех местах, которые вы хорошо знаете!

– Ваше высокопревосходительство! Сергей Афанасьевич, – после некоторой паузы сказал Адельберг, – я догадывался, что мне ещё будет предложено послужить, и это справедливо! Однако сейчас я имею единственное намерение – добраться в Харбин к семье, а после этого можно будет о чём-то разговаривать. Пока это всё, что я могу вам ответить!

– А что всё-таки случилось с вашим литерным эшелоном?

– Это надо спросить у чехов.

– Сколько же там было ценностей?

– Несколько ящиков со слитками, по-моему четыре, и три саквояжа с другими ценностями. У меня не было полной описи имущества, была только расписка в получении под охрану.

– А в каких числах вас перехватили чехи? Или арестовали!

– Ваше высокопревосходительство, это допрос? – Адельберг приготовился встать.

– Конечно нет, господин полковник, однако обстоятельства, согласитесь, любопытные, тем более что после 5 февраля 1920 года вас, барон, никто не видел до самого вашего прибытия несколько недель назад в Благовещенск, да ещё и с поддельными документами.

Понимая, что его участие в разговоре с атаманом далее бессмысленно, Адельберг вытащил хронометр и открыл крышку.

– Какая любопытная вещица, – неожиданно заинтересовался Лычёв, – знакомая!

Адельберг удивлённо посмотрел на него.

– Я видел уже такой редкий хронометр. И знаете у кого?

– У кого?

– У его высокопревосходительства генерала Мартынова.

– Евгения Ивановича? При каких обстоятельствах?

– При известных! В 1910 году, когда он принимал округ, я был ему представлен как призёр окружных скачек.

– Кажется, припоминаю! Вы тогда были сотником...

– 1-го казачьего полка на восточной линии!

– И они вам памятливы?

– Они памятливы всем, кто принимал участие в ристалищах. Он лично по этому хронометру засекал время.

– Как же! Как же! Потом, в апреле пятнадцатого года, вы с округом прибыли в Галицию, на Юго-Западный...

– Да, в 8-ю армию к...

– Алексею Алексеевичу Брусилову...

– Перешёл к красным... слышали?

– Слышал, но не верю!

– А как же его письмо к нам, офицерам, с призывом переходить на сторону красных?

– И тем не менее!

– Как-то всё это прискорбно! – Лычёв, гася сигару, плашмя размял её в пепельнице. – Лучшие герои, можно сказать, рыцари российского воинства, а... А знаете, что произошло с генералом Мартыновым?

– Знаю, что в самые первые недели Германской кампании он с пилотом аэроплана-разведчика попал в плен к австрийцам...

– Да-с, и сидел в плену вместе с Лавром Георгиевичем Корниловым. После окончания войны, точнее, после её прекращения большевиками вернулся и сейчас служит у них, «красным», так сказать, генералом.

Новость для Александра Петровича была ошеломляющей.

– Где же вы провели эти полтора года, что для вас такое – новость?

Адельберг захлопнул крышку часов.

– Хорошо, барон! Могу вам подсказать, что очередной караван до Цицикара отбывает завтра утром. Возвращайтесь в Харбин, повидайте семью, и не забывайте нашего разговора. Вероятно, увидимся в Харбине. Не смею задерживать! – сказал Лычёв, неопределённо хмыкнул, встал и, не подавая руки, повернулся к окну.

Адельберг вышел из номера, Лычёв оглянулся, посмотрел ему вслед и промолвил, не разжимая губ: «Гвардейская сволочь!»

Глава 5

Рано утром Адельберг и Тельнов покинули пропахший горелым маслом и пряностями китайский постоялый двор, дошли до городского рынка и устроились на одну из повозок большого торгового каравана, уходившего из Сахалина на юг на железнодорожную станцию Цицикар.

Пока шли на базар, Тельнов, то отставая, то перебежками догоняя Александра Петровича, бормотал себе под нос:

– Что это за названия такие, уважаемый Александр Петрович? Сахалин, с вашего позволения, понятно – это они переврали наш Сахалин, тоже далеко, чёрт-те где! А что такое Сисихар?

– Не Сисихар, а Цицикар! Это древнее маньчжурское, а не китайское название!

– А это... Ай... ху... тьфу, гадость, русскому человеку и произнести-то совестно!

– Это что вы такое сейчас сказали?

– Это название следующей после Сахалина остановки!

– Айхунь! – Александр Петрович вспомнил название населённого пункта; десять лет назад он их все знал наизусть. – Это деревня на берегу Амура, это на юг. Вы, Кузьма Ильич, голову себе ненужным не забивайте, а лучше позаботьтесь о наших припасах.

– Как это?

– Держите их при себе покрепче и не отпускайте ни при каких обстоятельствах.

– Что? Китайцы воруют?

– За китайцами такого не припомню, но наши это сделают с превеликим удовольствием! Сколько, вам сказали, караван будет идти до Цицикара?

– Почти четыреста вёрст!

– Да, это я ещё помню, а времени сколько?

– Сказали, что если всё будет благополучно, дай-то Бог, то дней десять!

– Ну что же, по сорок вёрст в день, через сопки и тайгу, с ночёвками! Это вполне реальные сроки!

Караван, состоявший из полутора десятков возов и телег, тронулся с места часа через два. Китайские и русские возницы долго бегали между возами, увязывали поклажу, договаривались с казачьим конвоем, слюнявили сальные денежные ассигнации и ударили хлыстами, уже когда утренняя прохлада стала переходить в июньскую жару.

На одной телеге с Адельбергом и Тельновым ехала русская семья, крестьяне, молодые муж и жена с грудным ребенком. Тельнов сразу завязал с ними разговор и был им занят все сорок вёрст, до самого Айхуня.

Накатанная дорога шла вдоль Амура по ровному берегу. Прошедшая ночь была беспокойная: то заедали насекомые, которых на постоялом дворе оказалось с избытком и на которых Кузьма Ильич не обращал никакого внимания и мирно посапывал, то наседали мысли, особенно после разговора с атаманом. Александр Петрович не стал пересказывать его в подробностях Тельнову и сильно выиграл, поскольку ему удалось избежать настойчивых расспросов старика. На душе было невесело.

Всё время, пока он жил в тайге с Мишкой одной лишь надеждой и представлением о том, каким может быть его возвращение в Харбин, он думал об этом иначе. Но несколько недель, проведённых в Благовещенске, всё то, что он услышал там за это время и ещё за несколько дней в Сахалине, свидетельствовало о том, что всё может быть не так благостно, как ему представлялось.

Дорога шла ровная, солнце пригревало, Александр Петрович то дремал под тихий разговор Тельнова с соседями, то просыпался. Когда он начинал дремать, ему очень хотелось увидеть Анну, он уже привык видеть её во сне, но сейчас она не приходила, вместо этого в голову лезла каша из услышанных разговоров: о том, что белые готовят наступление, о том, что они накопили силы во Владивостоке, что их поддерживают японцы, которые в Приморье тоже располагают немалыми силами, и вот-вот что-то должно начаться...

Сквозь дремоту он слышал, как скрипят возы, шлёпают по желтой, пыльной земле конские копыта, несколько раз ему показалось, что он слышал слово «гуран», но он не обращал на это внимания и снова погружался...

– ...гуран... – снова слышал он отчётливо.

Он проснулся, но не открыл глаза и прислушался.

– ...нас гуранами кличут, но мы семейские, старой веры люди... – говорил мужской голос.

Александр Петрович хмыкнул: «Знакомо!» Крестьянин что-то рассказывал Тельнову про их житьё-бытьё, однако Александр Петрович почти ничего не слышал, поскольку запищал ребёнок и перекрыл своим тянущим тонким голоском уже давно лившуюся на телеге беседу.

«Гуран! Знакомо!»

Он вспомнил Мишку. Последние несколько вечеров перед отбытием из зимовья прошли у них в разговорах. Александр Петрович долго не решался задать ему один вопрос, а уже когда его отъезд был твёрдо намечен, когда меха были проданы, деньги разделены и Мишка привёз ему городскую одежду, спросил:

– Михаил! Давно хотел тебя спросить...

– Почему я подобрал тебя, ваше благородие, два раза? Почему не бросил в Мысовой, почему не отдал красным? Так, что ли?

Александра Петровича всегда поражала его способность угадывать мысли: он мог себе объяснить это только долгим Мишкиным одиночеством в тайге, где Мишка сам с собою всегда разговаривал вслух.

– Да!

Они сидели за столом, невеликий скарб Александра Петровича был уложен в старый, потёртый, купленный Мишкой саквояж; тихо потрескивали дрова в печи, и неярко горели свечи.

– Да, Петрович, тёмная энта история. – Не глядя ему в глаза, Мишка стал набивать свою коротенькую трубку. – Тёмная энта история души моей. Совестно сознаться. Грех попутал! Думал, не спросишь!

Трубка раскуривалась плохо, пыхала и хлопала...

– Почистить бы надо! – сказал он, придавил пальцем табак, подождал, пока тот потухнет, встал из-за стола и выбил его на железный припечник. – По первости думал, что, может, ты золотишком, которое охранял, разжился, а потом понял, что не так это всё, и так стыдно мне стало перед тобой... А потом тебя сызнова кто-то кабудто под ноги мне подкинул, уже хворого. Так я и не думал ни о чём.

Он стал возиться с трубкой, Адельберг не перебивал его.

– Про то, што вагонами золото возют по всей железке туды-сюды, все знали. Про то, что растаскивают его помаленьку, тоже не секрет. Што чехи собираются всё энто красным передать, шоб те им проход дали, – и энто было известно... А вы себе шли и шли! А мы оставались! Вам энто золото было нужно на патроны да пушки, врага своего «красного» бить, хотя и проиграли вы уже всё, што только могли, – все свои войны! А нам – на порох да свинец зверя в тайге бить, да шоб хлебушка в неурожайный какой год прикупить, да мало ли для чево... Без денег оно сам знаишь!

Александр Петрович слушал, а Мишка расщепил лучину и стал подстругивать её ножом.

– ...чехи с твоим ашалоном как тебя зарестовали да засадили в каталажку, почитай, сразу и ушли, только караул оставили... я про то намерении услышал, а с утра ты и сам объявился! Чё было не подойти? Потом уж понял, што нету у тебя ничево, так не сгонять же тебя было с кошевы. Я, чай, не зверь! А дале Господь тебя под самые ноги так и подбросил, опять же не оставлять замерзать на льду ангарском. Да и Кешка энтот! – Мишка, не оставляя трубки и лучины, всплеснул руками и хлопнул себя по коленям. – Бедолага! Всем хорош мужик – а нету у него царя в голове. Охотник наипервейший, каженный выстрел – в цель! – Он затесал лучину и стал ею заталкивать в короткий чубук маленькие кусочки ветоши. – Рыбак! Нюхом чует, где рыба пасётся, а как пришёл с германской, чистый зверь, особливо до вашего брата, ахвицера. Вот так!

– А почему в Мысовой не сдал?

– А я и сам не ведаю. Вас на моих санях на Байкал-море трое оказалось, даже баба одна, да только я тех не знал. С-под них сани унесло, я их к себе и перетащил, а к тебе как вроде душой и притулился. И весь сказ!

– А про внучек рассказывал, что, мол, учить надо.

– Была думка в голове, врать не стану, чтобы поучительствовал ты у нас в деревне, покуда болеишь, да только общество отказало мне в сожительстве, сказывал уже. Потому сначала-та забрал тебя к себе, а потом куцы девать? Можно было, оно конечно, отправить тебя по весне, как окреп чуток, дак полуслепой ты был, посла тифу-то. Куда ж было отправлять тебя? На смерть верную? А знаишь, сколько Кешка тваво брата по тайге побил? Чисто зверь лютый! Вот и завелась в голове мыслишка.

– Какая?

– А как – какая? Што за власть пришла, как с ей жить; да и можно ли будет с ей ужиться? Власть – штука чижолая, с нею управляться надобно умеючи! А хто с ней управится? Кешка, што ли?

– А Ленин?

– Ленин! Сказал тоже! Он мужик головастый, эт понятно, таку страну на дыбы поднял, так он один, а Рассея, вона, от моря до моря! Кешке, што ль, с Серёгой – помнишь такого? – с ею управляться? Дак у Серёги ишо сопля к усу присыхаит, а как и вытрет, так по всей роже размажет. Вот я и подумал...

– О чём?

– Известно о чём! Пока ты в беспамятстве лежал, так в горячке всё поведал и про жёнку свою, и про сыночка, в Харбине, значит. Дак ежели я с энтой властью не слажу, дак куда ж мне деваться с дочкой да с внучками! Явлюсь к тебе в Китай, не прогонишь? Али как?

– А как ты думаешь?

Мишка прочистил трубку, посмотрел на Александра Петровича и промолчал.

Растянувшийся на полверсты караван, отбрасывая на протекавшую под самой дорогой амурскую воду долгие вечерние тени, втягивался в глиняную серую китайскую деревню Айхунь. Утомившийся от долгого разговора с попутчиками, Тельнов дремал, крестьянка-старовка, отвернувшись от всех, кормила грудью ребёнка, а её муж сорванной веткой отмахивал от неё гнуса.

В центре деревни располагались базар и постоянный двор, но места в нём не нашлось; предыдущий караван ушёл ещё не весь, и уже прибыл новый, поэтому желающих переночевать было много. Проснувшийся Тельнов расстроился по этому поводу, насекомые были ему нипочём, а Александр Петрович не расстроился, он ещё помнил свои мучения на постоялом дворе в Сахалине.

Караван стал располагаться. Возницы распрягли коней и за деньги доверили их казакам из конвоя увести на ночной выпас. Телеги и возы поставили кругом и в середине запалили большой костёр. К прибывшим потянулись из деревни китайские крестьяне, которые предлагали кашу из чумизы, мутноватую водку-ханжу, вяленую рыбу, печёную картошку; которые побогаче, звали к себе домой поесть варёного риса.

Уже смеркалось, огонь большого костра весело освещал деревню. Путь предстоял ещё долгий. Александр Петрович и Кузьма Ильич договорились, что, пока у них будут припасы, которыми они запаслись в Благовещенске и Сахалине и приготовленные им Марьей, постараться денег не тратить.

Они вышли из образовавшегося табора и расположились своим маленьким бивуаком на берегу Амура. Под деревней Айхунь Амур тёк с севера на юг, и солнце садилось у них прямо за спиной; место было равнинное, спокойное, река текла сплошным чистым стеклом; под невысоким берегом плескалась мелкая рыбёшка, крупная оставляла на воде длинные стрелы чуть дальше.

Кузьма Ильич посмотрел на воду и с грустью сказал:

– Эх! Сейчас бы с бредешком походить!

– Да-а! Бредешок! Не до него сейчас! Разведите, пожалуйста, огонь, а я схожу принесу картошки, – всё же горячее; завтра дорога будет не в пример тяжелее.

Адельберг ушёл и минут через десять вернулся, неся в руках два плетёных тростниковых кулька. Тельнов развернул большой белый, с цветами Марьин платок и раскладывал на нём снесь. Александр Петрович раскрыл кульки.

– Это что, картошка? – с удивлением спросил Кузьма Ильич, показывая пальцем на парящие розовые плоды, значительные по размеру, продолговатые и нисколько не напоминавшие привычную ему картошку.

– Не совсем, конечно, Кузьма Ильич. Это дедушка картошки – батат. Вы ешьте, нам сейчас записываться в гурманы совсем некстати, – ответил Александр Петрович и достал ханжу. – Выпьете?

– Увольте! – Кузьма Ильич, глядя на мутную бутылку, сделал брезгливую мину.

– Как знаете, а я выпью для сна, вчерашнюю ночь насекомые так и не дали заснуть.

Александр Петрович взял батат, разломил его поперёк, поверху разрезал ножом тонкую запёкшуюся корку и по разрезу разломил ещё раз – желтовато-розовая мякоть ещё парила.

– Давайте, Кузьма Ильич, давайте. Нам привередничать не пристало.

Кузьма Ильич взял предложенную ему четверть батата, немного откусил и, морщась, произнёс:

– Она... он сладкий!

– Не совсем сладкий, но сладковатый, а вы солью присыпьте. – И Адельберг строго посмотрел на старика. – Это Китай, привыкайте, мы тут надолго.

После ужина он попросил:

– Я развеселю костёр, а то мошка заест, и соберу остатки еды, а вы, Кузьма Ильич, вот вам котелок, сходите к китайцам и попросите у них кипятку, дайте им котелок и скажите «кай шуй», запомнили?

– А из Амура нельзя?

– Не рекомендую! Идите, Кузьма Ильич, идите! «Кай шуй», запомнили?

Кузьма Ильич повторил «кай шуй» и поплёлся к табору.

Только что стемнело, и было то самое время, когда день кончился прошедшим мгновением и началась ночь; когда сумеречный свет исчез, а темнота навалилась, и прошедший через эту границу огонёк даже потухавшего костра становился нестерпимо ярким, таким, что стоило от него отвернуться, и глаза любого человека на мгновение слепли. Адельберг взял платок поменьше и, прикрываясь от костра ладонью, стал собирать оставшуюся еду – второй батат лежал нетронутый.

«Ничего, привыкнет! Вспомни, как сам привыкал!»

Вдруг он услышал сзади быстро приближающиеся шаги, но не успел обернуться, как кто-то навалился на него со спины, придавил к подстилке и начал душить просунутым под горло локтем. Александр Петрович схватил валявшийся на подстилке нож и ударил им назад. Напавший охнул, быстро вскочил и, хромая на раненую ногу, побежал в ближайшие кусты. Александр Петрович успел глянуть ему вслед, сел и попытался раздышать передавленное горло, в голове мелькнула мысль: «Догнать!», но он не знал, сколько их там в кустах может оказаться ещё.

Через несколько минут вернулся Тельнов.

– Вот вам ваш «кай шуй», – сказал он и поставил парящий котелок. – А что с вами?

Александр Петрович сидел на коленях и держался за горло, вдруг он увидел нож, который лежал перед ним, с чёрным лезвием и чёрными пятнами под ним на белом Марьином платке.

– Что это? – спросил встревоженным голосом Кузьма Ильич.

– Это батат такие следы оставляет, – сдавленным голосом соврал он, взял нож и вытер лезвие об свои чёрные брюки.

– Как паслён? – Кузьма Ильич хихикнул. – Вот это еда! Представляете, какие у нас сейчас желудки, глянуть страшно – небось чёрные, как у негров! Знал бы, отговорил бы вас от этой картошки. А что вы вдруг засипели?

– Не знаю, что-то в горло попало.

– Ну тогда вот запейте это вашим «кай шуй»! Я правильно произнёс?

Горячая вода немного смягчила горло, шея ещё болела, Александр Петрович повёл головой и почувствовал, что воротник его косоворотки, правая щека и правое плечо пахнут махорочным перегаром.

«Свои!»

Он собрал побольше хворосту и всякого сушняка на берегу и бросил всё это рядом с костром.

«Однако и сегодня поспать вряд ли удастся! Что же это могло быть? Случайность? И кто это мог быть? Неужели люди Лычёва? Но зачем?»

Утром следующего дня они снова уселись на телегу – уставший после двух бессонных ночей Александр Петрович и бодрый и радостный Тельнов. Они заняли её целиком, без сосе-

дей, и двинулись в путь. Александр Петрович внимательно наблюдал за караванщиками, конвоем и пассажирами, но хромающего на правую ногу среди них не обнаружил. Он попросил Тельнова его не беспокоить, растянулся на поклаже во весь рост и с мыслью «Будь что будет» заснул.

Сон был хрупким, через дремоту ему всё время казалось, что вокруг происходят какие-то события: что рядом что-то громко лопается, падает, гремит, кто-то громко кричит, кто-то поёт, где-то играют на больших китайских инструментах. Он переворачивался с боку на бок, и тут же что-то начинало скрипеть, как продольная пила, которой на доски распиливают брёвна; или рядом прямо в ухо разговаривают; а то гремят колёса, и под гору летит телега, а параллельно, стуча на рельсовых стыках, «ноздря в ноздрю» с телегой летит паровоз и поглядывает на него – как-то победно. Александра Петровича это пугало, и он не понимал, где сон, а где не сон. Он открыл глаза. Несмотря на то что он проспал почти всю дневную дорогу, голова была тяжёлой.

Он огляделся. Вozy уже заводили вкруговую на небольшую поляну между сопками; тайга спускалась к поляне вплотную, и под сопками протекал ручей, к которому с ведрами ходили люди и зачерпывали воду. Посреди поляны горел большой костёр, от которого шло тепло. Тельнов сидел рядом на телеге и раскладывал еду.

– Проснулись, Александр Петрович! Вовремя! А я тут ужин готовлю. Хотел уже вас будить и идти подогреть, знаете ли, ваш батат!

Александр Петрович сел, потянулся и почувствовал, что шея ещё болит.

– Добрый день... вечер, Кузьма Ильич! Я всю дорогу проспал?

– Так и есть, Александр Петрович! И даже похрапывали! Так я пойду?

– Подождите немного, я схожу умоюсь!

– Конечно, конечно, Александр Петрович! Святое дело! Водичка в ручье ледяная, доложу я вам. Освежает!

Александр Петрович спустил с телеги ноги, присел разок для разминки и пошёл к ручью.

Караван распрягся, лошади шумно жевали сено, люди ходили то к костру, то к ручью и что-то варили в котелках, подвешенных на самодельных таганах; тихо перебрасывались словами; кто-то заворачивался в одеяла и пристраивался спать. Дневную жару сменила таёжная прохлада, и от котелков поднимался плотный бело-розовый в свете костра пар.

Александр Петрович дошёл до ручья, ополоснул лицо и руки и вернулся к телеге. Тельнов разложил еду, но не притрагивался к ней, пока не вернётся Александр Петрович.

– Я всё же успел немного разогреть батат, без горячего оно плохо.

Сначала ели в тишине, Тельнов быстро справился с бататом, густо присыпая его солью.

– А я вот всё думаю, Александр Петрович, где же мы всё-таки оказались, что это за Китай такой, знаете ли, что китайцев почти нет?

Голова была ещё тяжёлой, и разговаривать не хотелось, но любознательность старика надо было удовлетворить, в конце концов, он сам позвал его с собой, в эту неизвестную страну, с неизвестным народом и непонятным языком, а так получалось даже неприлично.

– Это, Кузьма Ильич, даже и не вполне Китай...

– В том-то и вопрос, уж простите, что перебил! К примеру сказать, в Сахалине мы были, так там китайцев, что в Благовещенске, почти одинаково, а дальше деревня эта... Ай...

– Айхунь!

– ...та, что на берегу! И там их не так уж и много. С нами ехали староверы, я с ними разговорился, они говорят, что их деревня вся населена только русскими. Как так получается – и вроде Китай, и не Китай! Странно!

– Почти так и есть. Это самый северо-восточный район Китая, Маньчжурия, когда-то здесь жили маньчжуры. Китайцы живут намного южнее: от Мукдена, или, как они его называют, Шэньяна, на юг, а там дальше пекинская провинция, шаньдунская, потом Шанхай и так далее. Это уже Китай – настоящий.

– Вы там бывали?

– Приходилось! Эти места, северо-восток, они начали осваивать сравнительно недавно и делали это очень медленно. – Александр Петрович рассказывал и выполнял как бы две задачи: просвещал старика и пытался разговориться сам, потому что чувствовал, что после тяжёлого дневного сна его голова была тяжёлой и медлительной. – Их сюда много приехало, когда мы стали строить железную дорогу; появилась работа, начали строиться города, стало легче осваивать землю, и русских сюда много пришло, из Приамурья, Забайкалья, и жили все довольно мирно...

– Прямо пустая земля до этого была? – Кузьма Ильич явно заинтересовался.

– Не совсем. Были и есть старые китайские и маньчжурские города, вот, например, сейчас мы с вами движемся в Цицикар, это, как я вам говорил, старый маньчжурский город. К тому времени, когда начал строиться Харбин, он стоял уже много лет. Я ведь тоже знаю не так много и не так точно. Знаю только, что до постройки железной дороги китайцев здесь было намного меньше. Вы сказали – Благовещенск! Тоже стоит на отшибе, и Сахалин стоит на отшибе. Китайская цивилизация от Сахалина далеко. На востоке, если рассуждать от этого места, – сказал Адельберг и показал пальцем себе под ноги, – течёт большая река – Сунгари, она впадает в Амур. Там по берегам живёт много людей, и вдоль КВЖД. Вот мы туда и движемся.

– На Сунгари?

– Нет, на КВЖД. Доберёмся до Цицикара, сядем в поезд и приедем в Харбин, если ничего не помешает.

– А что может помешать? – Тельнов от любопытства ёрзал и потирал руки.

– Случиться может многое!

– Не томите, Александр Петрович!

– Например, хунхузы!

– Это что за звери такие?

– Это не звери! Это люди, точнее, бандиты, которые нападают на такие караваны, как наш, и даже на поезда!

– Откуда же они взялись?

– Старая история! Двадцать лет назад, чуть больше, в Китае вспыхнуло восстание китайских патриотов против иностранцев, которые построили здесь железные дороги, фабрики...

– А что же плохого в железных дорогах и фабриках?

– Ничего плохого в этом, конечно, нет, но китайские торговцы и ремесленники стали терять работу и, разумеется, были недовольны. Они и подбили народ поднять восстание, мы их называли «боксёрами», они вот так делали руками. – И Александр Петрович поднял вверх правую руку с плотно сжатым кулаком. – «Боксёры» даже заняли Пекин, и взбунтовались на всем северо-востоке, и уничтожали всё иностранное. Однако за два года с ними справились и бунт утихомирили, но во многих местах их шайки сохранились и стали обычными бандитами и грабителями. Многие красили бороды в красный цвет, это мне так рассказывали, поэтому их стали называть «хунхузы» – «красная борода». Рассказываю вам то, что сам слышал, стелкиваться не приходилось, и не приведи господь, – они очень жестокие. И если раньше они боролись за какую-то их справедливость, то сейчас это просто бандиты. Поэтому я и говорю, что дай Бог нам добраться...

– А я вот всё думал, почему вы не поехали в Китай по железной дороге, из Читы к примеру?

– Я тоже думал, – Александр Петрович стал тереть виски, головная боль начала постепенно проходить, – и так и этак! Но по железной дороге было невозможно. А Благовещенск всё-таки глушь, да и Мария, у которой мы квартировали, надёжный человек, и Китай – только через Амур переправиться, поэтому я в Благовещенск и приехал.

– ...И что эти хунхузы? – Тельнов начинал становиться слишком любознательным.

– Всего не расскажешь за один вечер, и не поминайте чёрта к ночи, Кузьма Ильич. Давайте-ка лучше ложиться спать!

Тельнов недовольно засопел, начал собирать остатки еды и увязывать их в узелок. Судя по всему, несмотря на утомительный переезд, спать ему совсем не хотелось, а Александру Петровичу тем более не хотелось спать, а напротив, хотелось подумать в одиночестве.

– Вы ложитесь, Кузьма Ильич, ложитесь, дорога впереди ещё длинная, как ваша любознательность. Мы ещё наговоримся.

Тельнов буркнул «Спокойной ночи», завернулся в купленный в Благовещенске овчинный тулуп, подобрал какой-то мешок из поклажи под голову и повернулся спиной к костру. Караван к этому времени уже почти утомился; около костра оставались только казаки из конвоя; они сидели на снятых с лошадей сёдлах, курили и держали на скрещенных по-турецки ногах заряженные карабины.

Александр Петрович слез с повозки и подошёл к ним.

– Ну что, станичники, тревожно здесь, что нам завтра Бог пошлёт?

Один, постарше, густо выдохнул дым и, не разжимая губ, вымолвил:

– Что пошлет, всё наше будет!

– Хунхузов пошлёт! – хохотнул другой.

– Типун тебе на язык! А ты иди спи, господин хороший, а то старшой заругает!

Александр Петрович присел было рядом, однако разговор не получался, он докурил трубку и вернулся к телеге.

«Хмурый народ, к ним бы Тельнова подпустить!»

Настроение было невесёлое; он думал о том, что эти семь лет дороги домой, наверное, не прошли даром; он думал о том, что с ним может произойти завтра и послезавтра; о том, что он найдёт в Харбине и, вообще, сможет ли туда добраться. И сейчас, когда, казалось, конец пути был уже совсем близок, мысли об этом навалились на него со всей тяжестью.

Глава 6

– А какое сегодня число, Александр Петрович?

– Да-а!.. – Адельберг стоял посередине купе и задумчиво оглядывался по сторонам. – В ваши годы, Кузьма Ильич, ещё рано, чтобы память отказывала!

– Не могу не согласиться, уважаемый Александр Петрович, в мои годы память и вправду ещё должна быть крепкой, однако разве у них не другой календарь... или вот взять хотя бы этого, с позволения сказать, «антиквара»...

– Вы хотели сказать, старьевщика?

– Старьевщик, Александр Петрович, – Кузьма Ильич, стоявший за спиной своего спутника, поднял палец и возразил, – это когда старьём человек торгует, а у него? От его прилавков так и пахнет женским будуаром, детской комнатой и...

– Гвардейским плацем! – засмеялся Адельберг.

– Вам бы всё шутить!

Александр Петрович повесил на бронзовый крючок пальто и ответил:

– Кузьма Ильич, полно вам, забудьте! У нас есть вот это купе, колбаса, хлеб, китайская капуста и бутылка чистой чумизовой ханжи. И несколько часов дороги, а впереди – дом. На ваш вопрос отвечу – сегодня воскресенье, 19 июня 1921 года. А календарь в Китае такой же, как и у нас.

Кузьма Ильич снял свою овчину и тоже вознамерился повесить её на соседний бронзовый крючок.

– Вот это – нет! – возразил Александр Петрович. – Это на улице рядом с вами стоять ещё можно, там продувает, а здесь извольте свернуть поплотнее и отправить во-он туда, под полку. Иначе задохнёмся.

Обиженный Тельнов постоял, держа в руках старую, кислую овчину, пару раз вздохнул ответить, но, увидев лицо своего спутника, довольное и радостное, чего он не видел с момента их встречи в Благовещенске и вообще никогда не видел, выдохнул и нагнулся поднимать полку.

Перед тем как мелкими глотками выпить треть стакана ханжи, Кузьма Ильич умудрился её понюхать.

– Предупреждал вас, пейте не нюхая! И причём – залпом!

Кузьму Ильича дёрнуло и перекосило: он сначала вытянул лицо, потом сморщил его так, что не осталось ни глаз, ни носа, ни рта, а только торчали смоляные усы; потом открыл рот и округлил полные слёз глаза; вдох в его горле встал колом; потом он попытался натянуть на кулак рукав и донести его до носа и занюхать – и рукав порвался. Другой рукой он махал, будто отбивался от комаров или от чертей.

Александр Петрович смотрел на него с умилением.

– Занюхайте-ка хлебом или вот колбасой!

Тельнову всё-таки удалось занюхать ханжу, потом он долго, молча заедал выпитое куском колбасы, хлебом, китайской капустой и вдруг неожиданно попросил осипшим голосом:

– Александр Петрович, умоляю вас, закурите, что ли, отбейте этот китайский дух и закройте горлышко бутылки, ну хотя бы чем-нибудь!

Через пятнадцать минут он уже спал, свернувшись на синей бархатной полке калачиком. Александр Петрович смотрел в окно.

Поезд ещё стоял на станции Ананьци, но по суете, происходившей на перроне, уже чувствовалось, что он вот-вот тронется. Этого момента он ожидал, чтобы улечься, как его спутник, и проснуться уже в Харбине. Он договорился с проводником, чтобы на подъезде к мосту через Сунгари его разбудили.

Незаметно для себя Александр Петрович заснул, ханжа оказалась крепкой, и, когда проснулся, понял, что его разбудил резкий толчок. Он открыл глаза и увидел, как мимо окна медленно плыли смутные очертания придорожных построек, кустов и посаженных вдоль насыпи железной дороги деревьев.

«Ну вот, наконец-то!»

Поезд разогнался медленно, плавно покачиваясь, как детская люлька, Тельнов спал, Александр Петрович смотрел в окно купе международного Транссибирского экспресса – старого знакомого – и думал про завтрашнее утро; он думал о том, о чём думал в сентябре четырнадцатого, когда уезжал из Харбина. Сейчас уже за полночь, уже 20 июня, сегодня день рождения его сына. Он думал о том, как всё будет, и в душу закрадывался страх: за это время изменилась Анна, хотя если судить по письмам – то нет; а может быть, всё изменилось, что семь лет назад их окружало: город, люди, дома, круг знакомых: одни убиты, другие пропали, третьи... Мысли перемешивались в такт раскачивающемуся на малой скорости вагону и мерному стуку колес.

Сегодня в середине дня их караван наконец-то дошёл из Сахалина в Цицикар. Ещё в дороге они с Тельновым обсуждали, что они могут продать, чтобы купить билеты до Харбина. Александр Петрович показал золотую цепочку от хронометра, подаренного ему генералом Мартыновым. Кузьма Ильич ахал и приседал и пытался доказать, что, может быть, не стоит, но сам он мог предложить только свой старый, никому не нужный заплечный мешок и иконки с изображением святителя Николая, которые сам же и писал и которые тоже вряд ли кто-то захочет купить; поэтому решение было принято – продать цепочку.

Недалеко от вокзала они нашли лавку скупщика, над входом в которую по-русски было написано «Антикварь», и зашли туда. В лавке было пусто, только на полу играл с деревянной лошадкой маленький, лет пяти, толстый китайский мальчик. Александр Петрович подошёл к нему и нагнулся.

– А хозяин есть? – спросил он.

Мальчик кивнул, поднялся и побежал за прилавок. В это время открылась дверь, и навстречу мальчику вышел очень толстый и на вид ленивый китаец, и Александр Петрович, подойдя к прилавку, начал молча отцеплять цепочку от хронометра. Китаец смотрел, ни о чём не спрашивал и делал вид, что ему это всё неинтересно. Мальчик встал рядом с ним, смотрел на Адельберга сквозь узенькие, заплывшие на толстом лице глазки, и китаец, судя по всему хозяин лавки, гладил его по голове. Однако Александр Петрович видел, что хозяин лавки буквально впился взглядом в золотую полусферу хронометра, у которого откидывалась крышка, играла музыка, а на самой крышке был рельефный, накладной российский императорский герб с орлами, в глазах которых сияли красные рубины. Александр Петрович удивился, он боялся, что из-за беженцев, валом приваливших из России, снявшихся с насиженных мест и оказавшихся в Китае в чём были, такие лавки на КВЖД должны быть завалены всем, чем угодно.

Он отстёгивал цепочку нарочито медленно, не глядя на хозяина, и внимательно осматривал лавку. Он не ошибся, на полках было действительно тесно от фарфоровых и серебряных каминных часов, бронзовых настольных ламп, скульптурных фигурок из металла и камня, под стеклом лежали ордена с драгоценными камнями, целая коллекция часов, наградное оружие, одна витрина была полна женских украшений. Александр Петрович смотрел и понимал, что всё, что он сейчас видит, было продано за гроши, ради куска хлеба и нужды – такой же, как у них с Тельновым, – купить билеты. Наконец он отстегнул цепочку, положил часы в карман и увидел, как китаец проследил за его рукой.

Тельнов, крутившийся всё это время по лавке и внимательно разглядывавший витрины, стал подходить ближе и присматриваться к молчаливому диалогу Адельберга с китайцем, и вдруг заорал:

– Что, сволочь косоглазая, награбили? У нищих людей понаотбирали? Мало вам?

Александр Петрович, хозяин лавки и мальчик удивлённо посмотрели на Тельнова, Адельберг ухватил его за плечи и вытолкнул из лавки.

– Дуй бу ци! – извинился он за своего спутника. – Та хэнь эла! – Он хотел сказать «Он очень злой», но получилось «Он очень голодный».

Мальчик скривил лицо, собираясь заплакать, хозяин посмотрел на него и потрепал по волосам.

– Племянника мала-мало пугайся, – неожиданно по-русски сказал китаец и дал ему сахарную палочку: – Канесна голоный! Сяса фее голоный! Моя цепочка не нада, моя цясы хоцю!

Александр Петрович в упор посмотрел на хозяина лавки:

– Зачем?

– Моя цясы хоцю, цепочка не хоцю!

– У тебя в лавке часов много, зачем тебе эти? – со злобой произнес Александр Петрович. Китаец почему-то казался ему знакомым, но он не мог его вспомнить, и это злило. Злило упрямство хозяина лавки, которое было вовсе не ко времени, на вокзале было много русских беженцев, большинство из них были без средств, и они жили в душных, переполненных железнодорожных вагонах. Деньги нужны были, чтобы купить билеты в приличный вагон в отдельное купе, чтобы можно было отдохнуть и привести себя в порядок – после такой разлуки Александр Петрович не мог себе позволить приехать небритым, пыльным и вонючим. Он посмотрел на китайца и с вызовом бросил цепочку на прилавок. Китаец вроде испугался или только сделал вид, но цепочку взял и положил её на аптекарские весы.

– Цясы холосы! Цепочка дзеньги мало!

– Давай сколько дашь!

Хозяин смахнул цепочку в ящик прилавка и вытащил оттуда серый ворох денег. Купюры были мятые, скомканные и мелкие. Мальчик протянул руку к деньгам, но хозяин лавки, видимо его дядька, мягко отвёл его руку, и мальчик снова состроил гримасу.

«Бойкая торговля, даже разглаживать не успевают!» – подумал Адельберг о деньгах и спросил:

– Как его зовут? – Он кивнул в сторону племянника хозяина лавки.

– Сяо паньцзы – Чжан!

Адельберг потрепал мальчишку по волосам и сказал:

– Хороший маленький толстенький Чжан.

Мальчик заулыбался и протянул ему свою сахарную палочку, потом показал рукой в сторону двери и сказал:

– Плохой!

Александр Петрович с облегчением вышел из лавки. «Плохой» Кузьма Ильич стоял у двери с виноватым видом, но в глазах у него ещё прыгали искорки злобы.

Александр Петрович подошёл к нему и примирительным тоном сказал:

– Так-то, уважаемый Кузьма Ильич! Мы сторона проигравшая, поэтому вести себя будем прилично.

Тельнов мотнул головой.

Однако денег на билеты хватило, китаец дал даже больше, чем он предполагал. «Ничего не понимаю, на вес, что ли, деньги мерил?»

Глава 7

Он смотрел в темноту за окном вагона и думал, что не так он представлял себе возвращение домой. Почему-то стало вспоминаться детство, маленькая каменная Митава, он её почти не помнил, только горбатые булыжные мостовые, высокие шпилы кирхи Святой Анны, приземистый, тяжёлый герцогский дворец. Зимние туманы и мягкие шлепки копыт по опилкам в манеже, где занимались выездкой офицеры лейб-гвардии Литовского полка; высоченные лоснящиеся кони, как будто сделанные из бархата. Ему было четыре года, когда его отец поручик Петр Фёдорович барон фон Адельберг из-за болезни глаз оставил службу в полку, и они из Митавы переехали в Москву, в дом мамы – Екатерины Михайловны Исаковой – в Трёхпрудный переулок. Ему вспомнился кадетский корпус, 2-й Московский, и отец в мундире и с орденами, когда он привёл его туда, в Екатерининские казармы. Перед тем как выйти из дому, матушка долго и пытливо осматривала его и одёргивала узкий кадетский мундирчик, потом перекрестила и поцеловала в обе щеки.

«Мамины руки!»

Он усмехнулся, когда вспомнил, что в корпусе кадеты за его курляндское происхождение за глаза звали Чухонцем, однако вслух так не говорили. В младших классах это его обижало, а в старших он привык и перестал обращать внимание. Он решил служить в военной службе, и это было как бы само собой разумеющимся, все его увлечения были военные: военные дисциплины, фехтование, гимнастика. Он окончил корпус по высшему разряду и зачислился в младший класс юнкером 2-й роты Александровского военного училища. Сколько он себя помнил, ему всегда нравилось учиться; он гордился своим сословием и выучился с шиком носить военную форму, она была ему к лицу; его много раз поощряли за успешную стрельбу и при переходе в старший класс вручили приз за образцовое решение экзаменационной задачи по тактике.

Александр Петрович смотрел в окно, вспоминал и улыбался своим воспоминаниям; стала отпускать и смягчаться засевшая в душе тревога.

Всю жизнь, сколько он себя помнил, он старался держаться независимо: особенно ни с кем не сближался, но и в помощи никому не отказывал, кадетское прозвище Чухонец постепенно забылось, и появилось другое – Патрон, и он был не против. Как-то в библиотеке Офицерского собрания Московского военного округа в руки ему попался труд древнего китайского теоретика военного искусства Суныцы – это было ужасно интересно, а потом – пригодилось.

Тельнов, спавший сначала тихо, как ребёнок, начал похрапывать, это отвлекало; Александр Петрович потряс его за плечо, тот что-то пробормотал и затих.

Он закончил учебу в училище в числе лучших юнкеров, получил право выбора и начал службу в лейб-гвардии его величества Егерском полку в Санкт-Петербурге. Сначала квартировал у своего дяди Вальдемара, бывшего псковского вице-губернатора, в большом доме на углу Тверской и Таврической, с мощной круглой угловой башней. Дядя Вальдемар с супругой занимали большую квартиру в половину третьего этажа и ему, своему племяннику, единственному наследнику древнего прусского рода, были рады. Однако там было шумно, потому что двумя этажами выше поселился известный всему Петербургу профессор классической филологии Иванов со своей женой писательницей Зиновьевой-Анибал, и их квартиру посещала вся столичная богема: Мережковский, Гиппиус, Философов, бывал Блок. Гостей собиралось помногу, до сотни человек, они занимались модным в то время спиритизмом, а ночью выходили на башню, которую так и называли Башней Иванова, читали стихи, и только под утро, возбуждённые общением и шампанским, разъезжались. Всё было шумно и без всякого почтения к соседям.

«Да-а! Задала им как-то тётушка перцу!»

Он вспомнил, как супруга дяди Вальдемара в одну из особо шумных ночей вызвала полицейских, те нагрянули в квартиру Иванова для проверки документов, и по всему Петербургу был скандал, потому что Иванов заявил, что полицейские чины украли шапку у кого-то из его гостей. Шапка потом конечно же нашлась.

А через полгода он съехал на полковые квартиры – не так роскошно, но ближе к службе, тем более что неподалёку стояли семёновцы, измайловцы и лейб-атаманцы.

Служба захватила его. Его егеря очень отличались от остальных гвардейцев: от преображенцев – архангельских и вологодских белобрых увальней или от красавцев брынетов, которых набирали в Измайловский полк. У него в строю были охотники из брянских и смоленских лесов, воронежские степняки, обкладывавшие волчьи стаи, новгородские медвежатники. Люди были основательные и степенные и своего молодого командира сначала приняли с прохладцей: мол, много тут командовало, но после первых учений, стрельб и ночных «вылазок» они стали называть его «наш Петрович», это пришлось ему по душе.

«Было вполне симпатично!» Александр Петрович покачивался, сидя на полке, и растворялся в темноте ночи и уходящих в прошлое воспоминаниях.

Своего полкового командира, как поговаривали, его дальнего родственника и придворного аристократа, он видел нечасто, а вот заместитель – князь Фицхелауров с медалью «Участник Китайского похода» – оказался человеком интересным. В конце 1904 года именно он дал ход его рапорту об откомандировании на Маньчжурский театр военных действий в распоряжение генерала Линевича – в 1-ю Маньчжурскую армию.

«Потом Корнилов, потом Мартынов! Однако это уже не детство, уважаемый Александр Петрович!» – сказал он сам себе и попытался протереть салфеткой оконное стекло, однако дело было не в стекле, просто была очень тёмной сама ночь.

Поезд набрал скорость, сон брал своё, но каждый раз отступал, когда возвращалась мысль о том, что будет завтра, вернее, уже сегодня.

«Анна!»

Впервые свою жену, Анну Радецкую, он увидел за кулисами – она приходила посмотреть на репетиции, а иногда задерживалась на спектакль.

Он быстро влился в столичное общество: театры, кулисы, актрисы, это было так обычно для людей его круга. В нём самом угадывалась блестящая карьера – ветеран Японской кампании, георгиевский кавалер...

Анна, тогда ещё только-только выпускница балетного класса Михаила Фокина, очень красивая девушка, мечтала о карьере в Мариинском театре, но родители искали хорошей партии для неё и о балете запретили думать, правда, она выговорила себе одну привилегию – иногда посетить репетицию или спектакль, иной раз и без маменьки, а гувернантку она отпускала. Часто, «по-свойски», она бывала там, за сценой, где после спектакля происходило самое интересное, куда врывается петербургская золотая молодежь, которая, как ветер, с шумом неслась по коридорам к гримерным с корзинами шампанского, с букетами цветов. Заигрывала со всеми подряд, а особенно с кордебалетом, молодыми выпускницами балетных классов, в глазах которых ещё не было опыта и расчёта, но была искренность, мечта о счастье, и кому-то везло. Это все видели и невольно любовались, и грим не мог скрыть румянца. Так за кулисами оживала сказка о принце и Золушке. Принцев делили на несколько категорий: красивых, богатых и шумных – красивых было много, богатых тоже, а самыми шумными были гвардейцы его величества Измайловского и Московского полков.

Он там тоже бывал.

От своих товарищей он отличался тем, что чаще был молчалив, на всё смотрел спокойными глазами, шутил иронично и остро. Почему-то от него ждали чего-нибудь циничного, но этого не бывало. Уходил не один, но ни разу с одной и той же. Интриговало то, что барышни, уезжавшие с ним, потом никому ничего не рассказывали.

И она его заметила.

Это был вечер, когда давали «Баядерку», он опоздал к началу балета и пришёл в середине первого акта. На сцене Раджа представлял Солору, свою дочь – красавицу Гамзатти. Александр Петрович не стал пробираться на своё место в девятом ряду партера, он не любил, когда на него шикали, оглядывались и были готовы сделать замечание. Он встал в проходе под ложей-Бенуа, почти у самой сцены, но долго не мог вслушаться в музыку и сосредоточиться на действии. Когда он выбирал дверь, в которую можно было войти в партер и не слишком потревожить публику, в самом конце овального коридора увидел её, открывавшую дверь за сцену.

После спектакля она, выходя из театра через служебный подъезд, увидела и сразу узнала этого высокого молчаливого молодого гвардейского офицера с маленькой бутоньеркой в руках. Он стоял на мокром, уже опустевшем тротуаре и кого-то ждал. Она невольно оглянулась и подумала, что за ней, должно быть, выходит кто-нибудь из ее подруг-балерин, кого он мог бы ждать, – но за спиной никого не оказалось.

Потом ему очень нравилось, как она вспоминала об их знакомстве: о том, что тогда она подумала, что, «должно быть, большая кокетка была та, которую он так долго ждёт». Однако когда она ступила на тротуар, то увидела, что он направляется именно к ней. Он с лёгким поклоном, молча, протянул ей букет, даже не букет, а букетик весенних белых подснежников, она, также молча, приняла и то и другое, но недоумение её переполняло. Он поднял руку, и из темноты со стороны Офицерского моста громыхнул подковами лихач, и только после того, как он громко сказал кучеру её домашний адрес, она вдруг очнулась, а он этого ожидал.

– Уже поздно, Анна Ксаверьевна, вы выходили последней, одна! Разрешите мне сопроводить вас к дому.

Она тогда не сумела ответить, он опередил её вопросы, поступил, конечно, бестактно, поскольку их друг другу никто не представлял и не знакомил, и ему... «ему никто не давал права...», «и даже повода!», и вдруг – и здесь Анна всегда смеялась – она подумала: «Хорошо, что я вышла последней и никто этого не видел».

С самого момента, когда она приняла от него бутоньерку, она испытывала непривычное ощущение, и в её глазах всё тихо плыло. Он сидел рядом, молча смотрел в спину извозчика и только придерживал полость, которой были закрыты её и его ноги. Ледяной ноябрьский ветер мотал голые ветки деревьев, обрушивался на фонари, раскачивал их и ледяным языком облизывал незащищённые лица. Она искоса поглядывала на него и только старалась глубже втянуться в воротник, а он сидел прямо и, казалось, совсем не чувствовал холода. Вдруг она вспомнила, что держит в руках весенние подснежники, он как будто бы услышал её, чуть нагнулся, достал откуда-то из-под сиденья и протянул маленькую, как сам букетик, картонную коробочку. Тогда Анна спросила:

– Вам нравится «Баядерка»?

– Да!

– А что именно?

– Танец Теней.

– Почему?

– Я думаю, они меня будут сопровождать всю жизнь, – попытался пошутить он.

Анна заглянула ему в глаза, а они уже смотрели на неё – очень серьёзно. На секунду ей стало страшно, но она тут же почувствовала, как отчего-то на душе у неё стало свободно.

После венчания они снимали квартиру прямо напротив его полковых казарм, а в конце 1910 года его бывший командир по Японской кампании генерал Евгений Иванович Мартынов получил назначение на должность командующего Заамурским округом пограничной стражи, охранявшим полосу отчуждения вдоль КВЖД, и предложил ему возглавить отдел агентурной разведки одной из бригад – 1-й; и после Японской кампании он во второй раз оказался в Маньчжурии и в Харбин приехал уже с женой.

Им хватило двух месяцев, чтобы забыть про Петербург. Мерзкий харбинский климат был лучше, чем мерзкий петербургский, жизнь молодого города была такой же бурной, как их молодость. Однако Мартынова неожиданно откомандировали, когда он схватил за руку нескольких генералов-казнокрадов. Евгений Иванович предложил последовать за ним к новому месту службы, однако Александр Петрович отказался. На это у него были причины: Анна любила его, но ревновала к прежним интрижкам, поэтому им обоим было во благо на какое-то время остаться в Харбине. Тогда, при прощании, Мартынов подарил ему хронометр с орлами.

Адельберг покинул Харбин в сентябре 1914 года, и на перроне Анна тихо прошептала: «Возвращайся!» Он молча кивнул и вскочил на подножку уже дрогнувшего вагона, а потом много раз вспоминал это её слово. А накануне, утром 10 сентября, Александр Петрович съездил в штаб, получил казённый пакет с предписанием на фронт, связался с Управлением дороги и проверил распоряжение об отправке.

От их дома на Разъезжей улице до вокзала ехать было совсем недалеко – через несколько сотен шагов площадь и Свято-Николаевский собор, а дальше под горку по Вокзальному проспекту – вокзал. Ни по дороге на вокзал, ни на перроне они почти не говорили, всё было сказано накануне ночью. На извозчике он искоса поглядывал на неё, она сидела сосредоточенная и только иногда покусывала припухшие губы.

«Вот я и возвращаюсь!» – глядя в тёмное окно, снова подумал Александр Петрович и нащупал в кармане пиджака её последнее письмо с фотографической карточкой сына. Анна писала много, в одном из писем она написала, как в апреле пятнадцатого года заамурцы ушли на германскую; она написала о том, что город как будто бы сошёл с ума: улицы, проспекты, в особенности ведущие к вокзалу, заполнились людьми, извозчиками, рикшами, и воинские колонны с трудом проходили сквозь густые толпы; с военными прощались даже китайцы и вели себя почти как русские – плакали. С особым вдохновением Анна описывала, как махали цветами, кричали, размазывали по щекам слёзы, а за солдатами вдоль колонн бежали дети и

конные подхватывали их на руки, усаживали перед собой, а потом спускали в руки к чужим людям, и казалось, что в те дни в городе чужих не было.

Она писала подробно, и всё, что она описывала, он видел как будто бы собственными глазами; он выучил эти письма наизусть и сейчас, под стук колёс, переживал это снова и снова.

Александр Петровичу не спалось, ханжа перестала действовать, можно было выпить ещё и попытаться заснуть, но китайская водка была слишком пахучая и до утра могла не выветриться. В купе стало светлее, низкие придорожные заросли на пустынной ровной, как стол, местности от Цицикара до Харбина не доходили до окон вагона; деревья вдоль полотна почти не росли, и нечему было закрыть полную луну, которая неожиданно повисла над дорогой и светила то в окно купе, то перебегала на другую сторону, и тогда поезд отбрасывал меняющую свои очертания, играющую, как на поверхности воды, тень. Когда луна заглядывала в окно, Кузьма Ильич принимался ворочаться.

«Да! Тогда, в сентябре, я уехал надолго и очень далеко». Он достал письмо, открыл помятый конверт, которому досталось за время его скитаний, и вытащил из него сложенный вдвое лист и фотографическую карточку. В купе было темно, и свет луны был неясный, текст было трудно разобрать, а на карточке только угадывался силуэт мальчика в матроске и детской бескозырке. Конверт был тёплый, и от этого он почему-то ощутил в душе сосущую тоску, это его снова расстроило, он всегда думал, что последние сотни километров к дому будет ощущать приподнятость и радость, а тут...

«Разлука сближает! Не помню, кто это сказал! Ни черта подобного! Что происходит, Александр Петрович? И какого чёрта эта тоска? Почему?»

Он снова стал вспоминать письма Анны. Они все были нежные, заботливые, она только скороговоркой упоминала о трудностях, с которыми сталкивалась, когда в России началась революция и Гражданская война, хотя и косвенно, но задевшие и их харбинскую жизнь. Анна писала о своей беременности, о том, как на свет появился их сын, как он рос, его первые шаги и слова, произнесённые маленьким мальчиком в присутствии гостей – одной из её харбинских подруг, которая, кстати, если судить по последнему письму, дождалась мужа и переехала в Тяньцзинь...

«Разлука сближает? А какими мы становимся в разлуке? Харбин – мирный город, который не знал ни войны, ни революции!»

Какая сейчас Анна? А может быть – какой сейчас я сам?» Александр Петрович чувствовал, что за эти годы он изменился, ожесточился, что ли? Мягкими в его памяти были только воспоминания о Мишке, о его таёжном житии, отношении к людям и к нему, он мог не подбирать его, бросить, не взять в сани...

«А ведь каков, – подумал Александр Петрович. – За полтора года ни разу не спросил, кто я и что я! Егерь и егерь! «Ахвицер»! Ему довольно было того, что он слышал от меня, когда я бредил. Удивительный человек! Если бы не он, я бы, наверное, стал как битое стекло – мелкий, острый и опасный! Или вообще бы не был!»

В лунном свете снова заёрзал Тельнов, чуть не упав с полки, он опёрся рукой о столик и повернулся на другой бок.

«Вот ещё один! Божий человек!»

Вдруг Александр Петрович услышал выстрел, он не ошибся, это был выстрел, потом прозвучал ещё один и ещё, их только приглушал стук колёс летящего поезда. Через короткое время послышались ещё два выстрела и звук лопающихся стекол. Поезд продолжал идти быстро и не сбавлял хода.

«Хунхузы!» – промелькнуло в голове.

По коридору вагона забежали люди, послышались тревожные голоса и крики, Кузьма Ильич проснулся, сел и ошалело водил глазами по чуть подсвеченным лунной стенкам купе.

Адельберг приложил палец к губам: мол, не шумите, тот что-то пробормотал и, видимо, так и не проснувшись, снова, как подкошенный, повалился на полку.

За несколько секунд с Александра Петровича слетела вся тяжесть прежних мыслей, он будто снова очутился в Маньчжурии предвоенных лет, когда хунхузы так же смело нападали на поезда и даже скоростные экспрессы. А поезд шёл, не сбавляя хода, по коридору ещё топали ноги, но всё скоро улеглось.

«Понятно! Их тактика не изменилась. Стреляли по паровозной кабине, но в машиниста не попали, поэтому мы едем! Ну, слава тебе господи!»

Глава 8

Адельберг проснулся, когда колёса загрохотали по железным конструкциям моста. Под мостом в косом и ритмичном мелькании металлических ферм текла мутная коричневая Сунгари.

Тельнов тоже проснулся и уставился на своего спутника.

– Кузьма Ильич, вам на пробуждение и туалет пять минут.

Уже выбритый, Александр Петрович только сполоснул после сна лицо, уступил место в умывальной комнате Тельнову, сел и, ища уюта, плотно прислонился к окну. Поезд на малом ходу проходил середину сунгарийского моста, и он под острым углом увидел город, набережную и на набережной похожий на белый корабль Яхт-клуб.

До вокзала оставалось ещё минут семь.

Они вышли на перрон и через несколько секунд оказались в большом, с высокими сводами зале. Адельберг не заметил, как его пальцы впились в ручку саквояжа, он не чувствовал его тяжести, ноги шли сами, узнавая после многих лет неровности мраморных плит пола. Он машинально обернулся и среди людей разглядел плетущегося за ним растерянного Тельнова.

«Господи, я и забыл про него!»

– Кузьма Ильич, наддайте, наддайте, что вы, ей-богу, плетётесь!

Они вышли из-под козырька крыльца на привокзальную площадь и оказались под прямыми лучами солнца. Тельнов прикрылся ладонью и стал опасливо озиаться.

– Нуте-с! Вот вам и Харбин! – Александр Петрович сказал это своему спутнику просто так, на ходу.

Кузьма Ильич шёл и продолжал молча озиаться.

– Что такое, Кузьма Ильич? Что вы ищете?

Тельнов прошёл за ним ещё несколько шагов и встал как вкопанный.

– Что такое? Кузьма Ильич? – Адельберг начал раздражаться на тормозившего его старика, но тот не дал ему закончить:

– Мы где? Александр Петрович! Разве это тоже Китай?

Адельберг остановился, и к ним тут же устремились несколько лихачей.

– Куда, барин? Мигом домчим!

Он поставил саквояж на пыльную, сухую мостовую. По площади с разной скоростью в разные стороны двигались запряжённые лоснящимися, сытыми лошадьми рессорные коляски, медленно разъезжались ломовики с поклажей огромных, перевязанных шпагатами тюков; слева, рядом с главным входом в вокзал, стояли и ждали своей очереди за выходящими пассажирами с десятков лихачей, одетых в серые кафтаны и торчащие на голове плоские цилиндры.

«Господи боже мой! Действительно, разве же это Китай?»

Каким было долгим ожидание приезда! Вот оно состоялось, и в это не верилось. Его охватило волнение, но он взял себя в руки, отказал извозчикам и совсем перестал обращать внимание на своего спутника.

– Дойдём пешком. Тут недалеко, – бросил он, не оглядываясь.

Кузьма Ильич засеменил сзади, пытаясь поспеть, он потел в своей овчине и, не переставая, бормотал:

– Свят, свят! Господи, спаси и помилуй! Разве же это Китай? Это ж Россия-матушка! Калуга! Тверь! Понюхайте! Пахнет пирогами... с капустой! Или кто-то меня морочит!

Они пересекли большую привокзальную площадь и шли по Вокзальному проспекту: он был короткий, широкий и прямой; он поднимался от площади вверх, и там, где заканчивался, над горизонтальной линией мостовой пряничной горкой возвышался деревянный, сложенный из брёвен собор с многими главками, высоким шатром и золотыми крестами.

Адельберг шёл прямо, не оглядываясь, сзади за ним еле-еле поспевал Тельнов, и он уже не слышал, как старик поминутно озирался и тихо приговаривал:

– Матерь Божья, ка-бурто у них тут ничегошеньки и не было: ни тебе революций, ни тебе Гражданской и никакой другой...

Они прошли Вокзальный проспект, и, выйдя на круглую Соборную площадь, Адельберг краем глаза увидел, как Тельнов остановился, уронил на мостовую мешок и начал креститься на купола.

«Чертов старик, – в сердцах помянул его Адельберг, – успеет ещё накреститься!» До дому оставалось ещё несколько сотен шагов, сейчас он перейдет через Большой проспект и повернёт на Разъезжую...

– Поторапливайтесь, поторапливайтесь, Кузьма Ильич! Ещё успеете...

Глава 9

20 июня Анна встала рано, Сашик ещё спал, день предстоял суматошный: пока сын не проснулся, надо было управиться с домом, потом отвести Сашика в «маячок» и самой бежать в танцкласс, где она давала уроки. Она закончила со стиркой, подошла к зеркалу, посмотрела на свои мокрые и красные от холодной воды руки, потом перевела взгляд на себя: «Анна, что с тобою стало?» Тыльной стороной ладони она провела по лбу, пытаясь поправить длинную непослушную прядь, свисавшую у левого виска, и посмотрела на свои руки ещё раз: «Хороша бы я была, если бы Александр сейчас появился. Матка Боска, не дай пропасть!» Она вытерла их о передник и перекрестилась. Ходики показывали половину восьмого утра, Анна легко подхватила широкий тяжёлый таз с волглым, только что отжатым бельём и толкнула плечом дверь в сад. «Может быть, просто письма не доходят? Почему он не пишет! Жив ли? Езус Марья!»

Она поставила таз на траву и взяла сверху что-то первое, маленькое, туго скрученное и отжатое, это была пижамка сына, она расправила её и закинула на провисшую верёвку. Тени падали влево, она посмотрела туда и услышала, как за спиной негромко постучали в окно, обернулась и увидела Сашика.

– С добрым утром, сынок, сейчас я к тебе подойду.

Сашик стоял в своей комнате, смотрел на неё через мутноватое стекло и тёр кулаками глаза. Она подумала, что надо бы помыть окна, что всё приходится делать самой, но не хватало времени, а нанять человека не хватало денег. Анна брала из таза бельё, встряхивала его, расправляла и вешала на верёвку, она делала это механически, а мысль, которая не оставляла её уже много месяцев, была одна и та же – уже больше полутора лет она не получала от Александра писем.

«Убит? Пленён?»

Четыре года, которые она провела с Александром в Харбине, пока он не уехал на германскую, пролетели быстро. Он и здесь часто уезжал по службе; иногда отсутствовал подолгу и возвращался с лихорадочно горящими глазами и уставшим лицом. После таких разлук они несколько дней могли не выходить из дома и даже не выглядывать за ограду своего молодого

сада, потом они вырывались в концерты в Железнодорожном собрании, в кинематограф, объезжали лучшие рестораны на Китайской, носились по городу на лихачах. Зимой на санях «толкай-толкай», а летом на лодках добирались по Сунгари до Солнечного острова... Потом он снова уезжал на линию: на Хинган – на север или в Пограничную – на юго-восток... лучше не вспоминать, от этого делалось так больно...

Анна повесила на верёвку последнее, подняла с травы таз и затылком, ложбинкой шеи, чуть ниже завитка волос вдруг почувствовала, что на неё сзади кто-то тихо смотрит. Спокойно она поставила таз на траву, распрямила спину, огладила влажные руки о длинную пёструю казачью юбку, которую недавно выменяла у беженцев, и не знала, оборачиваться ей или нет. Солнце пробивалось сквозь ветки молодых яблонь и рисовало на траве нечёткий рисунок.

Адельберг повернул с Большого проспекта на Разъезжую. Улица шла сверху вниз, и вон он, его дом, выглядывает: сначала первый, потом второй, большой двухэтажный, с высоким стеклянным витражом веранды, и следующий его. Двухэтажный закрывал его почти совсем, но уже был виден забор из низкого штакетника и красный кирпичный угол. Оставалось ещё шагов шестьдесят. Он подошёл к калитке, поставил на землю саквояж, обернулся к Тельнову и показал на саквояж пальцем. Тельнов сделал знак, что он его понял, и остановился.

Анна стояла всего в нескольких шагах, спиной к нему, он открыл калитку, та даже не скрипнула.

«Если я её сейчас позову, она испугается, а если подойду, она тоже испугается, но уже в моих руках!»

Анна услышала шаги, подминавшие траву, уже начавшую подсыхать после утренней росы, и уже знала, что ошибки быть не может... Иначе...

Шаги приблизились, она почувствовала на своей талии руки, которые знала так давно, и обернулась.

Глава 10

Сашик возился с пижамкой, он пытался расстегнуть пуговицы в слишком тесных петлях и сопел носом, когда в его комнату вошла мама и за ней двое мужчин. Потрявоженный, он поднял взгляд, несколько раз хлопнул ресницами и закрыл глаза ладошкой.

Анна подошла к нему и присела:

– Одевайся, сынок, у нас гости.

В гостиной, в чём были, в чём пришли с вокзала, на краешках стульев сидели Александр Петрович и Тельнов, они только успели сбросить на веранде пальто и овчину. Анна их попросила немного подождать, а через несколько секунд влетел Сашик в расстёгнутой пижамке и с фотографической карточкой в руках, следом вошла Анна. Сашик обернулся к ней и показал карточку, она согласно кивнула, и тогда он подошёл к Александру Петровичу и взобрался к нему на колени. Тельнов глядел на эту картину и, не стесняясь, плакал, и слёзы текли по его небритому лицу. Анна тоже плакала, горло щипало и у Александра Петровича, но на коленях сидел его сын, и он сдерживался.

Сашик показался ему маленьким, таким, каким он видел его на фотографии и в мыслях, только не в пижаме, а в матроске и в лаковых чёрных туфельках. «Разве ему уже шесть лет?»

Дом наполнялся волнениями: греть воду, ставить ванну, готовить еду. Анна сходила к соседям и попросила прислать повара Чжао, а ещё хотелось говорить...

Через два часа Александр Петрович был уже в свежей сорочке с мягким отложным воротничком, в светлых летних брюках и мягких домашних туфлях. Чисто выбритый и с запахом

одеколону, он сам себя не узнавал и от этого чувствовал себя непривычно. Анна успела отвести навзрыд рыдавшего Сашика в «маячок» и оставить его там под честное слово забрать до обеда.

Пока она была занята, Александр Петрович то выходил в сад покурить, то возвращался в гостиную. Он осматривал большую комнату, которую помнил в деталях, и видел, что ничего не изменилось: его кресло-качалка, на кожаном сиденье которого была постелена синяя китайская шёлковая салфетка с вышитым на ней желто-чёрным тигром, пробиравшимся через ярко-зелёную траву. Он смотрел на это кресло и понимал, что в нём, пока он отсутствовал, никто не сидел, и салфетка с тигром, как ему казалось, об этом свидетельствовала. Вот круглый стол, тот же, который и был, накрытый такой же синей шёлковой скатертью в тон салфетке. Над столом на длинном шнуре висел тот же оранжевый весёлый абажур, который он часто задевал головой, когда поднимался, и они с Анной всегда смеялись. Вокруг стола расставлены те же плетёные кресла, которые хрустели, когда в них садились. Шифоньер при входе – он был слева от двери, – не уместившийся ни в спальне, ни в коридоре. Анна выбрала его за большое зеркало во всю высоту средней дверцы. Только в углу, где раньше стояли рояль и громадный фикус в китайском фарфоровом сине-белом вазоне, сейчас был только фикус.

Тельнов тоже с любопытством оглядывал гостиную, вертелся в хрустящем кресле и тёр ладони об колени, потом увидел салфетку с тигром, и у него сыграло:

– А не опасаетесь, уважаемый Александр Петрович, что укусит? Сидеть-то на ней!

Адельберг обернулся, посмотрел на Тельнова и не ответил. Он молчал, он почти всё время молчал, с того момента, когда они вошли в дом.

«Старый дурак, с дурацкими шутками! – ругал себя Кузьма Ильич. – Взволнован! Он так взволнован! – Он глядел на него с тревогой. – Таким я его ещё ни разу не видел! Даже перед переправой! У него на душе какое-то смятение, неужели он думает, что она... – Тельнов смотрел на Анну Ксаверьевну, на её быстрые, уверенные передвижения по комнатам и робкую улыбку одними губами, её взгляд был напряжён и сосредоточен, а глаза, как казалось Кузьме Ильичу, спокойны. – Ну нет! Такие женщины не могут!.. Такие женщины!..»

Кузьма Ильич чувствовал себя уютно в кресле и очень неловко в этом доме. «Им бы сейчас сесть, да поговорить, чтобы никто не мешал, да сына приласкать!..»

– Александр Петрович, а может, я выйду? Прогуляюсь по саду? Посмотрю окрестности? А вы тут...

– Сидите, – резко ответил Адельберг.

«Ладно, сижу! Но нехорошо у него на душе!»

Александр Петрович и вправду чувствовал себя беспокойно и не мог понять – почему? Он вернулся! Чего же ещё? Сейчас бы подойти, обнять её, поговорить с Сашиком, но что-то мешало. Тельнов? Ну при чём тут Тельнов?

«Надо спросить, где рояль!»

Адельберг подошёл к окну в сад, это было его любимое место: кресло-качалка, книжный шкаф со стеклянными дверцами, бра на стене и под ним курительный столик. Шкаф стоял рядом с окном, здесь всегда было тихо. Под бра висел офорт с изображением Мариинского театра со стороны Офицерского моста, заказанный ещё в Петербурге перед отъездом в Харбин. На курительном столике, на прежнем месте стоял его Чаншоусин – китайский бог долголетия, он был тонко вырезан из светлого серо-салатового мыльного камня, в одной руке он держал высокий посох, в другой – тыкву-горлянку. У божка было маленькое-сморщенное в улыбке личико и неестественно большая лысая голова с выпуклым лбом, его свободный халат свисал и мягкими расползающимися складками закрывал ноги. Рядом была пепельница, сделанная из такого же мыльного камня, в виде дерущихся с растопыренными когтями и лапами, выпученными глазами и раскрытыми зубастыми пастьми драконов, похожих на кошек, которых больно ухватили за загривок и оторвали от пола. Он взял божка в руки, камень был тяжёлый, тёплый и скользкий, как кусок сухого туалетного мыла.

Он поставил божка, посмотрел на книжный шкаф и увидел своё отражение в стёклах; за стёклами, на полках, в том же порядке стояли книги: Лев Толстой, Чехов, Достоевский, Григорович, Карамзин, две верхние полки занимали бесконечные Брокгауз и Эфрон, на нижней лежали детские книжки... Это было единственно новым в гостиной.

Ничего не изменилось, даже софа у противоположной стены, и подушки на ней, как и раньше, были накрыты покрывалом кружевного плетения, светло-голубым, в тон со скатертью и салфеткой – часть Анниного приданого.

«Глупости какие! Не надо спрашивать, где рояль!»

К вечеру, уже в сумерках, пролился дождь. Сашика после ужина с трудом уложили спать. Кузьма Ильич, старавшийся весь день быть незаметным, с облегчением вздохнул, когда ему показали его комнату, поблагодарил хозяйку и ушёл укладываться.

Александр Петрович сидел в своём кресле и смотрел на фотографию, с которой Сашик утром уселся к нему на колени. Это была их с Анной фотография перед венчанием.

Глава 11

– Ты совсем не изменилась...

– Ты мне льстишь! Прошло столько времени. Почему ты тогда уехал так рано? Всех отправили только в апреле.

Александр Петрович зашуршал спичками и откинул тонкое одеяло.

– Ты хочешь курить? Не уходи, останься сегодня здесь, со мной! У нас ведь нет прислуги, мы нарушим старые правила! Кури здесь!

Александр Петрович на секунду замер, потом присел на кровать и положил спички.

– Спасибо, там, в пути, я об этом много думал, что не захочу уходить от тебя каждую ночь. – Он погладил её руку и поцеловал в плечо. – А почему ты думаешь, что я тебе лщу? Я тебе не лщу. Ты действительно не изменилась. Ты такая же красивая!

– Я тебе не верю, – прошептала Анна, и от её шепота пахло улыбкой, – ты видел меня сегодня, с этим отвратительным тазом...

– Да, досталось тебе...

– ...И тебе...

– ...Ничего, всё будет хорошо.

– Конечно! Ты же вернулся...

Шёпот в комнате был тихий, и было слышно, как в саду с яблонь на траву падают капли.

– Ты так чудесно смотрелась в новой юбке...

– Не вспоминай! Мне неловко!

– Почему? Что тут неловкого, разве эта простая одежда может что-то изменить? – Александр Петрович погладил её светлые волосы.

Анна резко отпрянула, потом притянула его к себе и зашептала:

– Нет, Саша! Ты мне не ответил. Почему ты уехал в сентябре, когда твои ушли только в апреле?

В спальне было темно. Анна смотрела на мужа и даже в темноте видела улыбку на его лице, как ей казалось, снисходительную. Александр Петрович молчал.

– Саша, ну почему?

– Разве я мог послушаться приказа? Началась война...

– Но почему тебя?

– Я не могу этого знать, Анни. – Он чиркнул спичкой, и она увидела его профиль.

– Не отвечай, не надо, я всё понимаю! Извини, я знаю, что спросила глупость! – сказала она, придвинулась вплотную и обхватила его грудь рукой.

– Извини, моя радость. Я так могу тебя опалить, – сказал Александр Петрович, подвинулся на подушке чуть выше и пригладил ладонью её волосы; он с удовольствием затянулся папиросой, сделанной из настоящего табака, и в комнате запахло сладковатым дымом. – А что? От твоих с тех пор так ни одного письма и не пришло?

– Нет, пропали, я уже и плакать перестала. Не знаю, что думать! Жалко, если Сашик никогда не увидит своих бабушку и дедушку.

– Бабушек и дедушек, – поправил Александр Петрович.

– Да! Извини! Расскажи, как это было!

– О-о, Анни, – Александр Петрович растягивал слова, – на это нам всей ночи не хватит!

– Расскажи, нам теперь некуда торопиться, завтра отдохни, хотя бы один день, визиты будем делать после...

– Да, я согласен, только к Иверской надо сходить...

– Поклониться Владимиру Оскаровичу?

– Да, и старик этого хочет, он присутствовал, когда Каппеля хоронили, а потом выкапывали из могилы, в Чите...

– Матка Боска! Не надо об этом на ночь. – Она села и прикрыла грудь одеялом. – А ты заметил, как они потянулись друг к другу?

– Сашик и Кузьма Ильич?

– Да!

– Вот тебе и дедушка, – Александр Петрович погасил папиросу, – а там посмотрим, может быть, и бабушка появится, – тихо пошутил он, улыбнулся и посмотрел на жену.

Анна подогнула под одеялом колени, положила на них согнутые руки и уткнулась в них лицом, она сидела молча, её длинные волосы покойно лежали, закрывая плечи, и сливались с цветом кружевных оборок подушки.

– Может, ещё найдутся! – грустно сказала она и прислонила голову к плечу Александра Петровича. – Расскажи, как это было! Расскажи!

– Как это было? – Александр Петрович снова потянулся за папиросой. – Я открою окно пошире?

Анна кивнула.

Он встал, открыл створки окна, забросил на одну из них занавеску, взял папиросу и стал разминать её: свежий ночной воздух полился в комнату, и Анна поёжилась.

– Тебе холодно?

– Нет-нет, хорошо, пусть будет так. Расскажи!

– Понимаешь, даже сейчас, когда прошло столько времени, трудно оценить и понять, что произошло. Можно только вспоминать – как это было! – Он говорил с длинными паузами.

– Почему? Ты ведь видел всё своими глазами!

– Конечно видел, но не всё. – Он присел на подоконник. – Про войну с Германией особо рассказывать нечего, там было всё ясно: вот – окопы; с одной стороны они, с другой – мы. Они носят одну форму, мы – другую, они говорят на одном языке, мы – на другом... – Он надолго замолчал. – А вот революция! А особенно Гражданская война – это совсем другое!

– Саша! Ну тогда, может быть, не надо? Может, не стоит ворошить... Извини, что я тебя попросила!..

– Да нет, Анни, стоит. В том-то и дело, что не только стоит, а просто надо это сделать; необходимо понять, что это было и почему это было так кроваво!

Анна сидела не шевелясь, она уже жалела о том, что спросила, но ей хотелось услышать что-то такое, что объяснило бы ей, почему пропали её родители, а может быть, и куда они пропали; она давно перестала получать письма от своих подруг, про кого-то слышала, что те уже в Париже, или в Лондоне, или в Риге, или в Варшаве...

– Всё началось после отречения государя...

– 2 марта?

– Да! 2 марта! Хотя, может быть, и раньше, но это если и было, то незаметно. Мы ведь не знали наверное, что происходило при дворе. Узнали только, что Гришку застрелили, и даже вздохнули с облегчением: мол, сейчас никто мешать не будет, будем готовить наступление. То, что австрийцев и германцев можно побеждать, доказал Брусилов и в четырнадцатом, и в шестнадцатом. А после отречения всё как будто встало. Мы запутались в этих агитаторах, кто за войну, кто против. Но это мы запутались, а солдаты – те точно знали свои интересы: войну долой, землю давай! И весь сказ! В шестнадцатом государь бросил к нам гвардию! Я приезжал в свой полк. Из солдат уже почти никого не осталось из тех, кто меня помнил, но как-то они ко мне подошли, эдакой делегацией, и сказали: мол, барин, шабаш войне и тебе надо «тикать домой, к жёнке под бок». Так и сказали!

– Вот и надо было их послушать! Извини, я пошутила! Это я несерьёзно, я же всё понимаю!

– Да-да, конечно, я знаю, ты же у меня умница! А в мае фронт начал разваливаться, но ещё кое-как держался, а в ноябре, после большевистского переворота, развалился совсем. Солдаты бросали позиции, они ошалели от свободы. Это был хаос. Они брали эшелоны штурмом и толпами, и во главе их были агитаторы-большевики. Бежали на север, на юг и на восток, по домам. У нас хоть Бог миловал, а на Западном фронте, на флотах, офицеров расстреливали, поднимали на штыки...

– Как Духонина?

– Да, генералу досталось, и не ему одному. В общем, началась вакханалия... Я думаю, что и Корнилов...

– Лавр Георгиевич?

– Он самый, подлил масла в огонь, когда добивался ввести смертную казнь для солдат, для тех, которые покидали позиции...

– Солдаты перестали слушаться своих офицеров? – спросила она с каким-то детским удивлением.

– Именно так! Понимаешь, Анни, это нельзя, когда молодой поручик старого солдата, извини, в морду бьёт... Ненависть, громадная ненависть накопилась в солдате против нашего барства офицерского, хотя среди вновь прибывающих офицеров было много хороших. Нас, старой военной косточки, после шестнадцатого года оставалось совсем немного!

– Какой ужас!

– Поэтому Лавр Георгиевич, с одной стороны, был прав, конечно, как военный человек, а с другой стороны – это бы ни к чему не привело...

Александр Петрович вернулся на кровать и сел, высоко подбив подушки.

– Долго всё это рассказывать, Анни, долго, но уж коли начал... Короче говоря, я поехал в Ставку, в Могилёв, там меня встретил Володя...

– Каппель?

– Да, мы ещё в штабе Юго-Западного познакомились. И я своим глазам не поверил! Он... всегда такой решительный, бравый... а тут вижу – растерян, не знает, что делать. Что-то говорит, но я же вижу, что он не знает... Да и никто не знал. Корнилов уже подался с Алексеевым на Дон, царь сидит под арестом в Тобольске, Керенский и его правительство в бегах, а кругом оказались большевики! И я уехал в Питер!

– В Питер! – промолвила Анна. – Как это непривычно! Питер-р-р! Даже мороз по коже...

– Да, мокрый, продуваемый всеми ветрами Питер встретил меня, прямо скажем, мрачно. К дяде Вальдемару, я у него квартировал, постоянно приходили какие-то «представители» и требовали от него уплотнения в их большой квартире. По ночам стреляют, помню, как дядя подходил к окну и кому-то грозил... Новые власти ни с чем не справлялись, старались, но... Им бы фабриками, заводами заняться, а они открыли винные склады... Кругом матросы, солдаты и

кокаин! Тогда же и почта прервалась. Я ездил на квартиру к твоим, ты мне писала, что матушка с батюшкой на лето уехали в Тверь, а потом намеревались в Самару, к своим друзьям...

– В Твери у батюшки сослуживец, а в Самаре у мамы тётка...

– Да, я помню, ты писала! Но куда там! Я обратился к соседям, но и они ничего не знали. И от тебя ничего. Потом уж узнал, что почтовое сообщение прервалось где-то то ли в Москве, то ли на Волге.

– И от тебя ничего... – задумчиво сказала Анна.

– А тут ещё дяде Вальдемару пришло известие из Москвы, от соседей, что в конце октября, когда красные брали Кремль, мои матушка и почти ослепший отец вышли из дома и не вернулись и больше их никто не видел. Дяде я помочь ничем не мог и был обузой, хотя встал на учёт у новых властей и даже был внесён в какие-то списки на паёк.

– Паёк? Что такое паёк?

Александр Петрович усмехнулся:

– Паёк – это когда продукты выдают по карточкам.

– По каким карточкам?

– Карточки – это вместо денег!

– А что же деньги?

– Деньги обесценились! Так, бумажки, на которые ничего нельзя было купить. Их не успевали разрезать, они ходили рулонами, и на миллион керенок можно было купить коробок спичек...

– Как необычно!

– Так долго продолжаться не могло. Я встречал в городе своих товарищей по фронту. Знаешь, они слонялись по Петрограду с лицами заговорщиков, но в явном таком безделье и в гражданском платье. Всё это было ужасно нелепо, их просто по глазам определяли, что они офицеры. Меня звали на Дон, к Алексею, но после всей этой суеты наших генералов с их письмами к императору об отречении, в Февральскую, я разочаровался в них и отказался туда ехать. А потом узнал, что у вас – тут в Харбине – какой-то Рютин организовал Советы, то ли большевистские, то ли меньшевистские... Я в них тоже не разбираюсь!

– Да, это было... и мы все ужасно перепугались, но потом вроде обошлось!

– Я уехал из Петрограда, сначала в Тверь, однако там никого не нашёл, даже следов, а оттуда, в феврале восемнадцатого, – в Москву. Хотя словом «ехал» это назвать было нельзя! Железная дорога практически стояла. Пешком до Москвы добрался бы скорее.

Александр Петрович взял с тумбочки графин с водой.

– Может, включишь свет? – спросила Анна.

– Нет, не нужно! В общем, наш дом в Трёхпрудном, где жили родители, оказался в полуразрушенном состоянии. Из прежних жильцов там оставался только старый дворник Ренат. Он рассказал, что за две недели до моего приезда дом взорвался: то ли сажа в печной трубе взорвалась, её не чистили с осени, то ли гранату кто-то кинул, из баловства, да так точно. Короче говоря, разрушился главный дымоход, поэтому жившие там семьи разъехались кто куда, чтобы не замерзнуть. О родителях Ренат ничего сказать не мог: «Барин ушла и больше не вернулся». Попытался я было разыскать Евгения Ивановича Мартынова, о нём говорили, что он возвратился в Москву из австрийского плена, однако и это ничего не дало. Его соседи на Новинском бульваре рассказали, что он уехал то ли в Казань, то ли в Петроград и что якобы от новых властей скрывается. В Москве я прожил до начала июня, у Ренатки, в полуподвале. В Твери мне удалось выправить документы на другое имя, по ним даже устроился на работу в местный Совет и приносил Ренатке продукты, чтобы не быть нахлебником. Он на меня нахвалиться не мог. Но так тоже долго продолжаться не могло, ещё в мае пришли известия о том, что на Волге против большевиков восстали чехи...

Александр Петрович посмотрел на Анну, она так и сидела, уткнувшись подбородком в колени, она ровно дышала, и глаза у неё были закрыты.

– Ты спишь, моя голубушка! – Он осторожно обнял её за плечи.

– Нет, Саша, что ты? Как можно спать? – Глаза у неё были уже сонные, но она смотрела уверенно. – Ты говори, говори!

– В последний вечер, перед тем как покинуть Москву, я принёс бутылку самогона. Ренатке, ты помнишь его, он всю жизнь выпивал только в виде подношения, хватило двух рюмок...

– Да, помню, только уже смутно.

– ...он плакал, вспоминал прежнюю жизнь, «сытую, и добрый барин, который ему ни раз не обидел» и только звал «нехристь татарский», я этого не помнил, помнил только, что его все называли просто Ренат или Ренатка... Как-то в один из вечеров ещё в начале марта я шёл мимо Большого театра после какого-то их большого собрания, а впереди меня шли две пары, двое мужчин и две женщины, они показались мне знакомыми, но я их не вспомнил, я только слышал концовку их беседы, говорил мужчина: «Дельный был доклад. Я этого инженера Кржижановского хорошо знаю. Вот кончим войну, – вернусь на завод...» – короче говоря, они что-то обсуждали, такое – грандиозное! Что-то вроде электричества для всей России...

Александр Петрович говорил, он перешёл на шёпот, потом ему показалось, что Анна уже спит, и он замолчал, однако мысли в голове текли, и он вспомнил свой последний вечер в Москве, когда на крепком венском стуле из верхних опустевших комнат перед старым колченогим столом в полуподвале они сидели с Ренаткой, остатками закуски и недопитой бутылкой самогона. Ренатка уже клевал носом и отстал с вопросами; он закутался в когда-то цветистое, но уже серое и лоснящееся одеяло и посапывал. На улице, где-то совсем близко, свистели, слышался топот ног, клацанье перезаряжаемых затворов и крики: «Стой!» И так каждую ночь. Но уже никого, кто в этот момент был не на улице, это не пугало, но страшно было оказаться прохожим: или ограбят и убьют, или арестуют и, скорее всего, тоже убьют. На столе на донце старой консервной банки догорал свечной огарок, огонёк то исчезал, тихо умирая, то подмигивал утопающим в воске фитилём, потом пыхнул в последний раз... Надо было зажечь другую свечу. Остаться в Москве было опасно. Из соседних домов люди скрытно кланялись, и никто не выдал, хотя если ЧК допытается, что он живет под чужими документами... Об этом не хотелось думать. Но как без этого? Не думать нельзя: такая повсеместно разлилась остревенелость, а многие шли служить к большевикам. Отрабатывали жизнь? Или верили в светлое будущее? Бог их разберёт! А может, так и надо, может, перебесится народ да и начнёт строить новую жизнь, какую-то, ведь люди же когда-то напьются крови. Сколько её выпили на фронте! Всё мало? Когда в начале июня в Самаре образовалось антибольшевистское правительство и стало известно, что войсками командует подполковник Володя Каппель, – Самара от Москвы была в направлении на восток, – он решил, что надо ехать туда... И будь что будет...

Воспоминания, картинка за картинкой, возникали в его голове. Рядом тихо и тепло дышала в плечо заснувшая Анна, ему уже и самому хотелось спать, но сон как будто бы кто-то выталкивал из его головы. Александр Петрович услышал, как по листве в саду начали стучать капли, снова начался дождь, быстро разогнался и начал бить в окно. Он встал, закрыл створки, шум превратился в ровный гул, но скоро ослаб, и только отдельные капли мерно стучали, падая с крыши на жестяной подоконник. Под одеялом рядом с Анной было тепло, Александр Петрович придвинулся к ней вплотную и почувствовал, что все его волнения были напрасными и несправедливыми, под одеялом рядом лежала Анна, его Анна... тогда он подумал, что больше с ней никогда не расстанется, что не нужна ему отдельная спальня и хорошо, что он не спросил про рояль: «Понятно, что продала, – нужны были деньги!» – и заснул.

Глава 12

Когда в дверь тихо постучали, Александр Петрович не проснулся, а только повернулся на бок, лицом к окну. Анна проснулась.

– Да, Сашик, входи, – сказала она, но тут же опомнилась и попросила почти шёпотом: – Подожди, сынок! Подожди! Я сейчас к тебе сама выйду!

Она лежала под лёгким покрывалом с голыми руками и плечами и согнутой в колене, неприкрытой ногой; её ночная рубашка висела, перекинута через спинку стула. Раньше, если она не вставала до того, как проснётся сын, он приходил к ней, заспанный, и ложился рядом, это стало привычкой. Он снова засыпал «у мамы под бочком» и спал ещё полчаса или час, пока не приходило его время вставать. Она же поднималась, готовила завтрак и только потом будила сына. И никогда не спала голой. Сейчас она вовремя опомнилась и поняла, что была права, что попросила Сашика не входить.

Александр Петрович ещё спал, Анна повернулась к нему и обняла. «Сколько я тебя ждала, а сейчас не пустила к тебе сына! Это не важно, что вы – отец и сын! Сашик никогда не видел в доме мужчину, а тем более в одной постели со мной. Не хочу, чтобы он начал ревновать и у вас испортились отношения. Пускай сначала привыкнет! А от себя я тебя больше не отпущу!» Она села, спустила с постели ноги и накинула рубашку. Всё правильно, стрелки часов показывали семь утра, это было обычное время, когда Сашик просыпался и начинался их день. Она встала, одёрнула застрявшую на бедрах ночную рубашку и подошла к будуару: «Дождалась! Я дождалась!» Она не спала почти всю ночь и слушала, что ей рассказывал Александр, и только к утру позволила сну настигнуть себя. Когда уснул Александр, она не помнила.

Деревянный палисандровый гребень легко расчёсывал волосы, через зеркало Анна смотрела на спящего мужа. «Господи, сколько же ты вытерпел, пока...» Она надела мягкие туфли с белой выпушкой и тихо вышла из комнаты.

Стук в дверь Александра Петровича разбудил. Он сразу понял, что это был сын, и что своим появлением в доме он, наверное, что-то нарушил, и что Сашiku он хотя и отец, но при этом все же незнакомый мужчина, а отцом ему ещё надо стать. Поэтому, чтобы не нарушить их привычный распорядок, он сделал вид, что спит. Он просыпался и до этого, его сон был лёгкий и тревожный: каждый раз, очнувшись, он не понимал, где находится, но это было не купе, и не Мишкино зимовье, и не тайга, через которую он ехал на телеге. И тогда он с облегчением обнаруживал, что лежит раздетый, не в брюках и не в сапогах, и даже не в онучах, а на мягкой свежей постели, в комнате с белыми стенами не из брёвен, между которыми свисают мох и бороды пакли. Тогда он рукой под покрывалом нащупывал бедро жены, гладил её тёплую гладкую кожу, боялся разбудить и не мог перестать этого делать. И тогда сознание открывало, что он дома; и ему не хотелось снова засыпать, чтобы проснуться где-то далеко или быть ещё в пути.

Он слышал, как Анна вышла.

Сашик сидел на кровати и смотрел на маму, Анна подошла к нему, присела на корточки и прижала к груди его голову.

– Сашик, ты рад, что папа вернулся? – спросила она и посмотрела сыну в глаза.

– Конечно рад, мамочка! Я же его сразу узнал, он как на фотографии, он совсем такой же...

Анна вытерла слёзы.

– Ты почему плачешь, мамочка? Папа точно такой, как ты мне рассказывала... Можно мне к нему?

– Это от радости, сынок, это от радости! Подожди, пусть он немного ещё поспит, он так долго к нам ехал!

- А можно я покажу ему, как я его нарисовал?
- Можно, но чуть позже, когда проснётся, хорошо? А почему ты вчера не показал?
- А я забыл, а ночью вспомнил!
- Конечно, покажи, а сейчас одевайся!

Анна вышла из детской, взяла рукомойник, перекинула через плечо полотенце, налила в фарфоровый кувшин воды и тихо внесла всё это в спальню. Александр Петрович не спал, он сидел на высоко взбитой подушке и, когда она вошла, протянул руку.

- Подойди ко мне, – попросил он. – У нас дверь не запирается?
- Нет! – тихо засмеявшись, ответила Анна и поставила рукомойник и кувшин на подоконник. – Мне не от кого было её запирать! Дома я да Сашик. – И она присела на край кровати. Александр Петрович смотрел на неё не отрываясь.
- Ты что? Почему ты на меня так смотришь? – тихо спросила она.
- Я люблюсь тобой! – И он притянул её к себе.

За дверью послышались шаркающие шаги, но это был не Сашик, потом хлопнула дверь, в ванной комнате застучал железный носик умывальника и раздалось громкое сморкание и прокашливание горлом.

Они засмеялись в подушки.

– Какой он смешной, этот Кузьма Ильич! Где ты его взял?

В дверь постучали настойчиво.

– Иди к нему, он тебя всё утро ждёт, – прошептала Анна и сказала громче: – Сейчас, Сашик, сейчас папа к тебе выйдет!

Через несколько минут Анна стояла у зеркала и осматривала себя; она успела причесться, надеть корсет и шуршащую нижнюю юбку с широким поясом. Корсет, волосы и юбка были одного оттенка – тронутая солнцем blonde. Лицо, плечи и открытые руки были белые, даже немного бледные, и она их никогда не пудрила. Она посмотрела на кисти рук, только что намазанные кремом, от этого в спальне легко пахло лавандой, сегодня её руки уже не горели болезненной краснотой. Анна немного растянула шнуровку на корсете и оправила юбку. За глаза её фигуру сравнивали с фигурой Иды Рубинштейн и шептались, что ей надо бы немного поправиться, а ей нравилось, она чувствовала себя лёгкой. И Александру нравилось, он говорил, что она светлая и воздушная, «как облачко». Корсет слегка жал, и она ещё немного растянула шнуровку и подтянула его за верхнюю кромку, подняв грудь. «Сейчас я уже не Ида Рубинштейн...» – подумала она, поставила ногу на пуф и стала надевать чулок. Она знала, что после родов немного налилась, и в груди, и в бёдрах, и очень боялась, как к этому отнесётся Александр. «А он, по-моему, даже не заметил или промолчал». Анна выпрямила одетую в чулок ногу и легко повернулась коротким фуэте. Когда в танце «Семи покрывал» на сцене появлялась Ида Рубинштейн в роли Саломеи, служанки помогали ей выйти из паланкина и освобождали от лёгких полупрозрачных шалей, обёрнутых вокруг её стройного, необычно худого тела, и вот остаётся последняя шаль, самая прозрачная, полуобнажённая Ида – застывшая хрупкость, – она отбрасывала от себя и эту...

«А Саша рассказывал, что мужчины в партуре в этот момент начинали шевелить пальцами!...»

...Ида открывала ногу, потом другую, «длинную и стройную, более чем у сказочных образов...».

«Говорят, она сейчас в Париже... конкурирует с самим Дягилевым!...» Анна поставила другую ногу на пуф, и в этот момент в дверь постучали, Анна вздрогнула:

– Сейчас, сейчас! Ещё пять минут, и я готова!

Она не определила, кто стучал, муж ли, сын ли, и ей было радостно оттого, что она могла гадать – кто это был, ещё вчера всё было по-другому.

Черная лакированная рессорная коляска легко шуршала резиновыми шинами по харбинской брусчатке и уже миновала железнодорожные пути и въехала на Офицерскую.

Сашик и Кузьма Ильич сидели спиной к извозчику, оба крутили головой; Сашик что-то показывал старику в незнакомом ему городе; Кузьма Ильич, как и вчера, раз за разом с удивлением обнаруживал, что Харбин – это «никакой не Китай», и только крестился и шевелил губами, когда видел редких в русских кварталах китайских рикш: «Надо же, иноверцы! И людей взнуздали!», а иногда тихо плевался, когда рикши везли русских – дам или господ: «Прямо патриции античные! Настоящий Вавилон! Эх, Царица Небесная!»

Сегодня утром его разбудил звон колоколов. Когда он проснулся, как обычно рано, то в первый момент даже не понял, что его разбудило. Он несколько мгновений вслушивался; звуки, которые коснулись его слуха, были знакомые, такие, как он слышал в детстве и в юности: тихие и густые колебания заполняли через открытое окно его комнату и вливались с тёплым разреженным утренним воздухом. Вдруг ударило совсем близко, очень звонко, как будто прямо в ухо, – во всех харбинских церквях оповещали о начале утренней службы. «Колокола!!! Господи Иисусе! Это же колокола!!!» Кузьма Ильич вскочил с кровати, стал одеваться, второпях не попадая в рукава и брючины новой одежды, и даже вспотел.

Вчера вечером он слышал колокольные звоны, они долетали, но в доме было слишком шумно и суетно, это отвлекало, но он чувствовал, что слышит что-то знакомое и родное. До этого он не слышал колокольных звонов уже... «Сколько лет? На германской были походные церкви, у Верховного была своя, домовая, в Омске звонили, а после Омска мы только ехали или шли... А в Благовещенске... – Он попытался вспомнить, слышал ли он звон колоколов Благовещенского собора, но не смог. – Может, и звонили, а я не помню...» Он кое-как оделся и решил, что добежит до расположенного поблизости собора, мимо которого они вчера прошли, и вдруг вспомнил, что Александр Петрович обещал, что сегодня они все поедут к Иверской церкви и поклонятся праху генерала Каппеля.

«Так! – подумал он. – Если я сейчас уйду, а они наверняка ещё спят, – они меня потеряют и поедут к Иверской сами, без меня!» Он сел на стул и посмотрел на часы. «Жалко будить. Ещё так рано! Но что же делать?» Вдруг он услышал, что у него за стенкой, в соседней комнате, в детской закрипела кровать, зашевелился Сашик, это, наверное, он уже встал. Кузьма Ильич снова посмотрел на часы, было самое начало восьмого, он тихо постучал в стену, через секунду из детской также тихо постучали ему в ответ. Он услышал, как по полу зашлёпали туфли к двери, встал и открыл свою, – ещё с заспанными глазами, улыбающийся во весь рот, у его двери стоял Сашик.

– Кузьма Ильич, вы уже встали? Мы едем?

Справа и слева от коляски проплывала зелень молодых деревьев, пыхали гарью редкие автомобили, стучали по брусчатке кованые колеса ломовых телег, разъезжавшихся от железнодорожных складов, обгоняли и отставали лихачи. Александр Петрович, Анна, Сашик и Кузьма Ильич ехали в военную Иверскую церковь поклониться праху генерала Каппеля, поэтому Анна была в тёмном, скромном и закрытом. Александр Петрович – в чёрной шерстяной паре и в котелке с шёлковой лентой, и даже Сашик уговорил по этому случаю позволить ему надеть форму подготовительного класса коммерческого училища. Он изнывал от жары, но, гордый своей новенькой, ни разу не надёванной формой, терпел.

Анна тоже томилась. Она промокнула платочком пот и поправила короткую вуалетку. Конечно, в такую погоду хорошо было бы ехать куда-нибудь на Сунгари: в ажурных перчатках, лёгком платье и с зонтиком! Но какая это была ерунда, ведь сейчас они едут все вместе.

Александр Петрович смотрел на город и испытывал ощущение перевёрнутого дежавю: он уже всё это видел и не верил своим глазам, поэтому старался держать себя в руках и не давать воли чувствам, которые готовы были хлынуть.

Он посмотрел на Анну.

«Боже, как же ей жарко в этом платье! Как было бы здорово сейчас оказаться на Сунгари, взять лодку, она надела бы что-то светлое, лёгкое, воздушное, ажурные перчатки, зонтик, как бы это было весело!»

Вдруг Сашик заерзал на сиденье и спросил:

– Папа, а когда мы Кузьме Ильичу покажем Сунгари?

Александр Петрович посмотрел на сына и подумал: «Почему он вчера показался мне таким маленьким? Он уже совсем большой!» – но Александр Петрович не успел ответить, их коляска уже сворачивала влево, и он увидел покрытый маленькими полукруглыми кокошниками шатер колокольни Иверской церкви.

– Кузьма Ильич, оглянитесь!

Лошади остановились, Кузьма Ильич первым сошёл с сиденья и, не оглядываясь, только подхватив за руку Сашика, мелкими шагами засеменил в ограду.

– Кузьма Ильич, а вы видели генерала Каппеля? – спросил Сашик, старательно и широко вышагивая рядом со стариком.

Кузьма Ильич почувствовал, как в его руке потеет маленькая ладошка.

– Видел, Александр, видел, но я тебе потом всё расскажу, а теперь давай поклонимся Господу нашему Иисусу Христу! – Тельнов остановился у входа и размашисто перекрестился.

В это время из открытых дверей вышел дьякон: в чёрной рясе, с крестом на груди и маленькой планкой ордена Святого Георгия с «веточкой». Он был молод, лет тридцати, не больше, с короткой стрижкой смоляных волос, подкрученными вверх гвардейскими усами и аккуратной эспаньолкой.

«Ни дать ни взять – офицер!» – невольно залюбовался им Тельнов.

– Батюшка, а куда тут к Владимиру Оскаровичу?

Дьякон коротко кивнул, и Кузьме Ильичу представилось, что он ещё должен был щёлкнуть каблуками, но вместо этого дьякон сделал мягкий жест рукой и пригласил Тельнова и Сашика последовать за ним.

Александр Петрович помог Анне выйти из коляски, снял котелок, вытер со лба пот и протёр котелок изнутри.

– Припекает тут у вас!

– Да, Саша, сегодня жарко, а ночью дождик прошёл, и ничего! Можно было в другой день приехать или утром, пораньше! – сказала Анна.

– Можно, Анни, конечно, можно, но ты же видишь, что со стариком происходит и как ему не терпится.

– Да, да, конечно! И пусть их! По-моему, Сашик с ним интересно. Пойдём в тень или в храм?

– В храм!

– Давай закажем поминальную и поставим свечи.

Иверская церковь, куда они приехали и где был похоронен генерал Каппель, была освящена после Японской кампании, её построили и расписали офицеры и солдаты в память о своих погибших товарищах. Она стояла немного выше Офицерской улицы, рядом с ней ещё не было ничего построено, и её не загораживала зелень.

Они вошли в ограду, Анна по привычке взяла мужа под левую руку и плотно прижалась.

«Вот так вы возвращаетесь! Каждый по-своему!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Александр Петрович стоял возле зеркала и пытался вставить ножку запонки в тесную прорезь туго накрахмаленной новой манжеты. Золотая запонка не слушала пальцев и выскальзывалась, у её ножки был пружинный механизм, который оказался очень хитрым и капризным, и поэтому, как только ему удавалось хотя бы немного просунуть ножку в маленькую, круглую, плотно обмётанную петлю манжеты, механизм запонки срабатывал, ножка щёлкала и складывалась, и всё начиналась сначала. Александр Петрович терпел, тихим, почти неслышным голосом ругал всё новое, а в особенности мелкие предметы и так туго накрахмаленные манжеты. В какой-то момент он почувствовал, что надо передохнуть, и оглядел комнату.

– Чем вы заняты, Кузьма Ильич?

– Да вот, читаю ежедневную демократическую газету «Заря».

– Несколько номеров сразу? Я вижу у вас их в руках несколько!

– Да, с самого Нового года!

– И что там интересного?

– Всё интересно! На улице с Рождества такой собачий холод, что носа не высунешь, а почитаешь, и вроде как везде побывал. Вот, к примеру, послушайте! – Тельнов поправил очки и немного откинул голову. – Вот послушайте: «Вторник, 1 января 1924 года. Номер первый! Поздравления с Новым годом!» Целиком страница, понимаете ли. – Он прокашлялся. – «Торговый дом «И.Я. Чурин и Компания». Просит своих уважаемых покупателей принять его поздравления по случаю Нового года». А? Это, значит, и нас с вами!

Александр Петрович снова взялся продевать запонку.

– Что ж тут такого? – Он опустил подбородок на грудь и от этого говорил сдавленным голосом. – Вчера Анни закупила там половину мясного прилавка, а по моему заказу нам сегодня привезли дюжину «Шато»!

Тельнов пошелестел газетой и отодвинул её от себя ещё чуть дальше.

– А вот ещё: «Художественное кабаре «АльказарЪ» в отеле «Хокуман», тут даже телефон имеется, «40–18», «поздравляет уважаемых посетителей с Новым годом». И так дальше! Вот... – Кузьма Ильич поднял глаза и увидел, что Александр Петрович, не отрываясь от своего занятия, пошёл к двери. – А вы куда? Я ещё не дочитал, тут много, целая страница...

– Перво-наперво, Кузьма Ильич, – Александр Петрович остановился, – вам, наконец, следует купить новые очки и не портить глаза, и второе: не выбрасывайте этот номер!

– Это почему? – спросил тот и положил газету на колени.

– Не зна-а-а-ю! Но вот такая мысль пришла в го-о-олову!.. – растягивая слова, сказал Александр Петрович, довольный тем, что ему наконец-то удалось справиться с запонкой.

Он облегчённо вздохнул, отвернул от двери, подошёл к средней створке шифоньера, посмотрел на себя в зеркало и поправил пластрон и бабочку.

– Вот так, Кузьма Ильич!

– Хорош, кавалер, истинно хорош, – промолвил Кузьма Ильич и пожевал губами. – Жаль только вот – не в мундире! А всё ж ответьте мне, почему не выбрасывать?

– Пусть хранится! Не знаю я, Кузьма Ильич! – Александр Петрович одёрнул фрак. – Анни! Ты готова? – крикнул он в коридор и обернулся к Тельнову: – А мундир, уважаемый Кузьма Ильич, хорош при орденах!

Тельнов задумчиво покачал головой:

– Что правда, то правда! На балу будут и те, кто эти ордена получил, сидя здесь, у них, конечно, всё при себе! А ваши ордена... – горестно протянул он.

Александр Петрович ухмыльнулся, открыл левую створку шифоньера и достал деревянную китайскую лакированную шкатулку, открыл её и вытащил двух Георгиев и Анну с мечами четвертой степени «За храбрость».

У Кузьмы Ильича открылся рот.

– Сохранили?! Как удалось? Если бы большевики... да за это вас...

– Половина большевиков сами такие имеют, Кузьма Ильич, а мундир... мундир и шить можно, да только...

Александр Петрович не договорил: в этот момент в гостиную вошла Анна, она на секунду замерла, глядя на в один миг остолбеневших мужчин, и поправила на левом запястье золотую спираль браслета в виде змеи с глазами из синих сапфиров. На ней было длинное тёмно-синее бархатное платье на тонких бретельках, на оголённых плечах лежал золотой газовый шарф с синей каймой, а высокую причёску держал изящный золотой гребень из перевившихся змей с такими же, как на браслете, глазами из синих сапфиров.

– А вот и я! Осталось только взять сумочку!

Когда стих звук последнего сказанного ею слова, в комнате повисла тишина.

– Ну что вы, дорогие мои? Саша, раз-два-три, отомри! Я её уже приготовила, – быстро заговорила Анна, стараясь не показывать своего смущения. – Вон же она лежит – на рояле!

Поражённый красотой жены, Александр Петрович сделал несколько неуверенных шагов по направлению к купленному год назад роялю, Кузьма Ильич продолжал сидеть с прямой спиной и опущенной на колени газетой.

– Польска краля! – замершими губами промолвил он. – Марина и Сигизмунд!

– Полноте, Кузьма Ильич! – засмеялась Анна. – Марина была дурнушка! Шучу, конечно, но её прижизненных фотографических карточек не сохранилось.

– И даже дагеротипов, только чёрно-белые гравюры, – тихо сказал Александр Петрович, взял с крышки рояля театральную сумочку из золотой парчи и подал её Анне.

В комнату вбежал Сашик и тоже на секунду замер.

– Мама. – Он стоял с открытым ртом. – Ты такая красивая. Я тебя такой никогда не видел. Александр Петрович обернулся к сыну.

– Сашик, как тебе не совестно, мама у нас всегда красивая, – сказал он и встал рядом с Анной.

– А вы скоро вернётесь?

Анна присела к сыну и поправила короткий пиджачок с бархатным воротником.

– Нет, мой дорогой! Мы сегодня вернёмся не скоро. Ты ложись спать, тебе завтра на ёлку.

– А кто меня отведёт?

Кузьма Ильич успел прийти в себя, но невольно ещё продолжал любоваться этой красивой парой.

– Я, внучек! Я тебя отведу, а теперь маме и папе не мешай, и давай мы с тобою почитаем. Сашик оторвал взгляд от матери и посмотрел на Тельнова:

– Опять историю Пунических войн?

Тельнов улыбнулся:

– Ну если не хочешь историю Пунических войн, то найдём что-то другое.

Анна накинула поверх высокой причёски тонкий пуховый платок, подставила плечи под шубу, надела её апаш и сказала:

– Нам нельзя опаздывать, Бэ Вэ этого не любит.

В это время с улицы слышались квакающие гудки клаксона.

– Вот, Саша, видишь, и таксомотор уже подали.

Когда они ушли, Сашик спросил:

– Кузьма Ильич, а кто такой Бэ Вэ?

Тельнов посмотрел на него поверх очков:

– Бэ Вэ – это Борис Васильевич Остроумов – управляющий дорогой, а чтобы тебе понятно было – считай, что хозяин всей нашей русской Маньчжурии!

Глава 2

В спальне назойливо тикали часы, Александр Петрович открыл глаза и понял, что утро уже давно прошло. Рядом тихо, почти неслышно, дышала Анна, её светлые волосы падали через лоб, закрывали половину лица и лежали рассыпанные по подушке. Александр Петрович с благодарностью посмотрел на неё, осторожно откинул одеяло и постарался встать с кровати так, чтобы её не потревожить. Вдруг мимо их двери громко простучали шаги в сторону детской, а на крыльце глухо затопали валенки, обивая на пороге снег, потом послышались шаркающие звуки веника и стук хлопнувшей двери.

Анна открыла глаза, убрала с лица волосы и посмотрела на мужа:

– Который час, Саша?

– Начало первого!

– Надо же? Начало первого, а такое ощущение, что мы совсем не спали!

– Сашик со стариком уже вернулись с ёлки.

– Я слышала! – Анна откинула одеяло, встала, похлопала ладошками по щекам и протянула руки к мужу. – Иди ко мне! Тебе нравится танцевать фокстрот?

Александр Петрович обнял её и крепко прижал:

– Ты была вчера само чудо!

Анна слегка отстранилась и внимательно посмотрела на него.

– Ты была самая красивая... во всём Харбине...

Анна молчала и смотрела на него.

– Как тебе удалось сохранить и браслет и гребень... как тебе это удалось?

Анна уткнулась ему в грудь:

– Это же твой свадебный подарок...

Она сжалась в комочек и с улыбкой подумала: «Это было непросто!», потом откинула поднятые вверх руки, крепко сжала кулачки и долго и сладко тянулась.

– А-ах!!! – выдохнула она. – А ты не ответил на мой вопрос!

– Нравится! Только я чувствую себя рядом с тобой как медведь, которого не вовремя подняли из берлоги!

– Неправда! Ты прекрасно танцуешь – и вальс, и танго, и особенно... фокстрот!

– Тебе вчера аплодировал весь зал...

– Ты меня ревновал?

– А как же!

– Нет! Правда, ревновал?

– Как Пушкин Наталью Николаевну!

Анна упёрлась кулачками ему в плечи и изогнулась – лёгкая и такая изящная.

– Ты меня правда... ревновал? – Её щёки были пунцовые, а глаза сверкали. Она глубоко вдохнула.

– Только один раз!

– Когда? – Она медленно и тепло выдохнула.

– Когда ты вальсировала с Бэ Вэ!

Анна рассмеялась:

– Так ты меня ревновал к Остроумову? Как можно? Он уже старый и такой маленький...

– Однако танцует он, как сказал бы Кузьма Ильич, изрядно!

Анна освободилась от объятий мужа, закружилась, потом остановилась и сказала:

– А ты знаешь? Я сама от него не ожидала, он производит впечатление человека резкого, угловатого, а оказался такой лёгкий...

– Мама! – вдруг послышалось из-за двери. – Папа! Вы уже проснулись? К вам можно?

– Через секунду! – прокричала Анна и накинула шёлковый золотистый халат. – Входи, сынок!

Сашик вошёл в спальню, он ещё не переоделся и хотел похвастать своим маскарадным костюмом, в котором только что был на ёлке, шагнул вперёд, снял шляпу с плюмажем и сделал манерный поклон, его игрушечная шпага задрала вверх голубой мушкетёрский плащ и царапнула по двери.

Анна также манерно присела, Александр Петрович приветствовал вошедшего кивком.

– Мадам! Сир! – сказал Сашик, не распрямляясь.

– Шевалье! – Анна протянула ему руку. – Вы ещё молоды, но я разрешаю вам прикоснуться к моей руке...

Александр Петрович сдвинул брови и сделался серьёзным:

– Ни в коем случае, молодой человек, мне придется потребовать у вас сатисфакции...

Анна обернулась к нему:

– Сир! Какая сатисфакция, он ещё мальчик...

Все трое улыбались, готовые рассмеяться, но старательно выдерживали серьёзные мины.

– Мадам! – сказал Александр Петрович и поклонился Анне. – Этот, как вы изволили выразиться, мальчик надел перевязь капитана королевских мушкетеров и осмелился к вам приблизиться без моего разрешения! Шевалье!..

В дверь опять постучали, и послышался голос Кузьмы Ильича:

– Маленький Ли спрашивает, когда накрывать чай?

Александр Петрович сделал вид, что не услышал вопроса из-за двери, и встал против сына в атакующую позицию:

– Итак, молодой человек! Вы принимаете мой вызов?

Сашик удивлённо посмотрел на него, но тут же сообразил и тоже встал в атакующую позицию:

– А когда король в пижаме, разве он может вызывать на дуэль?.. – Сашик не успел договорить.

– Ну конечно не может, – рассмеялась Анна. – Король может только повелевать...

– Ах так?

Александр Петрович сделал два быстрых скользящих шага, как на фехтовальной дорожке, и подхватил Сашику на руки:

– Зато гвардейский офицер всё может! Даже если он в пижаме!!!

В дверь снова постучали.

– Да, да, Кузьма Ильич, через полчаса мы будем к чаю...

Анна со счастливым лицом подошла к мужу и сыну и обняла их.

– Какие вы смешные, оба! Как я вас люблю! С Новым годом!

– И тебя с Новым годом! – выдохнули оба.

Когда Александр Петрович и Анна наконец вошли в гостиную, Сашик, уже переодетый, лежал на ковре перед картой Евразии, а Кузьма Ильич, как будто со вчерашнего дня ничего не изменилось, снова сидел в хрустком кресле и держал в руках номер газеты «Заря».

– Кузьма Ильич! – спросил его Александр Петрович. – А почему бы вам не почитать других харбинских газет или, например, шанхайских?

Старик удивлённо посмотрел на него:

– Каких?

– Ну... – Он задумался. – В Харбине издается около десятка газет, есть журналы, например «Рубеж»!

– А зачем мне другие газеты? Я читаю эту с самого первого номера. – Он сложил её и повернул лицевой стороной. – Хорошая газета, «харбинская, демократическая», зачем мне другие?

– Так, может быть, в других газетах по-другому пишут!

– Пишут-то, может быть, и по-другому, а дела-то те же самые! Вот, к примеру, что о вас пишут! – И он поднял вверх палец.

– Интересно, что о нас пишут. – Анна посмотрела на мужа.

Тельнов продолжал держать палец.

– «Заря», 13 января 1924 года, заметка называется «Вчерашний бал в Желсобе. Капище фокстрота. Корреспонденция с бала...».

– А что такое капище? – спросил Сашик, не отрываясь от карты.

Взрослые переглянулись.

– Вон стоят Брокгауз и Эфрон, ты можешь с этим вопросом обратиться к ним, – спокойно ответил Александр Петрович. – Продолжайте, Кузьма Ильич.

Но Кузьма Ильич уже отвлёкся:

– Очень полезный совет, молодой человек, вам и вправду для пользы дела надо иногда открывать умные книги...

– А что такое, Кузьма Ильич, – спросила Анна, она раскладывала по розеткам варенье.

– Ничего особенного, но молодой человек изволили надеть костюм мушкетера его величества короля Франции Людовика Тринадцатого и при этом обещали вызвать на дуэль каждого мальчика в классе, если кто-то рискнёт прийти в таком же маскараде, а о реформах его высокопреосвященства кардинала Де Ришелье и слухом не слыхивали!

Анна и Александр Петрович переглянулись.

– Знаю я о его реформах, у Дюма в «Трёх мушкетёрах» всё написано, – не поднимая головы, пробурчал Сашик и тут же вскинул глаза. – А в следующем году я сделаю форму красноармейца – такой в классе ни у кого не будет, и не надо будет никого вызывать на дуэль! – Он обвёл всех мечтательным взглядом. – Это так здорово, представляешь, мама, такой высокий шлем, как у Ильи Муромца, и синяя звезда, большая! Здорово, да?

В комнате воцарилась тишина, был слышен только стук ножа из кухни, где повар Чжао готовил обед, и поскрипывание кресла-качалки Александра Петровича.

Он серьёзно посмотрел на сына:

– Хорошо, Сашик, хорошо, – доживём до следующего года. Только эту форму, как у Ильи Муромца, шили для нашей армии, для императорской. Мы ещё поговорим с тобой об этом. Продолжайте, Кузьма Ильич!

Старик поправил очки и начал читать статью:

– «Никогда, нет, вы должны поверить, что воистину никогда, Железнодорожное собрание, да что Железнодорожное собрание...» – Кузьма Ильич опустил газету и спросил: – Вам как, с выражением? – Он постарался придать своему лицу значительность.

– Можно с выражением, – сосредоточенно ответила Анна, расставляя на столе чайные чашки и принимая из рук боя Ли вазу с печеньем.

– Как изволите! Так вот, продолжаю, с выражением: «...вообще ни одно бальное помещение в Харбине от дня основания города не вмещало в себя таких толп народу, как вчера. С девяти часов вечера и до полуночи автомобили выбрасывали всё новых и новых мужчин и женщин всех возрастов, всех социальных градаций и темпераментов... И сразу же, ещё в вестибюле они попадали в сказку...»

В этот момент в комнату вошёл повар с кипящим самоваром.

– «Харбин наголодался!.. – продолжал Кузьма Ильич. – Этими двумя словами Бэ Вэ Остроумова определяется причина головокружительного успеха вчерашнего празднества...»

– Браво! Браво! – Оглядывая стол, Анна хлопнула в ладоши. – «Харбин наголодался!» Все к столу! Кузьма Ильич, продолжим после чая. – Она посмотрела на часы. – В пять часов у нас будут гости, и до этого времени никто не получит ни крошки.

Кузьма Ильич посмотрел на Анну, на Александра Петровича и на Сашика:

– Вы пейте! Аннушка, налейте мне, если вам не трудно, а я печенья не буду, утром кушал, а пока почитаю. Вы ведь с утра газет в руках не держали?

– Воля ваша, Кузьма Ильич! – ответила Анна.

Старик придвинулся ближе к столу и осторожно прихлебнул из горячей чашки:

– Так вот, я продолжаю: «...никогда не текла такой сплошной лавиной толпа по лестницам, коридорам и проходам Желсоба. Никогда Желсоб не горел пляской таких бешеных огней, как горел и переливался он вчера. Никогда не звучало одновременно под одними и теми же сводами столько фокстротных оркестров. Никогда так сильно и так разнообразно не были украшены залы, гостиные и фойе Железнодорожного собрания. Никогда не собиралось столько фраков при белых пластронах и подчёркнуто строгих смокингов... – Кузьма Ильич читал действительно с выражением, меняя интонации, повышая и понижая голос. – И уж конечно, никогда, ни на прошлогоднем остроумовском балу, ни на каком другом, не было такого умопомрачительного обилия изысканных туалетов, как вчера...»

При этих словах Кузьма Ильич посмотрел на Анну и Александра Петровича.

– Даже представить себе не могу! – сказал он, но, не услышав ответа, продолжил чтение: – «Остроумов превзошёл все свое организаторское прошлое. Превзошёл самого себя! Пляска огней. Томные и шипящие звуки пряной мелодии. То ослепительный свет люстр. То сине-пурпуровый полумрак фокстротных капищ. И эта мельница электрических лампионов в большом фойе...»

Он читал и не замечал, как переглянулись Анна и Александр Петрович, в какой-то момент он только почувствовал, что в гостиной всё стихло, ему стало любопытно, и он, заглянув на несколько строчек вперёд и не переставая читать, поднял глаза и тайком, исподлобья оглядел комнату: Анна протирала салфеткой чайные и десертные ложки, Александр Петрович качался в кресле и, как показалось Кузьме Ильичу, слушая его чтение, устремился взглядом куда-то вверх. Сашик, упёршись подбородком в кулаки, лежал перед картой и болтал согнутыми ногами, и вдруг спросил:

– Кузьма Ильич, а что такое «лампионы»?

Тельнов вздрогнул, но не успел ответить.

– Это такие лампы, очень большие и яркие, – ответила за старика Анна Ксаверьевна.

– А-а, понятно, – сказал Сашик и снова уткнулся в карту.

Кузьма Ильич глянул на Анну и Александра Петровича, увидел, как они переглянулись, улыбнулся и подумал: «Какая замечательная пара, и зачем я отвлекаю их своим бормотанием?»

Газетные строчки были набраны криво, было видно, что шрифты в типографии «Зари» уже старые, но ни это, ни его мысли не помешали старику увидеть то, что вчера ночью происходило в Железнодорожном собрании, и он продолжил:

– «Строгая, величавая, законченная, в прямых и благородных линиях красота античного портала с его грандиозной колоннадой в главном зале.

Капризный полумрак уютной «засыпкинской» гостиной.

В ней особенно нежно воркует банджо джесса...»

– Да! – задумчиво уронила Анна Ксаверьевна. – Красиво было...

«...Бар внизу, бар наверху... – продолжал Кузьма Ильич, – бар в русской буйной росписи ковров и красок. Столы, ломившиеся вчера яствами в ресторане. Стойки с шампанским,

стойки с кроушоном. Уголки коктейля. Буфет демократический. Буфет фешенебельный. Буфет дам-патронесс, а рядом ниша, в которой орудуют одни бои в белых хитонах...»

– И вкусно! – добавила Анна.

«И киоски, киоски без конца и края. Кто был вчера в Желсобе? Ей-богу, легче сказать, кого в нём вчера не было. Вся иностранная колония, все экспортные фирмы: с женами, с чадами и домочадцами. Вся служилая лавина: управленская, правленская, даже те, кто мог освободиться с линии. Консула. Коммерсанты. Инженеры. Педагоги. Японцы. Китайцы. Военные. Штатские. Генералы и (даже) адмиралы. Адвокаты. Пристань и Новый город. Молодёжь и старики, такие старики, что их поддерживали, когда они хотели сойти по крутым желсобовским лестницам.

А главное, дамы, дамы и дамы...

Подобного вчерашнему обилию туалетов не запомнят даже старожилы харбинских мод...»

– Наряды действительно были недурны! – вставил слово Александр Петрович.

«...Женщины самых разнообразных возрастов, форм и фигур, брюнетки, блондинки, женщины в парче и строгих чёрных «робах». Женщины крашенные и зардевшиеся естественным румянцем, после истомы фокстротных касаний...»

– А что такое «фокстротные касания»? – спросил Сашик и обвёл всех взглядом.

– Продолжайте, Кузьма Ильич! – отреагировала Анна Ксаверьевна. – Ты ещё не дорос, сынок, я тебе потом объясню.

Однако Сашика ответ на заданный им вопрос уже не интересовал, – так он был увлечён картой. Взрослые опять с улыбкой переглянулись, и Кузьма Ильич снова стал читать:

«...И над всем этим плывёт и зыбит тягучий, во все поры собрания проникающий дурман танца. Почти не было людей, которые соблазнились бы картами или предались сознательному кревоугодию...»

Статья с описанием чудес вчерашнего новогоднего бала в харбинском Железнодорожном собрании заканчивалась, уже был виден последний абзац, финал, но Кузьме Ильичу хотелось, чтобы она была длинная, как какой-нибудь старинный роман. Он дочитывал уже в полной тишине, только Анна Ксаверьевна и бой Ли ещё позванивали столовым серебром, и он вспомнил себя в детстве, рядом с величественной, освещенной множеством ярких факельных огней колоннадой Благородного собрания, куда на Рождество съезжалась вся московская знать. Он, как маленькая рыбёшка, затесывался в толпу охотнорядских зевак, которую у парадного подъезда со стороны Большой Дмитровки сдерживали полицейские с белыми витыми шнурами на шинелях, за них хотелось дернуть и послушать, не зазвенит ли что-нибудь. Полицейские были добрые, они даже улыбались и перемигивались между собой, никого не били, и от них на свежем морозном воздухе вперемешку с растоптанным на мостовой конским навозом слышался мягкий водочный перегар. «И подносили служивым! Изрядно подносили! А я... – закончив читать статью, подумал Кузьма Ильич и сложил газету, – пойду-ка я отдохну, пока не пришли гости!»

– А вы хороший чтец, Кузьма Ильич! – сказала Анна.

– Да, дедушка, не как пономарь на молитве, – неожиданно подытожил Сашик.

Глава 3

Напольные часы в большом деревянном футляре с блестящим маятником и тяжёлыми бронзовыми гириями за высокой стеклянной дверцей пробили пять часов. Александр Петрович открыл свой хронометр на новой золотой цепочке, которую на Рождество подарила ему Анна, и из-под крышки с орлами прозвенел гимн. Вошёл повар Чжао, и они втроём, Анна была рядом, оглядели накрытый к приходу гостей стол.

Чжао позвал Ли, что-то сказал ему, тот выбежал в сад и вернулся с хрустальным графином, только что вытасканным из снега.

Александр Петрович взял графин в руки, с графина на ковер капал таявший снег, и внимательно осмотрел.

– От Церцвадзе? – спросил он.

– Так! Еси! Моя на Китайский улица бегай, хозяина водка сама носи, «На!» – говори, «Александла Петловици пей!» – говори, «Хвали Сельвадзе!» – говори! – выпалил бой.

– Молодец! – Александр Петрович снова посмотрел на часы. – Хорошо, не давай остыть, положи снова в снег. Ну что, Анни, будем ждать?

Ли осклабился, поклонился, повторил: «Маладэза!» – и выскочил с графином из гостиной.

Анна Ксаверьевна обошла стол, накрытый на девять персон.

– Николай Аполлонович позвонил и сказал, что у них дочь заболела, но обещал заглянуть хотя бы ненадолго, а от Николая Васильевича известий не было, должно быть, всё в порядке. А ты, пока ожидаем, не выпьешь, ну вот хотя бы коньяку для аппетита?

– С тобой выпью, а что тебе налить?

– Можно «Шато»! Ли! – позвала она. – Открой вот эту бутылку!

– Не надо, я сам открою, подай мне штопор!

Александр Петрович открыл вино.

– Ли! – на сей раз позвал он. – Принеси лимон, только нарежь его колечками. А ты чем закусишь?

– Ветчиной со спаржей, она такая аппетитная! Если они задержатся, я не выдержу! – сказала Анна и наколола на вилку тонкий полупрозрачный кусочек ветчины.

В это время с улицы послышался топот копыт и скрип колёсных тормозов.

– Ну вот и ладно, – сказал Александр Петрович. – Стоит поднять первую рюмку, и гости тут как тут! Пойду встречу. А ты выпей – пока они разденутся, пока рассядутся...

Анна отпила глоток, откусила ветчины и, в последний раз придирчиво оглядывая стол, произнесла:

– Интересно, кто это – Байков или Устряловы?

– Сейчас увидим!

Через минуту Анна услышала, как захлопали двери, затопали башмаки и зашуршал веник, очищая с обуви снег. В прихожей было тесно, там встречали гостей Александр и бой Ли, забиравший пальто и шубы, и она решила, что будет встречать гостей здесь, в гостиной.

«Сколько же мы тут живём? – обходя вокруг стола и поправляя приборы и салфетки, подумала она. – С января 1911 года!

Боже мой, точно с января? Надо будет спросить! Если да, то как раз в эти дни! Также был Новый год или Крещение, сейчас уже не помню. Но если так, – значит, можно отпраздновать тринадцать лет, как мы в Харбине и в этом доме. Тринадцать! А можно ли праздновать тринадцать?..»

– Кузьма Ильич! – обратилась она. – А вы знаете, что мы с Александром Петровичем в этом доме живём уже тринадцать лет? На днях будет годовщина или уже годовщина!.. Надо отпраздновать!

Тельнов был в гостиной и тоже осматривал стол; он отдохнул после чая и пришёл сюда десять минут назад.

– Отчего же, матушка, не отпраздновать?

Анна посмотрела на него:

– А ничего, что тринадцать? Число-то какое!

– Да не вижу я в этом числе ничего дурного, у Бога все числа – и дни, и часы, и годы – Божий, можно и отпраздновать. Самое главное... – Но он не успел договорить, в проёме

открытой двери появилась молодая красивая женщина в свободном платье и с крокодиловой сумочкой на локте.

– Наташа! Наталья Сергеевна! – Анна всплеснула руками и пошла к госте. – Как я рада вас видеть! Вы после нашей последней встречи так похорошели. А почему я не видела вас вчера на новогоднем бале?

Гостя подошла к Анне Ксаверьевне и обняла её.

– Наташенька, – снова заговорила Анна, – на улице мороз, а вы бледненькая, что с вами?

Наталья Сергеевна пошептала что-то на ухо Анне, и та всплеснула руками:

– Да что вы говорите, вот это новость! Я вас поздравляю, голубушка, и что, когда?.. – спросила она, повернувшись к Кузьме Ильичу и заговорщицки промолвила: – А вы нас не подслушивайте, это наши, женские тайны!

– Помилуй, господи! Какие тайны. – Кузьма Ильич поднялся с кресла. – Вы только посмотрите на неё, у неё всё на лице написано, знаете ли, а вы говорите – тайны! Ну да ладно, вы тут... конечно, между собой, а я пойду встречать Николая Васильевича.

– Хорошо, Кузьма Ильич, встречайте, и будем звать к столу.

За столом, недавно покинутым мужчинами, оставались Анна Ксаверьевна, Наталья Сергеевна Устрялова и крутился Сашик. Из-за беременности Натальи Сергеевны Анна попросила в гостиной не курить, и мужчины перешли в кабинет, где уже был накрыт десерт и приготовлено всё необходимое для преферанса.

Сашiku сегодня было скучно, потому что никто из обещанных детей не пришёл, и он не знал, чем себя занять.

– Сашик, я понимаю, что ты грустишь. Не грусти, завтра мы позовём всех, кого ты захочешь! А пока... даже не знаю... займи себя чем-нибудь.

Анне перед сыном было неловко, но она была занята разговором с Натальей Сергеевной и не нашла чем его развлечь.

Глава 4

Талья выходила длинной, и в кабинете было сильно накурено. Игравшие этого не замечали. Только что на стол была брошена последняя карта; Тельнов тщательно тасовал колоду, а Байков, сидевший до этого на прикупе, записывал результаты последней игры. Он закончил расчёты, написал цифры в «пуле» и в «горе», стёр щеточкой лишние записи, уложил мел в коробку и откинулся на спинку стула.

– Да, Саша, скажу я тебе, отменный у вас с Анной Ксаверьевной повар! – Всю игру Байков старался сидеть прямо, переживал и пытался отдышаться. – Обьелся, право слово!

– По наследству достался! – внимательно глядя на руки Тельнова, сказал Адельберг.

Третий игрок – Николай Васильевич Устрялов – встал из-за стола, чтобы размять ноги после долгого сидения за праздничным ужином и за картами, и подошёл к рабочему столу Адельберга.

– С вашего позволения, – спросил он.

– Конечно, Николай Васильевич, если вы там что-то разберёте, – ответил Александр Петрович. – Там у меня сплошная топография.

Устрялов взял в руки несколько ватманских листов, посмотрел их и положил:

– Да тут действительно трудно что-то понять, – вижу, что это Малый Хинган и берег Амура, и больше ничего. А кстати, я тоже хотел поинтересоваться чудесами вашего повара...

– Особенно удался ему гусь, до сих пор вкус во рту стоит! Изумительно! – подтвердил Байков.

Адельберг оглядел гостей:

– Повар Чжао достался нам от наших бывших соседей, китайской семьи, у которой мы откупили вторую половину дома. Ему очень понравилось готовить русские блюда, и он добавляет к ним что-то из китайской кухни. А тебе, Николай, ответчу – это был не гусь, а «пекинская утка».

Байков удивился:

– Я слышал о «пекинской утке», но никогда не пробовал её и, признаться, китайскими кушаньями немного брезговал, а здесь... – Он развёл руками. – Чем отличается наш гусь от «пекинской утки»?

– Отличия серьёзные, наш гусь гуляет и клюёт, что ему вздумается, а «пекинскую утку» – это блюдо, кстати, императорской кухни – кормят специальным зерном, дают вина и не дают двигаться. Чжао откармливает их у себя дома, и как он это делает – мы с Анной даже не вмешиваемся.

– Ну тогда, если ты не против, я хочу выразить твоей супруге особую признательность за сегодняшний ужин – всё было отлично! И если ты позволишь – иногда одолжить на время твоего повара!

– Сделай милость! А что у нас с игрой, Кузьма Ильич? Вы так тасуете, что на картах все картинки сотрёте!

– Да, Кузьма Ильич! – обратился к нему Устрялов.

Тельнов положил перетасованную колоду на стол и обвёл всех взглядом:

– Готово!

Байков развернулся к нему:

– Кузьма Ильич, у вас лёгкая рука, если сдадите хороший прикуп, я с вас сотру «зуб».

– Как снесёте! – ответил Тельнов и пододвинул к нему колоду; Байков снёс, Тельнов поправил очки и начал сдачу. – Прикуп – парой или по одной? – с ехидцей спросил он.

Уже взявшийся за машинку для набивки папирос Адельберг удивился:

– Хитрите, Кузьма Ильич, всё как-то по-своему норовите. Конечно, по одной!

– Уж какая тут хитрость? – У Тельнова было игривое настроение, ему, чтобы закрыться, не хватало всего лишь нескольких очков. – Что по одной, что парой. Ну, по одной так по одной!

Карты летели на стол и мягко падали перед игроками.

– А вот и прикуп!

Он закончил сдачу, сидевшие за столом открыли карты и начали их изучать. Тельнов воспользовался моментом и подглядел к соседу:

– Никак на мизэр-с идёте-с, Николай Васильевич? Если прикуп выпадет подходящий, правда, что ли, сотрёте с меня «зуб»?

Не отрываясь от своих карт, Адельберг сказал:

– Накажем, Кузьма Ильич! Николай Аполлонович сотрёт, а мы с профессором вам его нарисуем!

– Николай Аполлонович! – обратился к Байкову Устрялов. – Вы уже записали последнюю игру?

– Записал, Николай Васильевич!

– И что там?

– Своя игра! Вы прошлись без ремиза, взяли свои три виста, хотя одним могли бы поделиться с Александром Петровичем...

– Ничего, я не в претензии. – Адельберг сложил карты и взялся разливать коньяк. – Играли лёжа, и я мог спокойно покурить. Чей заход?

– Твой, Саша! – Байков заметно волновался и стучал картами по столу.

– Не торопи меня, а то я пролью, – сказал Адельберг. – Я – пас!

Устрялов ещё раз глянул в свои карты:

– Два паса!

– «Два паса в прикупе – чудеса!» – сказал Тельнов и теперь уже сам забарабанил пальцами по лежавшему рубашкой наверх прикупу. – Ну-с! Николай Аполлоныч, господин полковник, что там у вас: «Лучше без одной на шестерной – чем одну на распасах»? Но чувствует моя душа – падать будете!

– Не мешайте, Кузьма Ильич! Пусть Николай Аполлонович подумает, у него вон какая гора, – вмешался Адельберг и взялся за рюмку.

Кузьма Ильич, сидя на своём стуле, пытался заглянуть к Байкову.

– Вам, Александр Петрович, легко говорить, вам сегодня карта вся лист в лист ложится, как говорится: «Кому в карты везёт...»

– Не верится, прямо не верится, экий вы оказались азартный, никогда бы о вас такого не подумал, – сделал замечание Тельнову Адельберг и посмотрел на Устрялова: – А кстати, Николай Васильевич, мне Анни сказала...

– Да, Александр Петрович, Наталья Сергеевна на третьем месяце, ждём прибавления...

– Молодцы! Это хорошо, когда между детьми небольшая разница в годах, будут друзьями. Летом должна разродиться?

– Да, если Бог даст!

Адельберг посмотрел на Байкова:

– Ну что ты, Николай?

– Не торопи, Саша! Теперь ты меня не торопи! Может так статься, что и мне карта пришла, дай подумать!

Тельнов перестал крутиться и откинулся на спинку стула:

– Карта не лошадь, к утру повезёт!

– Ваши шутки, Кузьма Ильич, в каноны бы записывать! – сказал Адельберг, снова взял в руки карты и начал постукивать ими по столу.

Байков умоляюще посмотрел на него и попросил:

– Не стучи, Саша, не отвлекай! Поговорите лучше о чём-нибудь!

– Кстати, о «постучать»! Николай Васильевич, – Адельберг снова обратился к Устрялову и с треском уложил карты на стол, – что там из Советов – «стучат»?

Устрялов тоже положил карты:

– Занятные оттуда новости, точнее – тревожные, Александр Петрович!

– Что такое?

– Думаю, в России снова назревают большие перемены, может быть, и не сразу, но последствия могут быть очень серьёзные.

– Что вы имеете в виду? Я с конца прошлого ноября занимаюсь подготовкой партии на Хинган предстоящим летом и как-то упустил последние события. Поведайте нам, вы среди нас единственный, кто разбирается в политике.

– Не скромничайте, Александр Петрович! Однако, судя по советской прессе и сообщениям телеграфа, Ленин серьёзно болен. Вот уже несколько месяцев он затворником сидит в своём подмосковном имении, в Горках, и не посещает даже совещаний их Центрального комитета. А у болезни, как вы знаете, могут быть только два финала...

– А сколько ему лет?

– 20 апреля будет, кажется, пятьдесят четыре!

– Не так уж и много! Так ли актуален...

– Диагноз?

– Да!

– Это одному Богу известно, но сведения просачиваются такие, что он неработоспособен.

– Вот в чём дело?! – задумчиво сказал Адельберг. – Вы думаете...

– Возможно, что скоро он перестанет быть главным большевиком...

Адельберг раскрыл карты и, глядя в них, сказал:

– Да-а-а! Новости! А я в Симбирске в сентябре восемнадцатого чуть было не помог ему в этом...

– Упал!!! – вдруг раздался громкий голос Байкова.

Адельберг и Устрялов удивлённо посмотрели на него.

– Упал, господа! Я упал!

Всё то время, пока Адельберг и Устрялов беседовали, а Тельнов ёрзал от нетерпения, Байков вёл расчёты в своих картах. Последняя сдача принесла ему туза, валета, десятку, девятку, восьмёрку и семёрку трёф, восьмёрку бубен, валета и восьмёрку пик и семёрку червей.

«Вот так раскладик, – изучая карты, думал он. – Если тоже, как они, скажу «пас» и никто не перекупит, то будут объявлены распасы, а у меня в двух мастях только по одной карте... Они быстро их снесут, и я останусь с длинной трёфой, и тогда малейшая моя ошибка... и вся моя трёфа сыграет как козыря, и я снова окажусь в проигрыше. Посмотрим другой вариант – сыграть шесть трёф. Король с дамой у них, – в худшем случае я смогу взять только четыре взятки и останусь без двух. Но лучше на «шестерной без одной», чем «с одной на распасах», хотя скорее всего, что без двух. Что остаётся?»

Байков думал и перестал слышать, о чём говорят Адельберг и Устрялов.

«Напрашивается мизэр, – это если к длинной трёфе придут король и дама. Король и дама! – рассуждал Байков. – Семёрка червей проскакивает, пика тоже маленькая, значит, опасность в том, что у меня бланковая восьмёрка бубен и нет моего захода. Тогда вопросов два: что в прикупе и как разложилась карта у них?»

Байков посмотрел на расчёт.

«Если я прав, то... игру я закрою, хотя гора большая... Аналогичный случай был под Перемышлем в шестнадцатом... Но тогда ведь – пришли король с дамой!!!» Можно было ещё подумать, но он решил.

– Упал!!! Господа! Я упал! – решительно сказал Байков, посмотрел на Тельнова и увидел, как у того запрыгали пальцы, нависшие над прикупом. «Вот шельма, – мелькнуло у него в голове. – Неужели там и вправду тот самый марьяж и он об этом знает? Тогда он закрывается первым!»

Адельберг и Устрялов переглянулись. Устрялов спросил:

– Николай Аполлонович, вы сегодня падаете уже в третий раз! Не рискуете?

– Да уж, Коля! – с ухмылкой поддержал Адельберг. – Ты подумай, пока мы не легли! Ты на концессии работаешь, у тебя денег много! Но ведь и слава! Три несыгранных мизэра за одну игру? Каково тебе будет?

– Ах, господа, – уже спокойно парировал Байков. – Кто не рискует!.. Да знать бы прикуп!.. Так и бы жил в Копенгагене, а не в Харбине! А ты, Саша, у себя на дороге тоже ведь приличное жалованье получаешь, что ж тебе жаловаться? Прикуп, Кузьма Ильич!

Кузьма Ильич с мягкой улыбкой открыл прикуп и отдал его Байкову.

В прикупе был трёфовый марьяж.

– Открывайтесь, господа!

Адельберг и Устрялов снова переглянулись.

– Нет, Николай! Ты сначала снеси!

Кузьма Ильич захихикал и стал тереть ладони.

– Ну, господа, естественно! Да только, как говорится, взятку снёс – без взятки остался! – пошутил Байков, вставил марьяж в свою колоду и выкинул оттуда две лишние карты.

– Ложимся? – спросил Адельберг Устрялова.

– Конечно! – ответил Устрялов, и они положили на стол открытые карты.

Тельнов мельком глянул на карты Адельберга и Устрялова и, не удержавшись, закричал:

– Неловленный! Господа! Неловленный!

«Какой азартный, старый чёрт! Никогда его таким не видел!» – подумал Адельберг, но вслух сказал:

– Не торопитесь, Кузьма Ильич!

И они с Устряловым стали внимательно изучать свои лежащие открытыми карты.

Николай Аполлонович увидел, что карты у его противников распределились так, что перехода не получалось, поэтому его единственная дыра – бланковая бубновая восьмёрка – действительно оказывалась неловленной. Тельнов, сдавший нужный прикуп, набирал свои очки и закрывался, и партию можно было считать конченной.

– Ну что! Николай Васильевич! Попробуем поймать его бубновую восьмёрку? – спросил Адельберг.

– Попробовать можно, но у нас нет перехода.

Байков улыбался.

– Ловите, господа, ловите, если сможете!

Партия действительно оказалась конченной, и Байков обратился к Тельнову:

– Вот так, Кузьма Ильич! Как вы говорите: «Дети хлопали в ладоши, папа в козыря понал»?..

– С этой приметой, Николай Аполлонович, вы ошиблись, в данном случае говорят, что «мизэра парами ходят», а тут третий! Сдать бы ещё, однако у нас есть закрывшиеся!

– Ну что ж! – Профессор Устрялов, единственный оказавшийся в проигрыше, встал из-за стола и обратился к Тельнову: – На что истратите выигрыш, Кузьма Ильич? На акварели или на масло?

Тельнов не успел ответить.

– А вы рисуете? – спросил Тельнова удивлённый Байков.

– Пописываю! – ответил старик.

– Не интригуйте, Кузьма Ильич, – Адельберг бросил карты на стол, – принесите свои работы. Николай Аполлонович и Николай Васильевич их ещё не видели.

Тельнов сделал вид, что смущается.

– Ну же, Кузьма Ильич! Принесите! – снова попросил Адельберг.

Тельнов пожал плечами и вышел, а Байков сидел и тихо радовался неожиданному и столь блестящему финалу игры, потом встрепнулся и спросил:

– Саша, пока я мороковал с картами, вы говорили о чём-то интересном!

– Да, – подтвердил Устрялов. – Александр Петрович хотел что-то рассказать забавное, про какой-то случай, в сентябре восемнадцатого в Симбирске... – Он обратился к Адельбергу: – Вы что, имели там дело с Лениным?

Адельберг не спеша собрал карты и поставил на середину стола коньяк и вазу с фруктами.

– Не совсем так, конечно. Вообще-то Николай Васильевич рассказывал о том, что Ленин сильно болен и даже неспособен...

– Это я знаю, он даже в Кремль не показывается, а ты про что рассказывал?..

– Я рассказывал, что осенью, а дело было в восемнадцатом, в Симбирске, но, Николай Васильевич, – Адельберг поставил рядом рюмку профессора и стал наливать коньяк, – в то время, насколько мне известно, Ленина там не было, просто такая фантазия пришла в голову, что если бы он там оказался...

– А что за фантазия, Саша, расскажи!

Адельберг налил всем.

– Всю весну восемнадцатого года я провёл в Москве, разыскивал своих родителей и пытался найти генерала Мартынова, ты его помнишь, Николай.

– Конечно помню, в первые дни германской он попал к австрийцам в плен.

– Да, повоевать ему не пришлось...

– А он, насколько мне известно, здесь в десятом году командовал замурцами? – поинтересовался Устрялов.

– Так и есть, был нашим с Николаем Аполлоновичем командиром...

– И неплохим, – подытожил Байков.

– Так вот! – продолжил Адельберг. – В конце весны, когда на Волге поднялись чехи, я решил, что пора мне двигаться на восток...

– А давайте, господа, – перебил его Байков, – помянем те времена! Много было надежд...

Тельнов всё не возвращался, и Адельберг, Байков и Устрялов подняли рюмки.

– Извини, Саша, продолжай!

– ...До Симбирска я добирался долго... сами помните, какие были дороги и что творилось на железке...

– А почему в Симбирск? Ты мне этого не рассказывал! – снова перебил его Байков.

– Туда в июле 1917 года уехали родители Анны и пропали...

– Как твои?

– Наверное! Никто не знает! Выяснить не удалось! Так вот, в Симбирск я приехал как раз в разгар боёв. Суeta была и полная неразбериха. Все одеты одинаково, все стреляют. Кто? В кого? Наших можно было отличить только по белым повязкам на рукавах да по остаткам формы, ещё императорской.

– А ты был в чем?

– В цивильном, конечно! В чем же я ещё мог быть, если приехал из Москвы? Носить мундир было опасно! Невозможно! Так вот, я прямо на улице прихватил валявшийся рядом с каким-то убитым револьвер и стал пробираться к берегу Волги. Наших, то есть симбирцев, красные уже теснили; у них за спинами, как говорили, маячил сам Троцкий, в своём автомобиле...

– Это там его чуть не поймали?

– Нет, по-моему, это было то ли в Казани, то ли в Свияжске... Многие, в том числе и я, кто пешком, кто как, пробивались к железнодорожному мосту. Надо было перебраться через Волгу и соединиться с отрядом Каппеля. На мосту была кутерьма, стрельба была такая, что казалось, пули летали пачками... Но удалось! Где пешком, где ползком, я добрался до конца последней фермы и ссыпался с насыпи, прямо кубарем, и тут бабахнуло... Взрывная волна была такой силы, что уложила всех на землю...

Адельберг секунду помолчал и затянулся папиросой.

– Взрыв был мощный, но мост устоял... А левый берег Волги – кто там был, тот помнит – низкий, правому, городскому не ровня, на правом возвышается Венец. Так вот, артиллерия Каппеля, всего несколько орудий, стреляла по красным из низины, с левого берега, с закрытых позиций. Красные засели как раз на Венце, на самой высокой части. Потом выяснилось, что Каппель расположил свой штаб так, чтобы видеть отступление симбирцев, то есть совсем недалеко от моста, в лощине рядом с железнодорожной насыпью. Тут вижу: к нам – а людей, тех, кто только что перешёл на этот берег, было много – скачут три кавалериста – хорошим таким галопом. Артиллерия красных в это время перенесла огонь и стала обстреливать насыпь, справа и слева.

Александр Петрович рассказывал и поглядывал на собеседников.

– Снаряды рвутся, люди падают, а эти к нам... Ну вот, в одном из них я узнал Володю Каппеля. Я поднялся. Как мог, отряхнул пыль с одежды – сами знаете, надо было выглядеть, – подхватил саквояж и пошёл навстречу. Что-то Кузьма Ильич там долго возится!

– Да бог с ним, с Кузьмой Ильичом, дальше что было? Ты мне этого не рассказывал, – спросил Байков и облокотился на стол.

– Дальше? Каппель тоже меня сразу узнал, ещё издали, и направился прямо ко мне. Поздоровался, спросил: мол, какими судьбами? Я, признаться, и ждал, и искал этой встречи,

но всё же несколько замешкался с ответом, наверное, взрывом оглушило. Он даже поинтересовался, не контузило ли меня, часом? Мне надо было как-то выходить из положения, и я спросил: «Кто взрывал, мы или красные?» Он сошёл с коня и подал мне руку: «Да им-то зачем? Им наступать! Наша работа!» – «Да! А жалко, хороший был мост!» Я тоже подал ему руку, только сначала обтер её о брюки. Мы немного постояли друг против друга, знаете ли, с каким-то одинаковым чувством неловкости.

Адельберг задумался.

– Мы познакомились за два года до этого, ещё в Могилёве. Тогда мы были оба в мундирах, нам не надо было думать, как приветствовать друг друга, что делать и о чём говорить. А тут, представляете себе, я стою в пыльной брючной паре, в туфлях, в фетровой шляпе, эдакий шпак. Каппель тоже был в штатском, только с белой повязкой на левом рукаве.

«Вот так, полковник, – сказал он тогда. – Русские люди взрывают русский мост, печально, конечно, что и говорить! Но не отдавать же его Тухачевскому. – И добавил: – Вы уж простите мне мою бестактность, но, как я полагаю, в гости к нам – вы». – «Прошу располагать мной, господин...» – не зная, как к нему обратиться, ответил я. «Подполковник! – заметил он. – В наше время, Александр Петрович, чинов не присваивают, да и не в этом дело».

Адельберг смочил губы коньяком.

– А я его хорошо помню, – всегда улыбчивый и живой, он почти никак не переменялся за это время, если не считать его непривычного гражданского платья. Те же, знаете ли, жёсткие русые волосы, курчавые, и так же расчесаны на прямой пробор. То же... Никто из вас его не видел?..

Устрялов кивнул.

– ...то же широкое лицо, – продолжал Адельберг, – и глаза те же – голубые, со смешинкой, та же борода.

– Он ведь служил у красных в Самаре у Куйбышева, в штабе Волжского округа? Хотя тогда многие служили, и не только у Куйбышева! – заметил Байков и обратился к Устрялову: – Это из-за этого у него был «ледок» с Колчаком?

– Нет, уважаемый Николай Аполлонович! Не из-за этого! Сибирское правительство было кадетским, а Самарское – эсеровским. Каппель влился в Белое движение с самарцами, и почти до конца его считали близким к эсерам, хотя таковым он не являлся, – ответил Устрялов, – это я уже потом, в Сибири, узнал. Но продолжайте, Александр Петрович, прошу вас!

– Да, благодарю. Так вот! Стоим мы так, беседуем, и тут недалеко, саженьх в пятнадцати, наверное, взорвалась шрапнель, выпущенная красными. Мимо нас бежали с обеих сторон два добровольца, тоже с белыми повязками... Как упали ничком и даже не пошевелились. Владимир Оскарович не дрогнул и спрашивает меня: «Не отвыкли ещё?» Я посмотрел на него, на его коня, тот при разрыве тоже не дрогнул. «Думаю, что нет!» – «Вот что, полковник, я сейчас черкну вам записку, мой штаб расположен во-он в той ложине, идите туда, скоро мы будем отсюда сниматься, тогда поговорим».

Прощаться я не стал, взял дирекцию на ложину, где находился штаб, потом оглянулся. Я от Волги шёл медленно; горизонт впереди немного повышался; оттуда из высоких плотных кустов стреляли по красному уже Симбирску пушки Вырыпаева, полковника, он тоже присоединился к Каппелю в Самаре. Справа, на некотором отдалении, с насыпи и моста ещё убегали люди – последние. Я недалеко отошёл, и даже видно было, как у них вздрагивали винтовки, – это они стреляли по тому берегу. Сейчас я всё это вспоминаю, господи, но как-то всё как в тумане, даже не знаю почему... Вот так я шёл к ложине; смотрел под ноги; видел траву, начинавшую жухнуть, сентябрь был сухой... Рвалось то тут, то там. Мешало думать.

– А о чём вы могли тогда думать? – спросил Устрялов. – Надо было бежать в укрытие!

– Думал о том, что хорошо, что я его сразу встретил! О том, что если доберусь до штаба живым, значит, первую половину пути сюда, на восток, я прошёл. Мне тогда эта простая мысль

показалась неожиданной и даже какой-то радостной! Давайте, господа, ещё по одной, – сказал Адельберг и на правах хозяина налил коньяку.

– Интригуешь, Саша, рассказывай, что было дальше! – с нетерпением попросил Байков.

– Я и рассказываю! Так вот! Вдруг так бабахнуло, я с ног – как подкошенный. Лежал, правда, недолго, поднялся, отряхнул землю и понял, что взорвалось совсем уже рядом. Честное слово, какая-то ошалелость была в голове, и тогда я подумал, что надо бы двигаться быстрее – тут вы правы, Николай Васильевич, – а то вторая половина пути ведь могла оказаться совсем короткой!

Байков, Устрялов и Адельберг выпили.

– И тут, почти сразу, взорвалось ещё раз, опять рядом. Я увидел впереди яму или воронку и прыгнул в неё. Через несколько секунд отдышался, выглянул через край в сторону Симбирска и сразу вспомнил – Ленин-то родом отсюда, как и Керенский...

– Родила же земля два чудовища в одном месте, – задумчиво промолвил Байков.

– ...я и подумал: «Так это, наверное, ты, уважаемый товарищ Ленин, сидишь вон на той колокольне и управляешь огнём?» – и сразу понял, что два взрыва, эти два посланных красными снаряда, предназначались для меня, рядом никого больше не было. Первый лёг, ещё дымилась воронка, – справа, второй – в десяти саженях впереди, а третий... А третьего, господа, это я осознал очень ясно, ещё не было, и вдруг я увидел, что к моей яме бежит сломя голову какой-то мужчина с белой повязкой на рукаве. И тогда же прилетел третий! Снаряд упал прямо под его пятки, и я увидел, как его забросило далеко вперёд. Вот такая картина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.